

Бражник

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Враль Цагар

Цагар Враль Бражник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69584533

SelfPub; 2023

Аннотация

Каннибализм – это поедание себеподобных. Кто ты, кто подобен тебе? С этого надо начинать. Уж точно не с вопроса «почему я, блин, вообще должен об этом думать?». Его надо было задавать раньше. До того, как пробовать.

Содержание

0,5	5
Лавровый потоп	9
Паршиво	31
Мама	49
3.1. Пояснение	63
Яра	64
Деньги	93
Эпилог	103
Встреча	106
И все-таки морг	138
Драма	159
Я плохой человек	172
Про честность	192
Властелин ключей	207
Как я ослеп	223
Закат	244
Воспитание	250
Пороки цивилизации	259
Бижутерия	290
Нахрен такие пирожки	297
Гроб на колесиках	299
День, когда это случилось	307
Конец света	315

Цагар Враль Бражник

0,5

Последние три года я не вылезая из долгов. Я окутан ими, как покойник саваном.

Без долгов я бы точно умер. Они меня греют.

На ближайшую жизнь у меня не осталось никаких планов и надежд. Когда я просыпаюсь утром, я не иду на работу. Мне не с кем поговорить. Нет такого человека, в чьей жизни я бы занял много места. А тут – долг. Про него не забудут. И про меня тоже. Естественно, свои долги я не отдам. Мне нечем. А значит, эта путеводная звезда для меня никогда не погаснет.

Поэтому я хожу за пивом в дальнюю пивную лавку. Те, что поближе, уже доверху наполнены моими задолженностями, сам я туда просто не влезу.

Однажды я сделал кое-что, после чего обхожу самую ближнюю пивную лавку за два двора, а то и дальше, даже если очень тороплюсь. Когда я выхожу из дома, первое, что я делаю – смотрю в другую сторону. Иду и не оборачиваюсь. А та пивная позади дышит мне в спину, но не как маньяк. С укором. Маньяк за тобой гонится, а тут другое: за тобой не

пойдут, потому что знают, что ты сам себя накажешь хуже любого удара под дых.

Вот такие у меня отношения с той лавкой, хоть я и рубля в ней не должен.

Обычно я беру литров пять или шесть. Пять – если не хочу напиваться, шесть – если есть деньги. Иногда денег нет настолько, что беру только два или один, а то и вовсе без пива остаюсь. Но если мое лицо вызовет необходимый объем доверия, то пиво могут дать в кредит. Уж пятьдесят рублей точно разрешат занести попозже.

Проблема в том, что я пока не вычислил эту формулу необходимого объема доверия. Соотношение благожелательности улыбки и количества бутылок, которые могут дать в руки даром, окутано тайной.

К сожалению, из-за таких, как я, продавщицы научились оставлять пиво вне зоны досягаемости, пока деньги не увидят. Чтобы не шмыг в карман, и поминай, как звали. Смотри записи с камер видеонаблюдения и утирай скупую девичью слезу.

Но даже если разливное пиво тебе не умыкнуть, прямо под боком всегда стоят холодильники с бутылочным. Бери – не хочу.

Так и в той пивной, что всегда мне в спину укоризненно смотрит, было.

Там даже камер видеонаблюдения не стояло, это мы сразу подметили. Даже не по злomu умыслу, просто странно это –

такое место, и без камер. Как будто в пивные лавки только трезвые джентльмены ходят.

Наверно, все дело в том, что лавка работала только в цивилильное время для цивилильных посетителей. Закрывалась в самый прибыльный час, упуская тонны выручки. Работала только при свете солнца.

Есть такая особая степень компетенции: где-то читал называется. Так вот, я где-то читал про очень жизнерадостное племя, которое оставалось жизнерадостным только до захода солнца. Сразу с наступлением темноты все население охватывала массовая истерия. Рыдали до самого рассвета. Когда спали – непонятно, но их страх перед ночью я понять могу: в ночное время наш город становится филиалом ада на земле. Все, что работает круглосуточно, укреплено, как настоящая крепость, ждущая осады орков верхом на драконах. Продуктовые, шиномонтаж, аптеки. И пивные лавки.

Конечно, аборигену в диком племени жизнь понятна только под светом солнца, потому что он мыслит глазом. Если днем хрустит ветка, он может посмотреть в ту сторону и увидеть бегемота. Если ветка хрустнет ночью, то бегемота он не увидит, и ветка хрустнет по непонятным причинам.

Я не знаю, как бы я вел себя в джунглях. Наверно, я бы и днем испугался бегемота.

Ночных чудовищ в городах разгоняют фонари, да и бегемотов тут не бывает. Боимся мы вовсе не бегемотов.

Аборигенам нужно пережить всего лишь ночь, а днем они

снова будут счастливы. Все вернется на прежние места.

Пальмы, пропавшие во тьме, снова зашелестят под солнцем. Медленно проступят из темноты, становясь все ярче, приобретая знакомые цвета. Добрые боги вернут аборигенам их привычную жизнь и превратят всех монстров ночи в обычных бегемотов.

Но наше зло никогда не дремлет. Я хорошо понял это спустя год, когда впервые попробовал человечину.

А камеры в той пивной должны были поставить. И плевать, что по ночам не работает.

Самое главное – никогда не мучиться стыдом за то, что ты сделал. Все остальное пережить можно.

Лавровый потоп

Ты вытираешь пол насухо и думаешь, что все обошлось, а потом тебе звонят в дверь. Так ты и понимаешь, что затопил соседей.

Случилось что-то ужасное, а сделать с этим ты уже ничего не можешь. Конец света настал, и начался он прямо с порога твоей квартиры. Услышь трубы и гром, ангелы взывают к тебе.

Грядет Страшный Суд, и ты это знаешь. Ты уже видел его в глазок, когда отпирал дверь.

Подготовиться к этому ты не сможешь. Так оно и задумано: ты должен встретить свою судьбу если не с голой задницей, то как минимум с выражением одутловатой растерянности на лице, что, впрочем, одно и то же. Ты не можешь быть одухотворен в момент оглашения приговора. Ты не должен быть рад Моменту Истины, потому что для таких вещей нет подходящего времени. Есть только неподходящее, и именно оно им подходит.

Одним словом, звезды сложились так, что это случилось: у меня как раз наступило время, непригодное для любой траты денег. То есть, полное их отсутствие. Я был полнейшим банкротом, потому что потратил все свое состояние на два литра пива. И вот тут-то судьба решила: «ага». Настало время для Истины.

Восстановлю цепочку событий: пиво ласково, как новорожденное дитя, брошено в мой пакет. Я выхожу из пивной и иду обратно. Я иду обратно той же дорогой, но впечатлений остается гораздо меньше. Меньше, зато качественней: я чувствую только огромную вселенскую любовь к миру вокруг. Я радуюсь пиву.

А когда я захожу домой – вижу у самого порога лужу.

Раз. Я испытываю приступ брезгливости.

Два. Вспоминаю, что ни кот, ни собака у нас нет, вздыхаю с облегчением, но через лужу все-таки перешагиваю.

Три. Еще раз вспоминаю, что собаки у нас нет, а кот тем более.

Возникает вопрос.

И теперь, господа присяжные, пришло время познакомить вас с универсальной формулой, которой можно решить любой вопрос, возникающий в нашей квартире. Это та самая задача, ответ на которую уже содержится в ее условии, «прочитай еще раз и все поймешь», как любят подтрунивать над детьми учителя математики.

Как вы могли заметить, квартира наша. А наша она потому, что помимо меня в квартире имеется Лаврентий.

Имеется – не в смысле имеет самого себя. Упомянуть это я считаю крайне важным, потому что желание материть Лаврентия – та самая слабость, с которой мне приходится бороться регулярно. Кто-то безуспешно бросает курить, а я – материть Лаврентия. На самом деле, нет никакой весомой

причины его не материть. Напротив, поводов предостаточно. Лаврентий поставляет эти поводы регулярно, почти с заводской точностью. Не матерю его я не потому, что не за что, а потому, что мне мои нервы дороги. И если я начну всерьез его крыть, то это займет слишком много времени и сил.

А у меня пиво. Его пить надо. Я, можно сказать, занятой человек.

Так вот, нашей квартира была именно потому, что в ней нас содержалось двое: я и Лаврентий. Он просто со мной жил. Но с этим «просто» у нас регулярно возникали непомерно проблемные сложности. «Просто» Лаврентия можно разве что материть.

Задымившаяся проводка – это так, для разогрева. Я от этого запаха просыпаюсь по утрам, как нормальные люди от кофе.

Поэтому лужа у порога в тот день меня совершенно не удивила. Вопрос о ее местонахождении был риторическим. Дело, разумеется, в Лаврентии, а знать подробности мне незачем.

Как и полагается рядовому гражданину, с аномалиями в жилище разговор я держал короткий: вытер все насухо. Так едва зачатый, да и то риторический, вопрос исчерпался ведром, содержимое которого я вылил в унитаз.

После этого я пошел в свою комнату и благополучно забыл обо всем на свете. Вода на полу находилась в самом низу моего списка всего на свете, а в очереди на забывание стояла

самой первой.

После двух литров пива я и вовсе заснул, а разбудил меня звонок в дверь.

Когда я вышел из комнаты, вода оказалась на своем прежнем месте. Не то, чтобы меня это удивило – я скорее восхитился целеустремленностью такого примитивного вещества. Во даёт, а. Отчасти из уважения, но в основном из-за мерзкого стрекотания звонка, кнопку которого по ту сторону двери неустанно терроризировал чей-то палец, я решил пока воду не убирать и смело наступил в лужу босыми ногами.

Вода, кстати, оказалось теплой, но это не придало моему решительному шагу комфорта: мне снова пришлось напоминать себе о том, что домашней живности мы не держим.

Еще я подумал, что на полу могут быть разлиты какие-то химические реактивы – потому что кто его, Лавра, знает! – и над моими ступнями нависла ощутимая угроза.

Для верности я подождал пару секунд. Чуть потрянул ногой, чтобы, в случае правдивости моей догадки, ошметки плоти слезли с голой кости, но нога даже не дымилась. На вкус и запах таинственную жидкость я проверять не стал, но осмелился снова наречь её водой.

Дверной звонок продолжал стрекотать.

Но – оцените силу моей веры в человечество! – о Лавре я подумал далеко не сразу. Это сейчас я могу злорадно указать на виновника пальцем, а тогда просто смирился с происходящим. О Лавре я вообще куда лучшего мнения, чем он

заслуживает.

Стоя в луже голыми ногами, я смутно ощущал, что вода меня будто бы гладит. Даже приятно, вода-то теплая. Гладит по пяткам и поднимается все выше.

Да, оказалось, что уровень воды в луже поднимается. В нее, как в маленькое озерцо, впадал ручеек, бегущий через весь коридор. Его исток находился где-то за поворотом на кухню.

Симпатичный дачный ландшафт за городом.

Дверь все-таки пришлось открыть. Я уже догадался, что звонили соседи снизу.

– Мы снизу, – агрессивно сообщила дама в дверном проеме. Даже не поздоровалась.

Она лишь подтвердила мою догадку, но я решил не отвечать, что уже знаю. Ей, должно быть, уже досталось.

Только представьте себе эту картину: вот эта дама в офисном костюме, она же не ходит за пивом в дальнюю лавку, как я. У нее есть работа. Пришла она сегодня с работы, непременно уставшая и злая на какую-то рабочую неурядицу, а в квартире дождь. Наверняка еще и прям на ремонт, не станет же она жить так, как мы. Это у нас с потолка штукатурка летит, как с волос перхоть. Нам-то терять нечего на этом потолке, я бы даже, может, обрадовался, если бы с него дождь пошел. Но для нее это непорядок. Вот она и пришла с нами ругаться.

Мало того, что мы, гады, открыли не сразу, так открыл

еще и я – стою, купальный сезон открываю босиком в этой луже. И улыбаюсь дружелюбно, чтоб ей не очень обидно было столько ждать.

Конечно, она злилась. Я ее даже не осуждал.

– У вас что тут творится? – возмущалась она тоном школьной учительницы.

Я молчал. Думал, может она и вправду в школе работает: такая официальная, строгая. Костюм офисный, он же и школьным может быть. А сидел на ней, надо сказать, отлично.

– Вы хоть понимаете, что это все ко мне с потолка капает? – продолжала участливо возмущаться она. Её длинная шея агрессивно подавалась вперед, как будто каждое свое слово она вклеивала мне в голову.

А шея прямо лебединая.

Я молчал. Опустил взгляд, чтобы не видеть нолики денежной компенсации в её глазах за линзами узких, аккуратных очков, и взгляд почему-то сам упал к ней на грудь. Упал, как изнеженный солнцем мартовский рыжий кот падает на шиферную крышу. Падает и катается по ней пузом кверху.

Я очень хотел, чтобы все обошлось без ремонта. Боже, пускай все высохнет без следа. Пускай перекрытия между этажами возьмут удар на себя.

Оторвав глаза от бюста, я взглянул ей за очки. Мне все стало кристально ясно.

Когда я постучал к Лаврентию, он не ответил, и я даже

забыл про воду и мартовских котов – всерьез забеспокоился, что с ним случилось. Как будто с Лавром что-то может случиться! Нет, это из-за Лавра все всегда случается. А с ним – никогда, я еще раз убедился, когда открыл дверь: сидел себе, живой и невредимый. Зараза такая. Просто в наушниках.

А за моей спиной все еще стояла разъяренная незнакомка. Я ее грудь спиной чувствовал.

Это было даже приятно.

Из-за открытой двери в темное царство Лавра брызнул солнечный свет. Вернее, не солнечный, а от лампочки в прихожей.

Дело в том, что Лаврентий солнечный свет презирал, как и подобает чудиле со стажем: окна он завесил плотной черной тряпкой, как театральной портьерой. Из источников света Лаврентий признавал только старую настольную лампу с противным желтым светом. Лампа чуть-чуть не дотягивала до звания раритетной, поэтому числилась у нас просто старой.

От света Лаврентий встрепенулся. Обернулся, как зверек, с выражением заинтересованности и абсолютной невинности. Его тело на табуретке – дряблое и округлое, как подушка – мягко перевалило в мою сторону свой центр тяжести. Наушники Лавр снял. За годы совместного проживания усвоил, что жестами объясняться я не умею.

– У нас что тут творится? – переадресовал я вопрос соседки, которая все еще дышала мне в спину своим бюстом.

– Фрустрация, хаос и полное беззаконие. Как всегда, – незамедлительно рапортовал мой добрый сосед.

И уставился на меня со скупающей вежливостью на грани презрения, как консультант в магазине.

Я прояснил ситуацию:

– Там соседка снизу пришла. Мы её топим.

И Лаврентий... он просто мне улыбнулся.

– Все мы тонем сами по себе. Когда тебя топят – это еще ничего.

Нет, Лаврентий не был катастрофой. Он был самым настоящим стихийным бедствием.

***

«В смерти своей настоятельно прошу никого не винить, только меня самого. Автор этих строк не смог вписать себя в мир и выбрал единственный выход – преждевременный и собственноручный. По поводу небольшого своего имущества заранее отдал распоряжения доброму товарищу, Лаврентию Анатольевичу. Он все сделает, как положено, ему я доверяю, как самому себе. На протяжении совместного нашего с ним проживания Лаврентий Анатольевич неоднократно доказывал свою усидчивость и расторопность, восхищал меня своим умением решать проблемы и никогда не подводил доверия. Из всех вещей в вашем бренном мире моей бессмертной душе больше всего будет не хватать именно Лаврентия Анатольевича и маленьких радостей нашего с ним совместного быта. Да, Лавр, это все про тебя. Гнида ты

эдакая».

Иногда я пишу предсмертные записки. Это успокаивает.

Но я пока не хочу умирать. Для этого нет ни одной причины. Причины есть только для того, чтобы продолжать жить.

У меня еще целы руки и ноги. И того, и другого по две штуки. Полная заводская комплектация. Все, что под кожей, цело тоже – даже аппендицит не вырезали, ни одного хирургического шрама на всем теле.

Правда, я почти не использую свои руки и ноги. Аппендицит тоже. Но я еще могу сослужить человечеству службу всеми своими конечностями! Разве что аппендицит в пролете, но для чего-то же он все-таки нужен. Не знаю, для чего именно.

У меня впереди одна неопределенность, а позади – сплошь надежды на светлое будущее. В таком положении умирать как-то глупо.

У меня, в конце концов, пока не было девушки по имени Мария. У меня было много девушек, но Марии пока нет. А мне очень хочется, чтобы Мария была. Главное, когда я её все-таки найду, в первый же день не жениться от радости.

Мне нравится жалеть себя в предсмертных записках. Как будто кто-то посторонний ко мне подходит и по плечу хлопает.

После того, как соседка снизу потребовала компенсировать ей всю безрадостную жизнь учителя начальных классов, на меня напала вполне ожидаемая хандра. Хоть я даже не

спросил у нее, действительно ли она работает учительницей начальных классов. Мне, по правде, даже не хотелось у нее это спрашивать.

Предчувствие денежных трат вообще отбивает у меня все желания. Я сразу начинаю видеть в каждой вещи усилие, на нее затраченное, и думаю: какой смысл? А ответов не нахожу.

Какой смысл, к примеру, строить дом, в котором так легко происходят течи. Сколько людей трудились для того, чтобы между этажей учудить дуршлаг. Я много думал о перекрытиях. О том, что все стены полые изнутри, и кто знает, что там творится. Смерть, гниль и плесень.

Естественно, в таком состоянии духа я ничего не мог делать. Особенно не мог заплатить соседке снизу, потому что это самая бессмысленная и злодейская вещь из всех, на которые я только способен! Я точно знал, что от этого ни мне, ни ей легче не станет.

Мне не станет, потому что это унизительно и у меня денег нет. Ей – потому что деньги людей портят. Тем более, когда их из кармана нищего забирают, как последний кусок хлеба.

Хотя о хлебе мне лучше не думать. Голод – неотъемлемая часть моей жизни. Если денег у тебя мало, ты все спускаешь на еду. На то, чтобы выжить. Но жрать все равно хочется постоянно. К тому же, хоть денег у меня хронически мало, на еду я спускаю далеко не все. Большая часть утекает в мой главный порок: в пластмассовую литровую бутылку с

пенным.

Я не могу назвать себя алкоголиком, как и любой другой алкоголик, но пью я довольно часто. От обыкновенного алкоголика меня отличает только одно: так же часто я могу и не пить, просто обстоятельства заставляют искать убежище. Я выбрал не самый плохой вариант.

Конечно, все могло быть хуже. Возможно, если б моя жизнь сложилась похуже, я бы чувствовал себя лучше.

Найти для себя крайность и больше не мучиться в неопределенности! Не иметь ни малейшей возможности заработать денег и не страдать угрызениями совести из-за того, что ты их не зарабатываешь! Какое это счастье.

Вкусить наконец сладкий плод заслуженного презрения, моля злобный мир о жалости.

У меня давно появилась идея. Социальное исследование. Нарисовать две диаграммы: на одной изобразить распределение дохода людей с достатком, на другой – без него. Сперва может показаться, что это исследование бесполезно, но на деле это не так, ведь так мы узнаем, что нищие тратят на еду гораздо больше, чем богатые.

С помощью этих диаграмм можно многое рассказать об обществе. Например, если прибавить к ним статистику ожирения, то станет ясно, что всему виной нищие. Если тратишь все свои деньги на еду, не удивляйся! С ожирением, разумеется, надо бороться. Например, сказать бедным, чтоб меньше жрали – но толку от этого не будет, поэтому есть более

действенный метод: повысить цены, чтоб на тот же бюджет они покупали меньше еды и, следовательно, худели.

Или, к примеру, можно рассказать о том, что бедные не стремятся к культуре. Они жрут, а не читают книжки! Конечно, они не пойдут в музей, ведь такая жирная задница даже не пролезет в двери.

Но я солгал. На самом деле исследование бесполезно. Ведь вы уже это знаете.

Все хотят изменить свою жизнь, но не все готовы начать делать хоть что-то.

В том числе и я.

Счета за коммунальные услуги на тот момент мы с Лаврентием не оплачивали уже год, а то и дольше. Приходилось, правда, периодически подкидывать пару копеек, чтобы не отключали свет. Свет нам не отключали, но почтовый ящик все равно ломился от неоплаченных счетов и длинных оповещений о том, какие мы сволочи, раз не платим за квартиру.

И с этим я абсолютно согласен: мы сволочи, причем последние.

Все мои друзья – прекрасные люди, только вот их у меня больше не осталось. Когда ты нищаешь, твой круг общения сужается с астрономической скоростью. Когда ты не отдаешь долги, тебя вообще мало кто соглашается терпеть.

Но даже к тем, кто готов тебя выносить, ты не ходишь, потому что совесть мучает. Ты уже выброшен за борт, не надо цепляться за весла.

Они все отделились от меня постепенно, даже не прерывая дружбы. Это было очень бережное убийство. Я, вроде как, и сейчас могу к ним зайти – они просто сделали все возможное, чтобы мне не захотелось.

Они. Так обычно говорят о гостях с других планет. Удивительно, как далеко можно уехать под горку нищеты и убожества.

Со мной остался только Лаврентий. Он со мной, а я с ним. Когда мы с ним ссорились, я начинал перечислять способы выселения меня из квартиры. Он на меня из-за этого смотрел, как на врага народа, как будто я предатель последний. Как будто мы женаты, и я сказал, что на развод подаю.

Дело в том, что мы с Лаврентием – существа одного и того же вида. Не только как прямоходящие млекопитающие. Да-да, Лаврентий прилично портил мне жизнь и я его, если честно, ненавидел, но у нас с ним много общего. Не в смысле привычек и мировоззрения: мы с ним много пережили, из общего у нас воспоминания и опыт. У нас с ним одна история на двоих. Мы оба знали, как дошли до своего настоящего, и жили в молчаливой солидарности.

Лаврентий когда-то назвал наш образ жизни контркультурой. Я назвал Лаврентия идиотом.

Я не люблю этот термин – контркультура. Как будто отрицание феномена пытаются вписать в сам феномен. Только плюс на минус не даёт плюс, как в математике, происходит скорее взаимоуничтожение. Если что-то идет против куль-

туры, значит, культуры в нем и нет. Не контркультура, а бескультурие поганое.

На следующий день после того, как я познакомил Лавра с нашей очаровательной соседкой снизу, которая, в свою очередь, познакомилась с нашей водой, он сказал мне:

– Какие нервные люди, оказывается, под нами живут.

В тот момент он сидел у окна. На стуле с разломанной спинкой, навалившись на подоконник своим объемным телом и высунувшись в форточку по плечи. Неторопливо тянул самокрутку с настолько дешевой дрянью, что лучше б курил чай из пакетика.

– Ты вообще о будущем не думаешь! – возмутился я в ответ.

Меня все еще одолевали половые нервозы.

Половые – в смысле, те, что из-за течи в полу. Я нигде не мог усидеть спокойно, постоянно ходил по квартире туда-сюда. По вздувшемуся от воды линолеуму в коридоре, по потемневшим деревяшкам пола на кухне. По стоптанному ковру в своей конуре.

Мне казалось, что времени осталось в обрез. Что потом случится – не знал, но знал, что случится что-то ужасное. Что-то вроде огненного дождя или мирового финансового кризиса.

Поэтому флегматичность Лаврентия меня особенно доставала.

А он еще и вздохнул утомленно. Как будто я со своими

нервозами – дитя нерадивое, и от очень важных взрослых дел его отвлекаю. Вздохнул и повернулся ко мне, оглядев с головы до пят. А потом заговорил:

– Да что такое это твоё будущее? Нет ни прошлого, ни настоящего, ни следующего – есть только один кипящий момент нашего с тобой осознанного, который не уходит ни дальше, ни ближе, который всегда с нами рядом, который и есть мы. Как же ты не понимаешь?

На Лаврентия иногда накатывает. В смысле, он всегда такой, просто иногда рот открывает, а обычно молчит.

И я кивнул.

– Это я прекрасно понимаю. Чего я не понимаю – так это как ты умудрился пережить свое детство, отрочество и юность с такими убеждениями.

Я имел в виду его полную пассивность в отношении происходящего.

Лаврентий отмахнулся.

– Не было у меня не одного, ни другого, ни третьего. Одно лишь настоящее.

Нет, Лавр не притворялся. Он действительно не въезжал.

– И как ты себя чувствуешь в этом своем настоящем, не надоело еще за столько лет?

– Сегодня я отказываюсь от дуалистической системы оценки своего самочувствия, – ответил Лаврентий. Одновременно отягощен и польщен надобностью пояснять свои убеждения-однодневки простому смертному – сидел, давя на

подоконник своей мудростью, курил свою гадость.

И тут уж вздохнул я.

– Ладно. Скажи хоть, как ты эту дырку пробить умудрился? – с этими словами я указал на обмотанную тряпкой трубу. Она была похожа на конечность мумии в бинтах.

Да, Лаврентий просто пробил дырку в трубе на кухне. Он сам признался, чтоб меня успокоить, когда соседка ушла.

Как меня должна была успокоить новость о том, что у нас в квартире труба дырявая, я не знал. Но Лаврентий был в курсе.

– Мясо рубил, – наконец-то ответил он, философски взглянув на свое творение.

– На трубе?

Я язвил. Лавра это всегда доставало.

– Нет, конечно. На столе рядом с трубой, – стол действительно стоял рядом с батареей, так что механику действия понять я мог, – топор на кость попал и на трубу съехал.

В общем, картина предельно ясна.

После объяснения Лаврентия мы оба посмотрели на многострадальную трубу с философским видом.

Сперва Лавр просто заткнул дыру тряпкой и думал, что прокатит. А что произошло дальше, я уже рассказал. С тех пор труба была перемотана гораздо лучше и с нее почти не текло, только капало в ведро, которое мы по очереди выносили.

Ну, как будто потолок течет в избе. Ничего сложного.

– Ладно, – повторил я и задумчиво кивнул, продолжая смотреть на трубу. – Сегодня я попытаюсь найти работу.

Лавр на меня презрительно фыркнул.

– Прекрасное решение. Ещё лучше было бы разве что молча оставить меня, но я не требую от тебя чего-то выдающегося.

– И на том спасибо, – ответил я, незамедлительно следуя его рекомендации.

Что меня всегда раздражает, так это когда люди пытаются показаться умными. Но к Лавру это не относилось ни разу. Вина Лаврентия заключалась лишь в том, что он существовал единственным возможным для себя образом. И, вопреки тому, что образ этот не соответствовал миру вокруг, все равно отчаянно пытался себя в него вписать. А это, как я считаю, достойно уважения.

В истории с трубой, пожалуй, остался всего один пробел: откуда у Лаврентия взялось то злополучное мясо. Это я объяснить смогу – не смогу объяснить только, почему ему понадобилось рубить это мясо рядом со стояком центрального отопления, но этого никто не сможет объяснить, даже сам Лаврентий. Особенно сам Лаврентий.

Как-то раз, во времена нашей бедственной юности (которые продолжаются до сих пор), Лаврентий решил съездить в деревню к бабушке.

Практика самая обычная.

Особенно, если к бабушке ты не ездил уже лет десять, а

в холодильнике последняя мышь повесилась еще неделю назад. Я к бабушке в таком положении не ездил, потому что у меня бабушек не было. А у Лаврентия бабушка была. И он ездил.

Деревенских родичей так растрогал аппетит Лаврентия, что они не скупясь нагрузили его в дорогу. А это уже растрогало Лаврентия. Он плакал. Конечно, мне никто не сказал, плакал он или нет, но мне нравится думать, что плакал.

Я вообще люблю представлять, как Лаврентий плачет, но об этом как-нибудь в другой раз.

В общем, родственники Лавра поставляли нам провизию, как гуманитарную помощь. За это я благодарен им до глубины души, ведь эти продукты помогали мне достичь своей цели: спустать все свои деньги до последней копейки на пиво. Я благодарю их молча, потому что в глаза ни разу в жизни не видел.

Мясо, разделать которое бабушке из деревни раз плюнуть, на нас всегда звучно шлепалось карой небесной. Что два городских парня могут сделать с целой тушей свиньи? Разве что стать вегетарианцами от впечатлений. Я вообще не думал, что свиньи такие огромные. Для меня они были размером с собаку. А оказалось, если тушу положить на диван и накрыть одеялом, Лаврентий решит, что я завел себе девушку – такая она объемная, эта туша. Как два человека.

С мясом нам приходилось попотеть. И никаких специальных ножей. Лавр раздобыл в той же деревне обычный топор

и орудовал им так, как будто пытался забить медведя в состоянии аффекта.

И если результаты его стараний увидит какой-нибудь мясник, он в оскорбленных чувствах на самом Лаврентии покажет, как надо.

Ну, а в один прекрасный день под удар попала труба. Вполне возможно, у Лавра не было иного выхода – либо туша, либо он. Там уж не подумаешь про трубу, бей и молись.

Но вообще-то мы очень хорошие парни, хоть мясо разделять не умеем. Мы настолько хорошие, что, считай, исчезающий вид.

Наша квартира – что-то вроде террариума в зоопарке, а мозги в наших черепных коробках – как прекрасные звери, изъятые из дикой природы, которой они могут приносить пользу. В закрытом пространстве они не могут реализовать свой потенциал, но остаются при этом все теми же прекрасными зверями, изъатыми из дикой природы.

Только вот наш террариум не заперт. Его ни разу не закрывали.

Если говорить проще, то мы, не найдя себе места в жизни, выбрали смерть. Самую тяжелую и мучительную смерть: естественную. А естественная смерть – штука медленная, поэтому мы неминуемо вписывались в жизнь.

Как безбилетники, которых контролер устал донимать и просто оставил в поезде. То ли пожалел, то ли не захотел тратить свое время.

Но скажи я, что от неминуемой жизни страдаю – пришлось бы искать хорошее оправдание тому, что я все еще жив. Даже не одно, потому что в таком деле лучше иметь запасной вариант. На случай, если первый подведет. Да, я не страдаю от жизни и ни разу не пытался сбежать из нее своими силами. Разве что записки писал. Но кто меня за это осудит!

У Лаврентия-то оправдание было отличное, я ему даже завидовал. Он и тут неплохо устроился.

При нашем образе жизни Лаврентий не ограничивал себя ни в чем. Ни в чем из круга его интересов. А в том, в чем он себя ограничивал, он и не нуждался.

У него была крыша над головой, был я, составляющий ему скудную компанию и приносящий в дом пиво, были родичи из деревни и мясо. У него, в конце концов, был топор. Он еще как-то разживался куревом, как именно – тайна за семью печатями. До сих пор понять не могу, как он это делал: при мне Лаврентий не выходил из дома ни разу, не считая своей вылазки к бабушке в деревню. И тех славных времен, которые для нас обоих остались в прошлом.

Почему мы живём вместе? Мы были влюблены в одну и ту же девушку, а потом она бросила нас обоих. Мы остались вдвоём.

Знаю, звучит довольно странно, но это действительно было так. Сейчас расскажу поподробнее.

Я думал, что у нас все взаимно, он думал, что у них все

взаимно, а что она думала, никто не знает.

Вот, собственно, и все.

Если вдаваться в никому не нужные детали, можно сказать еще, что у меня в общежитии стоял диван. Он был там до меня, стоит, должно быть, и теперь – вы могли бы даже проверить, скажи я вам адрес, но я не скажу.

Я смотрел на тот диван и думал: здесь случилось счастье.

Она пришла ко мне всего один раз. В тот вечер я сам пригласил её. Знал, что мы с ней будем вдвоём.

Я был очень богатым студентом: комната в общежитии, понимающий сосед и целая ночь впереди.

Я был самым счастливым человеком на свете. Мог счастливо предаваться жизни и не думать о том, чего она стоит. Именно этим я и занимался, искренне веря, что по-другому не бывает. Веря, что у каждого есть свой вечер с пронзительно живой многослойностью звуков из открытого окна, и в этот вечер к каждому кто-то приходит, чтобы остаться до глубокой ночи, постоять немного у форточки с сигаретой и остаться уже до самого утра, а потом лечь спать.

Если бы вы спросили меня, каково быть религиозным человеком, я бы ответил: найдите то, что полюбите больше всего на свете, и никогда не прикасайтесь к этому.

Но вы не спрашиваете.

***

Такова официальная версия.

Но есть еще кое-что, о чем Лаврентий не знает. После это-

го мы с ней виделись снова, и не раз. Ещё пару недель мы были близки – потом случилась катастрофа и все закончилось, но та пара недель была раем.

После этого мы расстались навсегда. Я – с чувством завершенности этой истории.

Я потерял любовь, но обрёл его. Миниатюрного Шопенгауэра с комплексом неполноценности.

Будем честны: обмен не из лучших. Но в этой истории именно Лаврентий вышел победителем.

Вышел со всей своей жизнью впереди – для того, чтобы быть собой: странным, никем не понятым и абсолютно оторванным от общества.

Паршиво

За свою жизнь я твердо усвоил одно правило: когда кто-то хочет забрать деньги, которых у тебя нет – это паршиво.

А идти в центр занятости паршиво только в первый раз. К моменту второй явки я уже морально перегрыз себя до смерти, так что относился ко всему почти философски, как Лаврентий. Ко всему – это в том смысле, что упали мне на голову кирпич и пробей мне череп насквозь, я бы не сильно расстроился. Почти философски – в смысле, просто не мог реагировать уже ни на что. Эмоции свернулись в трубочки и сложились в поленницу где-то на дне пустого желудка.

Но в первый раз я чуть не испустил дух от вопроса о заработной плате.

Я вообще не думал, что меня о таком будут спрашивать. Думал, отправят на адскую каторгу, платить будут едой и договор я подписывать буду кровью, а уйти смогу не раньше, чем через десять лет, причем с клеймом на заднице.

Но оказалось, что работы для меня не бывает. Она, можно сказать, настолько редкая, что хоть в красную книгу вносить.

Про заработную плату я ничего не знал. В смысле, я знал, сколько получали мои родители, знал, сколько получали некоторые из моих знакомых, но хватало ли им этого? Какой у них был уровень жизни? Сколько хватило бы мне? Сколько бы я хотел? Все эти вопросы меня пугали почти до

слез.

Я не хотел их решать.

Родителям казалось, что образование – это финал, после которого мне откроется счастливая и успешная жизнь. Что это конец борьбы за платиновый статус успешного человека. Так казалось им, то же самое они рассказали мне.

А потом я получил высшее образование и получилось то, что получилось.

После триумфального окончания учебы началась жизнь и закончилось общежитие, пришла ответственность и ушел позитивный настрой по поводу моего будущего – это было оправдано, потому что я впервые оказался с ним один на один, без четкого плана.

Прежде я всегда знал, что мне делать, а тут вдруг мне в морду въехала свобода выбора.

Так я узнал, что не хочу делать ровным счетом ничего.

Но из этого не получилось никакой трагедии. Оказалось, что мир идет своим ходом вне зависимости от того, участвую ли я в его движении.

Жизнь проста до тошноты. Раньше казалось, что я в ней чего-то не понимаю, а на деле все даже проще, чем я думал. Такое разочарование здорово меня подкосило. Думаю, не каждый переживает такие вещи. Я вот не пережил.

Но я все еще жду, что меня настигнет мотивация. Как-нибудь бывшая появится в моей жизни и скажет мне, что я бездельник. Ушедшие друзья обернутся в последний раз –

сказать, что я обречен. Родители начнут выговаривать за то, сколько всего в меня вложили. Тогда мне придется вставать на ноги назло всем.

Но вот незадача: меня окружают прекрасные люди. И все они не хотят иметь со мной ничего общего.

Я никогда не любил центр занятости потому, что в нем приходилось отвечать на вопросы. Когда я отвечал на вопросы, я думал про свою жизнь. Неважно, честно я отвечал или не очень: про жизнь все равно вспоминать приходилось.

А подъезд в центре занятости был такой же, как у меня дома! Как будто эта волчья контора напялила на себя волчью шкуру; и за это лицемерие я её не любил вдвойне.

Бурый кафель с кляксами тающего снега на полу, перила, миниатюрный горный ландшафт из слоев зеленой краски на стенах. Все это в желтоватом свете лампочки под потолком. Такая картина меня грела, как будто я почти добрался до теплой квартиры после мороза: осталось только влезть на нужный этаж и открыть дверь ключом, который давно – с самого двора! – зажат в замерзших пальцах.

Это, пожалуй, даже приятнее, чем тепло после холода. Предчувствие ярче чувства.

В кабинете моего инспектора на стенах висели рамочки с какими-то грамотами. Я понятия не имел, за что могут дать грамоту работнице центра занятости – за выполнение плана, что ли? Еще у нее со шкафа круглый год свисала рукодельная ёлочка из чего-то бурого и мягкого. Я твердо убежден, что

это был носок.

Тогда мне повезло прийти в то время года, когда эта ёлочка актуальна. Зимой.

Занятым я видел всего один стол из четырех. Никаких инспекторов, кроме моей грузной тетки в узких очках. Я думал, что других и вовсе не существовало, а рабочий беспорядок на свободных столах просто регулярно перебирался в новые композиции.

Чтобы сохранить видимость, чтобы все было не так уныло, чтобы места все еще значились рабочими.

Может, моя инспекторша получала зарплату за четверых. Может, она всегда была одна, а может, до этого было еще трое. Об этом думать мне было приятнее, чем о вопросах, которые мне задавали каждый раз.

«В поиске работы заинтересованы?»

«Хотите пройти курс переквалификации?»

Нет, нет. Оставьте меня в покое. Я пришел сюда, чтобы проиграть. Я хочу потерпеть неудачу. Я пришел только для того, чтобы потом сказать:

«Я сделал все, что мог».

И пожать плечами. Как герой.

В первый раз еще и анкету заполнять пришлось. Имя, адрес. Вся подноготная. Абсолютно безнадежный пропуск в графе «предыдущее место работы».

Я прошел через диспетчера, отсидел свою очередь, вошел в кабинет. Увидел давно знакомую ёлочку из носка, три пу-

стых стола. Один занятый. Под стеклом на нем лежало фото: мужчина средних лет, рядом мальчик, одеты оба по моде десятилетней давности. Поверх него еще фото – из тех, что на паспорт, с той же физиономией, что на меня из-за стола смотрела.

Фотография с ней лежит как бы внахлест, на одном уровне с лицами мальчика и мужчины.

По идее мне должны были поставить отметку о том, что я по-прежнему живой, безработный и готовый к любой предложенной работе. Но в тот раз все пошло не так.

В тот раз центр занятости решил проверить меня на прочность. Они хотели, чтобы я доказал все это. Что я живой, безработный и готов к любым предложениям. Мне так и сказали:

– Есть для вас вакансия.

Ну не судьба ли? Да, я знал, что это судьба. Я узнал почерк этой злодейки. Ведь в любой другой день я бы мог отказаться с чистой совестью, а тогда? Тогда я отказался бы с чувством вины. К тому же, в глубине души у меня уже закралось вредное сомнение.

Что-то подсказывало: отказываться мне вовсе необязательно. Но я не слушал. Из всех сил старался не слушать.

А что еще делать, когда до тебя пытается докричаться голос разума? Но, черт, он никак не думал затыкаться.

И я невольно начал прислушиваться.

Да, я бы мог сходить на собеседование – времени же у ме-

ня предостаточно! – но где гарантия того, что меня не возьмут? А не сходить на собеседование и остаться при этом на учете я не мог, это противоречило всем Великим Законам Трудоустройства. В целом я не был настроен против этих законов – они же справедливы и выполняют свою задачу, эти законы! – но только когда они не касались меня. Когда они меня не касались, я мог здравым умом и трезвой памятью осознать их значимость, а тут не оставалось ничего иного, кроме как позволить этим законам исполнить свой механический танец на моих костях. Вернее, костях моего привычного образа жизни. А моему привычному образу жизни кости еще пригодятся, равно как и мне – он сам.

В общем, все аргументы были против. Кроме одного.

Да, деньги. Нужда в деньгах вызывала ошутимое жжение у меня в заду. И с этим надо было что-то делать.

Едва зайдя в этот кабинет, я уже почувствовал на себе прицельный взгляд. Система взяла меня на мушку. И вот ее руки ухватили меня за плечи и уже готовились затолкать в свое жерло – в горящий ад с девяти до шести, с обеденным перерывом на полчаса. С графиком пять на два.

Я почти плакал.

Когда я бессовестно лгал на стандартный вопрос: «в поиске работы заинтересованы?», я и представить не мог, к каким ужасным последствиям это может привести! Подумать только. Мне предлагают работу. Это ужасно!

Я даже не расслышал, что именно мне предложили. Я осо-

знал это как фактор. Как оглашенный приговор.

Инспектор выжидающе смотрела на меня, страдающего. И никакого сочувствия к моему положению!

– Молодой человек, – окликнула она, – у вас все в порядке?

А ведь в детстве я хотел стать рок-звездой.

– Нет, спасибо за предложение, но я откажусь.

Я сказал это и у меня похолодели пальцы, а сердце заби-лось быстрее. Я встал и вышел за дверь.

Как ни странно, за мной никто не погнался. Сдается мне, даже в той конторке, куда меня хотели отправить младшим специалистом, никто не обливался горькими слезами.

Просто я на пару минут забыл, что всем на меня плевать, и решил, что инспекторша погонится за мной с копьем и стрелами, чтобы насильно впихнуть в безжалостную систему наглого бунтаря.

Меня, в смысле.

На деле она, наверно, даже не смотрела мне в спину, когда я уходил. А уходил я как крутой парень, не оборачиваясь и не торопясь. От этого было еще страшнее. У меня даже ноги онемели, но до двери я на них добраться смог, и за нее выйти тоже. Закрыв или нет – не помню.

После моего бунтарства и в коридоре жизнь продолжалась, и в каждом кабинете тоже. Это было странно.

Я всю жизнь думал, что за смелость буду огребать по полной. Потом все страдания, разумеется, будут вознаграждены

титолом «того самого». А тут оказалось, что ни подвига, ни торжества мне не полагается. И от этого мне стало грустно.

Ну, а что еще я должен был сделать? Мне всегда казалось, что, когда людям нужны деньги, они устраиваются на работу. Я попытался, все.

Да, так я и решаю все свои проблемы. Конечно, это никому не идет на пользу. Особенно мне.

После того треклятого подъезда на улице дышалось легче. Я прошел по длинному коридору, в котором располагалась очередь, прошел мимо диспетчера, прошел по лестнице вниз и вырвался на свободу. В красивый зимний день. Солнечный.

День правда был красивый, но уже клонился к закату. Небо все еще безоблачно синело, а солнце махало ручкой от горизонта: освещало только верхние этажи домов и крыши. Кое-где попадало и деревьям – их ветки так золотились на синем фоне, аж глаза резало.

В такие дни что угодно можно испортить и ничуть этим не расстроиться. Я вдохнул морозный воздух по самые пятки.

И вдруг у меня зазвонил телефон.

Конечно, дело не серьезное – телефоны ведь для того и придумали, чтоб на них звонить. У каждого человека бывает такое, что ему звонят. Мне звонят редко. Не скажу, что никогда, такое все же случается, прям как в тот день. Но случается настолько редко, что каждый раз это меня выбивает из колеи. И сразу думается: звонок нехороший.

Я шел по заснеженной улице, холодный воздух щипал нос и веки и вдруг у меня завибрировала куртка. Сначала я даже испугался, а потом достал телефон. Увидел на экране незнакомый номер.

Незнакомые номера, они всегда не к добру. Это либо коммунальщики, либо реклама, либо черт знает, кто – может, соседка снизу как-то узнала мой номер и хочет... точно не на свидание позвать.

А телефон неумолимо продолжал вибрировать у меня в руке. Это нервировало. В конце концов, я сказал себе: «ну, сейчас на меня будут орать». И принял вызов.

– Здорово, – бойко поприветствовал меня голос с незнакомого номера.

И голос этот был мне неприятно знаком.

Я остановился посреди улицы, даже не соображая, что делаю. Просто встал столбом. Подкашлянул и сглотнул – в горле пересохло.

– Ну привет, Ярослав.

Ярослав. Боже мой.

В последний раз я видел Ярослава, когда учился на последнем курсе. Я тогда приезжал к родителям в родной город, погостить. Как Лаврентий в деревню к бабушке.

Ярослав встретил меня у станции. Обнял, как родного брата, и проводил до дома. Родители встречать меня не пошли, а он...

Это была моя последняя встреча с родителями, после это-

го они разве что звонили. Чертовски давно. Последний раз, когда я видел своих родителей и последний раз, когда я видел Ярослава. И если с родителями встретиться снова я не против, то Ярослава был бы рад не видеть больше никогда.

– А чего так официально? – он заговорил шутливым басом, растягивая слова. Потом смягчился: – ну ладно, хоть узнал. Сто лет не созванивались.

Да, сто лет. Он-то мне звонил, но я не брал трубку. А теперь сменил номер.

Подлый трюк.

Я молчал, мне сказать было нечего. Но Ярослав продолжил сам:

– Короче, у нас тут встреча выпускников намечается...

– Я не приду, – с железной решимостью перебил я.

Слушать истории одноклассников? Ну нет. Свою жизнь я ненавижу, что уж там говорить о чужой.

– Послезавтра.

– О таких вещах заранее предупреждают, блин, а не за полтора дня! – возмутился я, уже забыв, что отказался. – Мне до вас добраться – не в ларек за пивом сгонять, это почти путешествие!

– Не бойся, на твой поезд разве что упадет самолет с таким же идиотом, как ты, на борту. Хочешь, я тебя встречу?

– Боже упаси.

– Бог тебе не поможет, – вздохнул Ярослав в трубку. – В общем, подходи к нашей школе часам к пяти вечера, все

наши будут.

«Да уж, конечно, только мне ты самому последнему позвонил. За полтора дня», – злобно подумал я и промолчал, а он продолжил:

– Пивко, шашлычок – все, как надо. Ты же у нас веганство еще не принял?

– Я, вообще-то, уже отказался, – вспомнил я о том, что уже отказался.

– Так я тебя и не спрашивал, – напомнил Ярослав.

С непривычки я даже оторопел от такой наглости.

– Я не приеду, – медленно повторил я.

А Ярослав плевать хотел, что я там говорил.

– Еще как приедешь. У меня к тебе есть предложение.

– Я отказываюсь.

– Нет, не отказываешься. Это сюрприз. Приятный.

Да, мы с Ярославом вместе учились в школе. Он мой одноклассник. И когда мы с ним учились в школе он тоже часто говорил, что у него есть для меня сюрприз.

Я заранее знал, что моих родителей вызовут к директору.

О приятности вещей у нас с ним были очень разные представления. Ему было приятно, например, вылезти на крышу школы через пожарную лестницу, а мне – неприятно, что меня на этой пожарной лестнице замечала завуч.

Так или иначе, за нас обоих отхватывал всегда я.

– Нахрена мне твои сюрпризы, а?

Я понял, что говорю, как обиженный ребенок.

– Не телефонный разговор. Дельце перспективное. Жду тебя, – отчеканил Ярослав и бросил трубку.

И ведь он, зараза, свято верил, что я к нему примчусь по первому же зову!

Все-таки беда не приходит одна. Мало того, что соседку затопили и работу я не получил, так еще и Ярослав. Ярослав – это не просто беда, это катастрофа. И он, как главный босс, подтянулся после всякой мелочи.

По крайней мере, после Ярослава все остальное действительно казалось мелочью.

Все это напоминало одну большую шутку. Звонок, долбаный Ярослав, школа. Такие вещи не случаются внезапно. Я даже чуть не предался воспоминаниям о своем детстве и одноклассниках, но быстро отогнал эти сентиментальности и заменил их беспокойством о финансовом положении. Стал думать взрослые мысли, а не глупые детские обиды.

Лед под ногами обкидали комьями желтого песка, обкатали множеством подошв и спрессовали до кондиции катка. Я шел медленными, микроскопическими шажками, чтобы не упасть. Мне приходилось думать. Когда идешь по льду медленными, микроскопическими шажками, у тебя образуется уйма свободного времени, которое ты никуда не можешь потратить.

Ярослав, выскочив, как чертик из табакерки, вытащил меня из впечатлений о подвиге в центре занятости. Благодарить его было не за что: чертова реальность снова накинута на

меня с кулаками! Я вспомнил, как инспектор спросила меня: «у вас все в порядке?», и от этого стало невыносимо обидно. Неужели у меня на лице написано, в каком ужасном я положении?

Мало того, что денег нет, так еще и перспектив никаких. Здорово в юности: денег нет точно так же, но вот в будущем обязательно появятся, и вообще все будет хорошо. Когда-нибудь.

Но у меня уже появился бесценный опыт взрослого человека, и я знал: ничего никогда не будет хорошо. Точка.

Я сам не заметил, как ускорил шаг, все больше распаясь от внутренних переживаний.

В голову снова влез Ярослав. Какой радостный у него был голос! Уж этот прохвост наверняка устроился хорошо. Я прямо через трубку чуял смрад его преуспевания. Конечно, для него купить билет на поезд – это все равно, что купить самую дешевую газету и завернуть в неё селедку! А для меня – непозволительная роскошь.

Я снова утвердился в том, что не поеду на эту долбаную встречу выпускников. А потом все-таки поскользнулся и упал.

***

Лаврентий в определенном смысле был гением.

По возвращению домой я всегда находил там Лаврентия. В любое время дня и ночи. Можно сказать, я приходил в его царство – в царство уныния, пассивности и интеллектуаль-

ного самоудовлетворения.

Я старался нигде не задерживаться и всегда приходил домой как можно скорее. Черт знает, что там учудит Лаврентий, пока меня нет. Как минимум прокурит всю квартиру до самой штукатурки. Пока я был дома, я отгонял его курить к окнам или на балкон. Но выход на балкон находился в моей комнате, и мне приходилось вести эту набитую табаком куклу вуду через место, в котором я спал. После таких променадов я мог кашлять всю ночь, а то и не одну.

Да, Лаврентий никогда не выходил из дома. Но иногда он просто не выходил из дома, а иногда, как и подобает настоящему гению, разводил бурную деятельность. В такие моменты находиться рядом с ним становилось невозможно, поэтому я искал способы убить время вне своего дивана.

Когда я растерял всех своих друзей, таких способов у меня почти не осталось. Особенно тяжело становилось зимой, когда выйти посидеть на лавочке у подъезда – не вариант.

Квартира принадлежала Лаврентию и за нее никто не платил, поэтому вопросы правовые стояли под вопросом. Вернее, мы решили, что раз уж квартира принадлежит ему, то платить за нее буду я – вроде как, почти снимать, но бесплатно. А денег у меня, как известно, не водилось. То есть, моё право жильца стояло на том, что я по идее должен платить, хоть этого и не делал.

Звучит глупо, но Лаврентий это право уважал.

И все же, несмотря на то, что Лавр считал меня полноцен-

ным жильцом, я не осмеливался просить его о чем-то. Ну, работать тише или не курить совсем. Это, по моему мнению, вопиющая наглость, просить кого-то не курить в своей же квартире.

Стук молотка я услышал еще на подходе к дому, когда возвращался из центра занятости. Этот стук меня дико деморализовал.

С каждым шагом стук становился все ближе: такой ясный, весомый, густой стук. Стук молотка.

А мое настроение падало все ниже. Вероятность того, что стучат из нашей квартиры, была слишком велика.

Я надеялся, что это соседка снизу выломала дверь и уже добывает Лаврентия тапком. Я правда надеялся.

Я зашел на кухню, потирая ушибленный зад. У Лавра в руках был тот самый чертов молоток. Перед ним лежал школьный учебник труда, деревянные доски и ящик с инструментами, на дне которого валялись гвозди.

– Поставите на моей могиле скворечник, пускай меня хоть кто-то навещать будет, – царственно продекламировал он, живой и невредимый, в момент нашей встречи.

Лавр, конечно, гений. Но как же тяжело с этими гадами жить!

Оказалось, он не смастерил скворечник на уроке труда, когда учился в школе. Болел. Он осознал этот огромный пробел в своем образовании и сильно расстроился. А потом сильно расстроил всех окружающих, когда решил его вос-

полнить.

Где эти чертовы соседи, когда они так нужны? Нет, конечно, они все уважают право человека на ремонт. Стук молотка не нарушает общественного порядка. Это естественная потребность жильца многоквартирного дома, молотком что-то забивать.

Впервые я увидел Лавра в компании студентов, моих сокурсников. Молодых, беззаботных и по большей части тупых, как пробки. В головах у нас гуляли ветра и пары этила. Мы были той еще шайкой.

И тут он – такой важный, как будто всех присутствующих купить может.

Уже потом я узнал, что Лаврентий просто не умел одеваться для выхода в общество. А тогда к нам его привела девушка, которую я любил больше жизни.

И вот я молча пялился на это чудо и молоток в его руках. Конечно, теперь Лавр был не в костюме, но те самые очки все так же сверкали на его носу, как напоминание о славных временах, когда он еще выходил из дома.

Кто бы мог подумать, что моя жизнь сложится именно так!

Дело в том, что меня сизмальства учили решать вопросы силой. Когда я вырос, решать вопросы силой мне стало лень, поэтому теперь я не решаю их вовсе. Так что я оставил Лавра и его скворечник в покое. Оставил свои жалкие попытки сделать хоть что-то. Оставил свое мнимое бунтарство. Оста-

вил все это на кухне, а сам прошел к себе в комнату, на диван.

Свет не включал. На кухне уже возобновились строительные работы, и я накрыл голову подушкой.

Номер Ярослава я так и не сохранил – не думал, что он мне когда-нибудь понадобится. Но в истории звонков он был единственным за день. Единственным за много дней, если точнее.

– У аппарата, – мгновенно ответил Ярослав.

За стенкой раздался удар лаврового молота. На всякий случай я уточнил:

– Ярик, ты?

Молоток стукнул еще раз. Я надеялся, что Лаврентий попадет себе по пальцу, но он, вроде, промахнулся.

– Я, родной.

Все затихло. Может, Лавр листал учебник труда или искал новый гвоздь.

– Насчет встречи – ты серьезно?

Ярослав усмехнулся мне в ухо, а молоток на фоне застучал с неунывающей бодростью.

– Ну да. А ты не поверил, что ли? Да если бы я захотел тебя надуть, я бы поинтереснее чего придумал!

Я промолчал, набираясь сил перед решающим ударом. Сглотнул и сжал кулак. По телу пошла нервозная дрожь.

– Я приеду, – наконец выдохнул я. Вот он, удар под дых. Мне же. От меня.

Ярослав удивлен не был.

– Приедешь, приедешь. Ну давай, до встречи.

Я посмотрел на часы. Часы показывали половину восьмого вечера.

Лавр неустанно работал молотком.

И почему самые паршивые ночи всегда оказываются самыми длинными?

Мама

– Я говорил, что заеду на днях, и вот он я!

По приезду в родной город я, разумеется, первым делом зашел к родителям.

– Ты говорил, что заедешь на днях, – согласилась мама, смотря на меня, как на сумасшедшего, – полгода назад.

Как-то раз я решил найти Большую Проблему Детства, чтобы обвинить родителей в моем несовершенстве. Решил только потому, что все так делают. Когда понял это, сразу же перестал.

А потом родная мать не пустила меня на порог отчего дома, и я чуть не обвинил её во всех моих бедах разом, вслух. Матерно.

Нет, у меня вполне себе хорошие родители. Мы с ними не уживаемся, но в этом нет их вины. А если и есть, ее точно не больше, чем моей.

Мать смотрела на меня со злобной жалостью. Ноги в пушистых тапочках твердо стояли по обе стороны порога, у косяков. Помню, на уроках ОБЖ нам говорили, что в вот такую распорку нужно вставлять при землетрясении.

Я вдруг заметил, что моя мать постарела.

– Тебе чего? – спросила она с заискивающей угрозой.

Мне почему-то стало неприятно быть ее сыном.

А еще я пожалел о том, что приехал.

– Да мне бы переночевать только, – оправдался я неправдоподобным тоном, хотя говорил чистую правду.

Нет, мам, я лучше буду ночевать на улице, чем позорно прибьюсь обратно под твое крылышко.

С собой у меня и вправду были вещи – спортивная сумка, которую мне купили еще для школьной секции по карате. Секцию ту я забросил уже после второго занятия, но несколько лет врал родителям и пару раз в неделю уходил из дома с этой спортивной сумкой. Они даже не интересовались толком, куда я иду, так что обманывать было проще простого.

Хотел бы я, чтоб родители на меня не плевали. Может, человеком бы вырос.

Теперь в той сумке лежал необходимый для выживания инвентарь, который выполнил свое предназначение даже лучше, чем я от него ожидал: обеспечил мне стопроцентную защиту от отчего дома.

И ведь это я еще отца не видел.

У моего отца было Место. Левая сторона дивана в большой комнате годами утрамбовывалась его авторитетной задницей. Контур вмятины лоснился на некогда ворсистой обивке внушительным кратером. Но Место моего отца казалось уютным только когда он в нем сидел. Когда он уходил и на диван садился кто-то другой, Место сразу теряло свой шарм.

Эта вмятина в диване была самым уютным местом в на-

шем доме.

Еще когда дом был нашим, в смысле.

Я решил, что отцу лучше не вставать со своего Места. Оставил мать на пороге с её застиранным фартуком, вцепившимися в дверную ручку пальцами и седой головой.

Я приехал в родной город, чтобы узнать, что я теперь сирота.

Подъезд в доме родителей точно такой же, как в центре занятости – краска зеленая, перила коричневые. А вот за окнами пейзаж другой: за окнами мой родной двор, который вдруг стал чужим. Как будто он тоже меня прогнал. Я видел квадратики этого двора три раза – с каждым лестничным пролетом все ближе и ближе, как будто падал на землю.

На улицу я вышел другим человеком.

Конечно, они меня любили. Где-то год назад. А сейчас уже и звонить бросили – знают ведь, что я денег попрошу. Нет, мои родители не плохие люди! Я просто слишком часто им врал и ни разу не возвращал долги. Такое никому не нравится.

Можно подумать, что я наркоман или недееспособный, но это неправда. У меня все хорошо, только вот со мной – не очень.

И я пошел. Снег, заботливо сваленный по краям дороги коммунальщиками, резал глаза своей белизной. Под ногами у меня было светлее, чем над головой. А я шел по дороге в школу, как будто в первый класс. Шел со своим баулом «на

пару дней» и не знал, как эту пару дней переживу. Но в том, что пережита она все-таки будет, я не сомневался. Я знал, что я живучий. Одно только это грело мою пропащую душу.

Я решил утром же сесть на поезд и отправиться домой, а для душевного удовлетворения даже не оповестить Лаврентия о своем возвращении и непременно огорчить его, внезапно сунув в дверь свою физиономию.

Единственное, что меня останавливало – это касса. Я не знал, будут ли в наличии завтра утром билеты на поезд.

Единственное, что я мог сделать – это сорваться и купить билет прямо сейчас, послав встречу выпускников куда подальше, но тогда я бы оказался совсем уж полным идиотом. Вы представьте: ехать в родной город ради встречи выпускников и не пойти на нее, чтобы уехать обратно. Конечно, я был на такое способен, но вот проворачивать такой маневр всерьез мне не хотелось категорически.

День был морозный и ясный, идти по такому приятно. В детстве я и не замечал, на какой унылой улице стоит наш дом: со всех сторон торчат серые дома, палисадники перед ними завалены снегом и снег этот дыбится такими сугробами, что закрывает почти весь первый этаж. В детстве я видел только небо над девятиэтажками, а снег под ними лежал гораздо белее.

После долгих лет разлуки дорога от дома до школы оказалась короче. Но вот в чем штука: я на ней чувствовал себя совсем другим, как будто вновь превратился в ребенка –

шел и был очень смелым, свободным и легким. Когда дорога кончилась, стало немного грустно.

Наверно, это потому, что я больше не занимался ходьбой и не мог кормить ей свой мозг, который теперь с энтузиазмом принялся пережевывать мои перспективы.

Перспективы отвратные.

Отвратнее всего – школа, возвышавшаяся над шестилетним мной на линейке первого сентября. Да, тогда она казалась выше. Теперь три этажа с частыми оконцами как будто просели. Стали ниже, как и моя седая мать с возрастом.

Внутри висела мясистая тишина. Я еще помню школьную тишину после учебного дня, когда все уроки кончились и ученики разбежались по домам. Когда в школе остаются только несколько учителей, засев в глубинах своих кабинетов, в теплых лучах позднего солнца, и тень от кружевных занавесок падает на их лица. Ленивая тишина, вязкая, душная. В такое время школа становится сонным царством. Даже если ты не мог усидеть до конца последнего урока и уже рвался домой, если ты попадал под влияние этой тишины, тебе уже ничего не хотелось. Только спать. Или разглядывать пустые кабинеты. Слушать шаги в коридоре – когда кругом тихо, они звучат иначе. Мягче. Как музыкальный инструмент. Особенное время.

Так вот, когда я пришел на встречу выпускников, тишина стояла другая. Мертвая.

Конечно, другой была не только тишина. Странно: стены

те же, но здание совсем новое. Сделали ремонт. Убрали детские рисунки, зачем-то повесили в коридоре плазменный телевизор под потолком. Раньше я думал, что так только во сне бывает, когда старые места становятся новыми, а новые – старыми.

Я сел на лавку – тоже новую, но стояла она на старом месте – и еще раз огляделся. Школа как школа. Вот тут я переобувался в сменку, вон там раньше висели фотографии под заголовком «Ими гордится...» и я еще в детстве почему-то знал, что на него никогда не попаду.

А вон там родители обычно ждали первоклассников, чтобы забрать домой. Я тут вспомнил, что меня родители никогда не встречали, и стало очень погано – аж в груди защемило – поэтому я быстро встал и решил немедленно отыскать Ярослава, чтобы набить ему морду за то, что он меня во все это втянул. Морды я, вообще-то, бить никогда не умел, но и Ярослав не умел тоже.

У моих родителей была безотказная стратегия: любую свою эмоцию заменять злостью. Ну, в воспитательных целях. Ведь если за ребёнка радоваться или гордиться им, то он обязательно разбалуетея и наступит конец света.

Я окончил школу очень давно. Чертовски давно я ее окончил. Еще раньше, чем я разочаровался в жизни, раньше, чем я начал спускать все свои деньги на пиво и гораздо раньше, чем мне разбили сердце. Одним словом, из школьной учебы я уже ничего толком не помнил. Но я точно помнил, что в

нашем классе было гораздо больше человек, чем я увидел, когда зашел в спортивный зал.

Потому что в спортивном зале за столом сидело всего двое.

Я надеялся, это объяснится тем, что все остальные умерли.

Когда я вошел, на меня никто не обратил внимания. Я не шибко расстроился: лишь бы закончить с этим поскорее и наесться за чужой счет. Да, за столом сидело всего два человека, но меня это не смутило. Я еще вспомнил, что на такие встречи обычно скидываются всем коллективом и заподозрил неладное, но заподозрил как-то не всерьез. Так, фоновым процессом.

Какая разница, что происходит, если у меня уже столько всего произошло. Дайте мне бросить кости за ваш стол и накормите страждущего скитальца – так я думал, когда вошел и направился к столу. Но вскоре мое мнение изменилось.

Ярослав не горел в огне и не тонул в воде. Он был непрощаем и доказывал это всеми доступными способами. Его повадки объяснять бесполезно, ибо Ярослав хаотичен и не в себе. Если бы в школьные годы мы с ним не дружили, я бы несомненно затрясся от страха при виде его фигуры, поднявшейся из-за стола, и темно-карих глаз, смотрящих на меня.

Не то, чтобы он был устрашающим, напротив: сложен Ярослав совсем обычно, если не хило, а лицо местами доброжелательно, но я его все же боялся. Прямо-таки на инстинк-

тивном уровне. Так что, когда я увидел Ярослава, я наконец почувствовал, что попал в какую-то западню.

По пустому спортивному залу разбежалось эхо от хлопнувшей за моей спиной двери. Я вспомнил звук, с которым мяч для волейбола бьет по дощатому полу. Вспомнил, как неудобно в спортзале сидеть на скамейках у стен – слишком узкие, низкие. Не для людей. Может, первоклассникам подходят.

А на меня тем временем надвигался Ярослав.

– Ну наконец-то! Я уж думал, ты не придешь, – радостно поприветствовал он меня, протягивая руку.

Руку жать я не стал. Опасливо отступил и кивнул на стол.

– Это ты называешь встречей выпускников?

– Как бы еще ты вернулся в родной город?

Я молча хлопнул глазами.

Ярослав никак не отреагировал на мое обличие. Не подтвердил свою ложь, не оправдывался. Просто перешагнул через нее, как через крошечный заборчик на детской площадке.

На самом деле, я думал о том, чтобы вернуться. Достойная глава для моей истории: вконец опустившийся и разочарованный парень возвращается домой, чтобы спиться. Чем не сюжет? В конце концов, старайся я преуспеть изо всех сил, это еще не гарантия успеха – так я просто примкнул бы к подавляющему большинству своих сверстников. Поэтому я и начал гробить себя изо всех сил, ведь в детстве я хотел стать

рок-звездой. Судьба алкоголика – самое близкое к мечте из всего, на что я мог рассчитывать.

На самом деле все это, конечно, неправда. Это я придумал себе такие оправдания.

Я искоса посмотрел на второго мужика за столом. Одет в такую белую рубашку, что аж глаза режет, как от снега на улице. Этот адепт культа одежды меня сразу напряг.

А может, на мне просто были слишком старые кроссовки.

Я перестал понимать, что происходит, еще когда впервые услышал голос Ярослава. Вчера или в первом классе – сложно сказать наверняка. Так или иначе, этот дятел стоял передо мной и очень борзо на меня смотрел. Я знал, что ничем хорошим это не кончится и уже готовила отказаться от любой авантюры.

А Ярослав спросил:

– Тебе деньги нужны?

Нет-нет-нет, я примерно представлял, для чего он меня позвал. Я знал, что у него есть для меня авантюра. И конечно денежная, потому что девчонок за косички мы с ним больше не дергаем. Я был готов – я так думал, когда шел на встречу. Но он просто спросил меня. Спросил о том, что я держал на уме, как фея-крестная. Залез в мою голову и задал тот самый вопрос, который я мечтал услышать уже очень, очень давно. Но я все еще хотел отказаться. Правда хотел.

Всю жизнь я только и слышал про девяностые и легкие деньги. Слышал и видел где-то там – точно не у себя в кар-

мане. А еще я видел, что случалось с теми, кому не повезло.
Зрелище плачевное.

Конечно, я не хотел ни во что ввязываться.

Но нужны ли мне деньги?

Нужны ли?

И я спросил Ярослава, что у него за идея.

***

Вот уже много лет Герасим работал в местной больнице заведующим.

Герасим – это тот самый мужик в белой рубашке за столом. За партой, если точнее. Партой в школе разжиться легче, чем столом.

Нам бы не помешала благосклонность заведующего больницей, как объяснил Ярослав. Потому что... нет, ничего противозаконного мы не задумали. Но он мог бы нам хорошо помочь.

Чем дальше я находился в старом школьном спортзале, тем больше все происходящее становилось похоже на бандитскую встречу. На сцену из какого-нибудь фильма. Мы в роли бандитов, Герасим в роли бандита, все втроем решаем один животрепещущий вопрос. Бандитский. Атмосферу создавала еще и одиноко горящая лампочка, ибо день неумолимо клонился к вечеру и за огромными окнами все серело, а в помещении темнело. Единственным освещенным местом была парта. Парта с Герасимом за ней.

Герасим восседал авторитетно и зловеще. От одного его

вида у меня в организме сжимались сразу все сфинктеры. Я его помнил совсем другим, семнадцатилетним мальчишкой без подбородка и бицепсов. Он очень хотел быть крутым и пытался ругаться матом, но часто путал ударения и его все поднимали на смех. Крутым он не был. И вот Герасим вырос. Он стал образцом надежного человека, среднестатистически утвердившегося на своем месте. Сытого, довольного жизнью, в которой у него есть место.

Но где-то в глубине души Герасим оставался хорошим человеком.

Наверное.

Я все еще размышлял о том, что же за человек этот Герасим, когда Ярослав уволок меня в темный уголок посекретничать. И, хоть угол находился достаточно далеко от Герасима, я все еще имел возможность лицезреть его авторитетный силуэт в белой рубашке. Именно в том углу Ярослав объяснил мне, что благосклонность главврача нам не помешает. Объяснил по секрету: Герасим об этом еще не знал.

Еще Ярослав сказал, что сообщить об этом Герасиму придется мне. О том, что нам нужна его благосклонность. Мол, в общих чертах он ему все обрисовал, но к главному вопросу еще даже не подобрался.

Я этого не хотел. Я этого не хотел и я не знал, как это сделать. Я еще ни разу никому не сообщал о том, что мне нужна благосклонность. Я даже не знал, что именно под этой благосклонностью подразумевается!

Но в те славные времена я был наивен и полон надежд. Я еще верил, что все гениальное просто, поэтому собрал волю в кулак, пересек спортивный зал, встал под свет лампы и спросил:

– Гера, ты нам поможешь?

И он заржал. По-настоящему заржал! Затрясся весь, лицо собралось морщинами, а моя вера в чудеса сильно пошатнулась.

– Ребята, да вы что, сдурели? – с усталой снисходительностью поинтересовался он.

Я помнил его совсем другим. Хлипким для своего возраста мальчиком в очках.

Да, от того пацана, что мы знали, не осталось ни хрена. Профдеформация. Гораздо позже я понял, что врачам вообще не нравится, когда их по мелочам дергают, тем более малознакомые одноклассники.

Вдруг Ярослав схватил меня за рукав и оттащил в сторону.

– Денег хочет, – шепнул он. Ярослав вообще не думал о том, что врачам не нравится.

Ну да, именно поэтому Ярослав мне и нужен, подумал я тогда. Делать дела. И как я раньше не вспомнил об этом его качестве! Конечно, дела он делал так, что лучше б и не брался вовсе, но такой подход иногда нужен. Я имею в виду, когда ты слишком много думаешь о последствиях, ты не рискуешь.

И я спросил:

– Что теперь? – Потому что я был полностью готов к лю-

бым действиям.

Ярослав посмотрел на меня, как на идиота.

– А теперь мы разойдемся по домам и будем каждый день батрачить на хреновых работах, пока не сдохнем от нищеты. Надо дать ему, вот что.

– Дать?

– Денег. По крайней мере, хочет он их, но ты можешь предложить что-то ещё.

Я стыдливо посмотрел на Герасима. Герасим бесстыдно смотрел на нас в темный угол.

Да, похоже, он чего-то ждал.

Я кашлянул.

– Неудобно как-то.

– А что тебе удобно? – нервно вскинулся Ярослав.

Я не знал, что мне удобно, и снова взглянул на Герасима.

– У меня налички нет, – вспомнил и обрадовался я.

– А что есть?

Ярослав был безжалостен. И я обреченно признался:

– Переводом можно.

– По телефону?

– Ну да. Иди возьми у него номер.

– Так у меня есть.

– Откуда?

– А как бы я иначе вас обоих в одном месте собрал, придурок?

Вот так я перевел однокласснику, которого после выпус-

ка в глаза не видел, свои последние деньги, которые оставил на билет домой. Из нашего темного угла мы наблюдали, как Герасим достал свой телефон. Так проходили, может, самые напряженные минуты в моей жизни.

Он глянул на экран и вздохнул.

– Ребят, ну я же сказал нет, – голос у Герасима стал раздраженным. Он встал. – Яра, ты меня для этого звал?

– Вот и верь тебе, – укорил я Ярослава, но уже спустя половину минуты спросил: – что теперь?

– Все отлично, – Ярослав залихватски тряхнул вихром челки. – Теперь мы сами по себе.

И Герасим ушел.

Деньги мне, конечно, так и не вернули. Я еще подумал – встреча началась с вопроса, нужны ли мне деньги, а в итоге у меня забрали последние гроши.

Это было забавно.

Пускай на встрече выпускников мы претерпели полное фиаско, с тех пор Ярослав начал таскаться за мной. Он все ещё лелеял мечту о совместном бизнесе.

3.1. Пояснение

Да, Ярослав таскался за мной, но жил я с тех пор на его полном попечительстве.

Родителям я сказал, что гордо вернулся домой и с тех пор жизнь вел максимально скрытную, чтоб ненароком не встретиться с ними в нашем крошечном городе.

Все у меня отлично, пусть даже не беспокоятся.

Яра

Знал ли я что-нибудь о пищевой промышленности? Да, немного. Мой отец в девяностых хотел открыть производство лапши быстрого приготовления и я знал, что у него ничего не получилось.

А Ярослав говорил мне:

– Еда – это беспроектный вариант.

Он говорил с энтузиазмом, прям как настоящий лидер. Лидер чего – не знаю, но однозначно лидер. Стоял выпрямившись в полный рост и активно жестикулировал рукавом своей домашней ветровки. Да, у него была домашняя ветровка. Что-то вроде халата, но ветровка. Синяя, с сиреневыми полосами. Очень страшная.

Так вот, Ярослав накинул на плечи свою ветровку, как плащ, и вещал, размахивая пустым рукавом.

– Люди всегда хотят есть. Это самое быстрое, безотказное удовольствие из всех, что им доступны! Какой дурак откажется кайфануть пару минут и набить рот чем-то, что приласкает его вкусовые сосочки?

Да, наверно, мой отец думал так же. А может, у него тоже был друг-дегенерат, который вливал ему помой в уши.

Если честно, я не мог с ним не согласиться. Когда регулярно недоедаешь, вкусовые сосочки начинают скучать по ласке. Они ее ждут. Я уже много лет не ел ничего вкуснее пи-

ва, потому что мясо из деревни Лаврентий готовил неважно, а я еще хуже. Максимум, на что я мог расщедриться помимо пенного – это хлеб или макароны. Не то, чтоб жалко было, просто пособия на большее не хватало.

Конечно, речи Ярослава меня вдохновили, но не мог же я просто в этом сознаться! Поэтому я скептически хмыкнул, чтобы сохранить свое достоинство.

– Думаешь, такая идея только в твою голову пришла?

Ярослав отбил мое нападение, как бравый фехтовальщик:

– Мою идею ты пока не слышал! Это только вступление.

Ты должен им заинтересоваться и сейчас в нетерпении умолять меня, как течная сучка кобеля, продолжить повествование.

Я смотрел на него и думал о том, что я вообще тут делаю. А он ждал ответа, вот и я ответил наконец:

– Ну.

– Баранки гну.

– Дальше что?

– Дальше – семинар по экономике.

– От тебя? Боже ж мой...

Экономистом я не был, как и он. То есть, я не знал, куда он подался после школы – господа присяжные, покорно каюсь: мне было плевать на Ярослава и его жизнь! – но не сомневался, что не в экономику. При всей моей неприязни к Ярославу я чувствовал, что мы с ним одного поля ягоды. В том смысле, что он тоже никто.

Но Ярослава, похоже, оскорбило мое сомнение в его компетентности. Я понял это, когда он хлестнул меня по щеке рукавом ветровки.

Представьте себе, я даже не обиделся. Ярослав под боком оказывает чудное воздействие на организм: удивляться перестаете вообще, напрочь. А он невозмутимо продолжил гнать свою пургу.

– Да погоди ты! Коротко о главном: цена товара – это расход на производство товара плюс внедрение на рынок, плюс сумма прибыли поделить на количество. Средняя рыночная стоимость продукта рассчитана примерно так. Но спрос будет больше, если цена будет меньше. А цена будет меньше, если уменьшится одно из слагаемых в сумме.

Я утвердился в том, что Ярослав не экономист. Даже моих скромных познаний оказалось достаточно, чтоб осознать масштаб некомпетентности Ярослава.

Но я понял, что он хочет мне сказать.

– Значит, ты хочешь увеличить прибыль за счет снижения расходов, – я саркастично восхитился. – Гениально.

К сожалению, моим сарказмом Ярослав впечатлен не был. Он посмотрел на меня... снисходительно? Ой, да пошел он!

– Ты даже не представляешь, насколько это гениально, – медленно проговорил Ярослав, нагоняя интригу.

Я вздохнул.

– Ты прав, я не представляю. А знаешь, почему? Потому что ты пляшешь передо мной, как цирковая обезьяна, и не

говоришь ничего по сути!

– Так надо. Я не хочу, чтобы ты отреагировал неправильно.

– Мать твою, ты не нобелевский лауреат, я не обосрись от счастья, когда узнаю!

– Нет. От счастья – нет.

О, так вот оно что. Только недавно Ярослав говорил мне, что в этом нет ничего противозаконного.

Поддерживая его игру в драматизм, я подался вперед и серьезно посмотрел в его глаза.

– Тогда испугай меня уже до усрачки.

Казалось, Ярослав только этого и ждал. Он приосанился и даже не скрывал лучащуюся оптимизмом улыбку.

– Короче. Есть у меня один знакомый, работает сторожем в морге...

Если я действительно услышал то, что услышал...

Тем временем Ярослав продолжил:

– Это бесплатно. И, как он говорит, вкусно.

Пару минут я промолчал. Нуждался в перерыве. Ярослав упорно делал вид, что не обращает внимания на выражение моего лица, а выражение, я уверен, было то еще.

Затем я тоненьким голосом спросил:

– Не проще ли отлавливать бродячих собак?

Ярослав посмотрел на меня, как на дурака.

– А ты их мясо пробовал?

– К счастью, нет. А ты?

– Не вкусно.

Мне снова понадобилась пауза. Я переварил информацию и понял, что не хочу узнавать подробности. У меня была более приоритетная задача: помочь Ярославу избавиться от навязчивой идеи в его дурной башке.

– Ладно, тогда мы можем отлавливать бродячих... коров.

– Коровы не бывают бродячими. Все коровы – чья-то собственность, их отлавливать незаконно.

Я аж засмеялся.

– О, да что ты говоришь? А вот человечина – самое законное блюдо на свете! Не знаю, кто из вас с другом-сторожем увлекается передачами про серийных убийц, но я человек вменяемый.

«По крайней мере, был им, пока не встретился с тобой, Ярослав», мысленно добавил я.

Ярослав вдруг встрепенулся. Похоже, мои слова задели его за живое.

– Это не передача, это жизнь, – с драматическим придыханием изрек он. – И знаешь, что? Такие вещи не выглядят так, как в кино. Там все преподносят в очень мрачных красках. Для того, чтобы люди боялись этого абстрактного зла. Именно это пугает нас больше всего: то, что зло абстрактное. Мы не понимаем, что в нем плохого, но знаем, что это плохо – такие диссонансы заставляют мозги испытывать ужас. Это порок цивилизации. Это груз, который мы тащим на себе. Я просто предлагаю тебе расправить плечи и увидеть мир та-

ким, какой он есть на самом деле!

На это ответа я не нашел. Мне ничего не оставалось, кроме как обдумать его слова – сам бы не поверил, что всерьез этим займусь.

Может, он и прав. Конечно он прав. Да-да-да, истинной правды не существует и у каждого картина мира своя, но, черт возьми, я его понял. Я его понял и это меня озадачило. Пришлось задуматься, кто из нас более сумасшедший. До того его монолога такими вопросами я не задавался, мне все было понятно. И вдруг я понял его, Ярослава.

Но с какого черта я должен отказываться от своей цивилизованности? Стоило мне подумать об этом, и ответ ударил меня, как током. Я похолодел.

Ради денег.

Сразу после того, как ответ на вопрос нашелся, я понял, что уже согласился. И усмехнулся.

– С каких это пор ты заделался философом? Начиналось все с мазы поднять бабла, а теперь, значит, мы уже бунтуем против цивилизованного общества?

Ярослав посмотрел на меня каким-то честным, уставшим взглядом. Очень пронзительно.

– Да наплевать мне на цивилизованное общество. Я хочу только поднять бабла.

Этого я тоже хотел. Я мечтал об этом, еще когда жил с родителями. Мне хотелось быть настолько богатым, чтобы покупать в магазинах все, что я захочу. И конечно, при этом

я не хотел работать ни дня в своей жизни. Когда-то эта мечта становилась все ближе и ближе, а теперь... по крайней мере, я правда не работал ни дня в своей жизни.

А Ярослав вроде как брался приблизить мою детскую мечту. Ведь покупать в магазинах все, что захочешь, не очень дорого. Для этого даже не нужно быть миллионером. Правда, я уже подозревал, что работать для этого все же придется.

Но есть же и другие пути. Инфобизнес, биржа – что угодно. Да, конечно, они не работают и все мы об этом знаем, но ради приличия можно хотя бы попробовать.

Вдруг я засмеялся.

– Ты ещё и Герасима приплести хотел! Тебя бы точно за экстремизм упекли.

– Да не упекли бы, какой тут экстремизм!

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО.

– Нет, ты послушай, – насел Ярослав, – это было бы незаконно, если бы мы раскапывали свежие могилы или воровали тела полностью. Но если оформлять все как утилизацию отходов, то все будет более, чем законно! И мы, фактически, даже не соврем: какое им дело, как мы утилизируем отходы? И кто скажет, что это не утилизация?

Он аж в ладоши хлопнул, когда договорил, настолько был собой доволен.

– Ты правда веришь, что твой план – не бредня душевнобольного? – медленно спросил я с дружелюбной интонацией, как будто говорил с ребенком.

Ярослав бросил на меня растерянный взгляд.

– А что тебя смущает?

– Рад, что ты спросил! Меня вообще все смущает.

– А меня смущает только то, что у нас на это нет денег.

Мой седалищный нерв почувал не состыковку.

– Погоди-ка, сначала ты рассказал все так, как будто вкладывать деньги вообще ни во что не надо, а теперь говоришь, что они нужны! Это для чего же?

Ярослав снова взглянул на меня с умиленным снисхождением.

– Во-первых, нас никто не впустит в морг за «спасибо». Во-вторых, готовую продукцию надо как-то сбывать. В-третьих, эту чертову продукцию надо изготовить. Впускать нас будут санитары за символическую плату, сбывать мы её будем в ларьках, до которых все это надо будет довозить и тоже чутка приплачивать хозяевам ларьков, чтоб вопросов не было. Ну, а готовить ее мы будем своими руками! Но для этого все равно нужны продукты.

Я задумался. Он говорил все это настолько спокойно, что я начал сомневаться в своей морали. Точнее, я начал сомневаться в том, что воровать мясо из моргов действительно страшно. Словами Ярослава все звучало, как кулинарные курсы.

Думаю, ему от одного моего взгляда стало ясно, сколько меня придется уговаривать, чтобы я попросил денег у своих родителей. И Ярослав сделал правильный выбор: даже не за-

икнулся об этом.

Но скоро у него появилась еще одна идея.

– А где ты живёшь? У тебя же есть квартира?

– Она не моя, я живу с другом.

– О.

– Да не в том смысле! Как мы с тобой.

– Надеюсь, ты избавишь меня от такой радости.

Я возмущенно прикрикнул:

– У нас с ним даже девушка была!

Ярослав заинтересовался.

– Одна на двоих?

А меня моментально придавило грузом воспоминаний.

– Если говорить о душевном, то она стала занозой для нас обоих.

Я похвалил себя за выдержку: сказал это с печальной улыбкой на губах. Философски, как будто спел блюз. А ведь мог бы обиженно пробубнить что-нибудь нехорошее.

Но Ярослав мой блюз не оценил.

– Мне интересно, как это все происходило в физическом плане. Ладно, ладно, не заводись. Вы с другом можете продать квартиру?

Я опешил.

– Нет.

Ярослав не унывал.

– Ладно, тогда, на худой конец, сдать!

– И где же мы тогда, по твоему мнению, будем жить?

– Здесь! – Ярослав развёл руки в стороны.

Окинув взглядом его халупу, я подумал, что Лаврентий заслуживает лучшего. О себе я был не такого высокого мнения.

– Нет.

Дело в том, что жилище Ярослава... его вообще нельзя назвать домом.

Я пробыл в том злополучном месте уже пару дней и смело мог назвать их самым страшным временем за всю свою жизнь. В доме Ярослава отсутствовали абсолютно все удобства, разве что одна-единственная лампочка под потолком, электрическая. Прямо как в спортзале на встрече выпускников. Но наличие лампочки еще не означало, что в дом проведено электричество: лампочку Ярослав как-то провел от фонаря на улице. То есть, лампочка эта гарантировано горела всю ночь и выключалась только тряпкой: оборачиваешь и завязываешь крепко, чтобы тряпка не падала.

Помимо электричества в доме отсутствовал и водопровод. Зимой эта проблема решалась сравнительно просто: зимой вода в одном из своих агрегатных состояний буквально доставляется на дом совершенно бесплатно. Да, Ярослав собирал снег. Если не ленился, даже лез на крышу – там снег самый чистый.

Как мы превращали в воду снег? Растапливали.

Как растапливали? На русской печи, самой настоящей.

Дом Ярославу достался от родителей, очень рукастых лю-

дей. Ярослав тоже человек рукастый, но в совсем другом смысле.

Когда он получил дом, дом еще был пригоден для жизни: все коммуникации, отопление, а печь просто как память о былом. Для антуража. Но Ярослав на этот дом забил. Где жил – черт его знает, может, и под мостом. Конечно, пока дом стоял нежилой, в него залезали бесчисленное количество раз – утащили все, что только можно. В том числе и все блага цивилизации.

Так родовое гнездышко Ярослава благополучно откатилось на пару веков назад.

Конечно, все можно починить и восстановить. Но для этого нужны деньги, а, как я уже говорил, мы с Ярославом были одного поля ягоды.

Он по-прежнему был мне отвратителен, но что-то в моей душе начало оттаивать. Я подозревал, что это жалость.

Прежде Ярослава я даже недооценивал. При ближайшем рассмотрении его антисоциальность открывалась с самых неожиданных сторон. Это был самый настоящий алмаз, ограненный годами привычек. И он сиял каждой своей стороной.

Я, оказывается, должен благодарить его за то, что он ходит в одежде. Я имею в виду, когда выходит на улицу. Потому что дома таких пороков цивилизации он не терпел. Разве что ветровку на плечи набрасывал.

Почти каждый мой день начинался с созерцания обнажен-

ной природы. Я бы рад, будь натура женской, но моему взору упорно представлялись причиндалы Ярослава. Они болтались где-то на уровне моей чашки, когда я из нее пил, оказывались в опасной близости к моим рукам, когда я тянулся за бутербродом, но куда-то исчезали всякий раз, когда у меня в руках оказывались ножницы или нож. И это был удивительный, заслуживающий пристального внимания феномен.

Я старался держать ножницы в кармане. Исключительно в интересах науки.

Но однажды ножниц рядом не оказалось. В то утро я счастливо завтракал бутербродом, который представлял из себя два куска хлеба, и никак не хотел думать про сосиски, чтобы не расстраиваться.

А потом на кухню зашел Ярослав.

– Может, оденешься? – спросил я его в расстроенных чувствах, откладывая бутерброд без сосиски.

– Да мне не холодно, – ответил Ярослав, отправляя в свой рот мой бутерброд без сосиски и почти неразличимо добавил: – нормально.

В ответ я возмущенно дернул бровью.

– А мне не нормально!

– Тогда оденься потеплее, – Ярослав невозмутимо пожал плечами.

Но намек им был истолкован верно. И вот, когда утро перекатилось в день, он сказал:

– Слушай, ты сейчас у меня живёшь, да? – в этот мо-

мент Ярослав смотрел на меня так, как, должно быть, матери смотрят на неразумных детей, которых вопреки всему любят. – Бесплатно, да? И не работаешь. Мне кажется, что у тебя ко мне претензий вообще быть не должно. А тебе?

Мне, конечно, тоже казалось, что претензий к нему быть не должно. Но претензии были! И, чтобы хоть немного уравнять наши с ним силы, я решил поискать себе работу. Снова. Но на этот раз я был готов поступиться своими принципами и действительно начать работать! Черт с ним, надо что-то делать со своей жизнью. Как оказалось, перспектива свалить от Ярослава – самая действенная для меня мотивация. К тому же, все, что я знал прежде, утекло сквозь пальцы буквально за один день. Я, можно сказать, заново родился.

Работу я хотел такую, чтобы она мне нравилась и работать на ней надо было немножко.

Сам Ярослав работал, как он выражался, в сфере продаж. Об этом он говорил, вздернув нос. Наверно, ему очень нравилась эта сфера. Но на деле он просто сидел на рынке и продавал овощи.

На собеседовании с хозяином палатки Ярослав сказал, что опыт в сфере торговли у него есть, и это была чистая правда.

Обычно все начинается с решения. Тогда все началось с решения Ярослава. Надо сказать, что очень много вещей в мире начинается именно с этого: с решения Ярослава. В тот раз Ярослав решил, что ему нужно получить опыт.

Какой именно опыт – не уточняется. Он и сам не знал.

И именно поэтому опыт обязательно нужен был специфический.

Одним из самых ценных навыков Ярослав считал навык работы под прикрытием, наряду с навыком ведения слежки и рукопашного боя. Так что все решила исключительно популярность боевиков в годы нашей с ним юности.

Для наработки своих шпионских навыков Ярослав выбрал сетевой магазин недалеко от дома. В первую очередь потому, что он был недалеко от дома. Не в последнюю – потому, что дом Ярослава стоял на отшибе и тот магазин в округе был единственным маячком цивилизации.

Другими словами, выбирал Ярослав между магазином и курятником. Он выбрал магазин.

Все началось со слежки. Ярослав регулярно прохаживался по улице. По противоположной ее стороне, чтобы не привлекать внимания. Всегда с батоном хлеба, который оперативно крошился на асфальт для прикорма голубей (как алиби). И совершенно неважно, что голубей там отродясь не водилось, а по дороге проезжала одна бабушка с тележкой для продуктов в час. Потому что у Ярослава был план.

Хлеб для несуществующих голубей Ярослав покупал в магазине на другом конце города и делал это преимущественно глубоким вечером, чтобы не пропустить открытие своего, сетевого. Внутрь он не заходил, потому что это противоречило придуманным им правилам: у Ярослава был план, и для осуществления плана требовалось сохранение инког-

нито. То есть, его не должны были узнать работники магазина. Для соблюдения этого условия он приложил некоторые усилия, а именно – побрился налысо и отрастил козлиную бородку.

Я до сих пор жалею, что не увидел это воочию.

Сменить внешность его вынудила его же неосмотрительность. До того, как он решил претворить в жизнь свой замысел – и даже до того, как замысел зародился в его гениальной голове, – Ярослав заходил в тот магазин, как покупатель. Потом он часто ругал себя за такую халатность.

Да, все это действие происходило в селе на сто человек. В частном секторе городка на отшибе.

Наш городок стоит на берегу речки, тащится вдоль ее бережка, как бурлак. С высоты птичьего полета он выглядит полукругом, как четвертушка яблока. На набережной, у сердцевины яблока, стоят многоэтажные дома, и с верхних этажей там открывается чудный вид на лоскутное одеяло нашего города. Оттуда легко можно увидеть школу и пятиэтажку моих родителей. Но халупу Ярослава оттуда увидеть нельзя, она притулилась в выгребной яме там, где у яблока растет хвостик. Вернее, откуда растет яблоко. И там, в этой выгребной яме, построили большой сетевой магазин с длинной стеклянной витриной, которая сияла посреди деревенского убожества, как бриллиант.

Через ту витрину Ярослав бегло изучил привычки всех работников и правила, по которым существовал маленький

мир внутри магазина, в том числе и часы работы. Конечно, информация не секретная: часы работы, как заведено, указаны на табличке у входа. Но для того, чтобы прочитать эту табличку, надо подойти слишком близко. Ярослав так рискнуть не мог. А бинокль, направленный на табличку с противоположной стороны улицы, может привлечь внимание.

Так что режим работы Ярослав заучил по тому, когда двери открывают и закрывают ключом. Он действительно ответственно подошел к выполнению своего идиотского плана.

И вот в один прекрасный день Ярослав выбрил свою лысую черепушку до блеска, сверил часы и вышел из дома. Великий час настал – то, к чему Ярослав так долго готовился, наконец-то случилось. Осталось лишь доказать, что готовился он не зря.

Еще до открытия к магазину подъезжал грузовик с партией свежих продуктов. Подъезжал он со стороны двора – там местность Ярослав изучил не очень хорошо, только прошел раз, чтоб заприметить расстановку сил, потому что ходил там только персонал, а гражданская лысая черепушка сразу в глаза бросалась.

Пока коробки, ящики и тюки выгружались, Ярослав стоял в сторонке и наблюдал, как все кусочки встают в свои пазы, выстраивая общую картину его плана по типу древней мозаики. В тот момент Ярослав был похож на злобного гения, inferнально хохочущего и потирающего руки.

Только стоял он молча, чтобы не вызывать подозрений.

Когда водитель и грузчик ушли ставить подписи, а работники – на перекур, служебная дверь осталась открытой, как и в любой другой день. Перед ней стоял грузовик, створки кузова которого, как крылья бабочки, закрывали обзор на вход.

Тот самый шанс, которого дожидался Ярослав. Он скользнул за грузовик и незаметно шмыгнул в открытую дверь, словно тень.

Казалось, Ярослав подошел к финишной прямой. Только вот он совсем не подумал о том, что не знает строение магазина изнутри.

Но этот парень был не из тех, кто бросает дело на полпути и уходит, опустив руки.

Он плавал по коридорам и подсобкам, как рыба в каналах кораллового рифа. Он выживал в незнакомой местности, как единственный уцелевший после крушения самолета выживает в джунглях.

И вдруг Ярослав наткнулся на шкаф, в котором валялась форменная безрукавка.

Вот это была победа.

Как внезапно найденный ящик с сухпайком для выжившего.

Целый месяц Ярослав приходил на свою новую работу. Никто не заметил подвоха. Он жил по расписанию магазина, которое заучил наизусть. Ни у кого не возникало вопросов: Ярослав стал безмолвным монахом, выполняющим свой

долг так безропотно и кротко, как будто читал молитву.

Это было иронично, если учесть, что отец Ярослава – ба-
тюшка.

Я видел его всего раз, когда мы учились в последнем клас-
се школы. Ярослав хотел стясти со своего предка денег, а я
пошел за компанию.

Отец Отец тогда говорил своему нерадивому сыну:

– Только это тебя и увлекает: разврат. Разврат и кратко-
срочные удовольствия.

Когда-то я спросил у Ярослава, почему его отец принял
сан. А Ярослав пожал плечами и ответил:

– Делать было больше нечего.

Хорошо, когда у людей находится занятие поинтереснее,
чем разрушать семейные устои.

В магазине Ярославу не платили, но и работать туда он
пошел не ради зарплаты. Он даже не проработал там полный
месяц, после которого ему, по идее, должны были заплатить.
Он делал это по доброй воле и лишь время от времени брал
оплату продуктами со склада.

Сам себе Ярослав платил по-божески.

И в один момент Ярослав просто не пришел в магазин.
Уволился.

Он до сих пор не знает, хватились ли его.

После этого Ярослав оперативно отрастил волосы до ежа
и сбрил бороду. Теперь он ходит в тот магазин как обычный
покупатель, а на голове уже красуется грива почти до плеч.

Когда Ярослав рассказал мне эту историю, я не знал, что и думать. Разумеется, Ярослава я невольно зауважал, но меня не отпускала одна деталь: никто его не заметил. Его не замечали, когда он работал в том магазине, его не замечают теперь, когда он заходит туда за хлебом, который больше не скармливает голубям.

Неужели люди даже не смотрят в глаза тем, кого видят каждый день?

А часто ли я смотрю на кого-либо?

Поначалу я искал хорошую работу, но потом согласился на ту, что дали. Я каждое утро ездил на маршрутке, в ней сидели точно такие же люди, которые тоже каждое утро ехали куда-то, а я не помнил ни одного лица. Сколько в ней таких же, как Ярослав – неузнанных?

Черт возьми, я только устроился на работу, а меня уже начали волновать другие люди. Все потому, что я стал частью их общества. Стал очередным работающим парнем, и ничего во мне больше нет особенного.

У меня появилась работа. До конца поверить в это я по-прежнему не мог.

Ярослав, который вернулся в мою жизнь как раз в тот самый день, когда я героически стряхнул с себя бремя работы, взял меня за рога и, заложив гигантскую петлю, вернул меня аккуратно туда, откуда я сбежал. А потом подтолкнул вперед. Не чудеса ли?

Я давно не получал деньги за работу. Если честно – ни

разу в жизни не получал, потому что работы у меня никогда не было. И когда у меня появилась полноценная оплачиваемая работа, мне стало стыдно. Я стыдился того, что получил аванс, и с ужасом предполагал, что в конце месяца мне тоже могут заплатить. Предполагал. Потому что до конца не верил в реальность зарплаты. Неужели мне просто дадут денег за то, что я делаю? Звучит как-то странно.

В первое же утро после того, как Ярослав рассказал мне историю с магазином, я твердо решил начать смотреть всем людям в глаза. Запоминать их. Узнавать. Может, даже здороваться, если захочется чего-то эдакого.

И вот я ехал в маршрутке, смотрел по сторонам и зачем-то старался запомнить этот день. От начала и до конца. Во всех подробностях, со всеми его лицами. Посмотрел в глаза каждому попутчику, читал номера на машинах вокруг, даже стоимость проезда на прилепленной к окну бумажке три раза перечитал. А напротив меня сидела девушка, и ей я тоже посмотрел в глаза.

У нее вились волосы. Я люблю, когда у девушек вьются волосы. Кудри лежали на ее голове беспорядочной копной, как будто ей плевать было на эти волосы.

Она сидела передо мной – прекрасная в своей естественной и непоколебимой иронии. Она была ангельски красива и знала об этом, а врождённое знание о бренности этой красоты позволяло ей распоряжаться своими прелестями дьявольски бесстрашно. Если честно, я думал, что её чары меня

не возьмут, но...

– Ты что здесь делаешь? – вдруг напали на меня с фланга.

Этот глубоко философский вопрос мне задали оттуда, куда я еще не досмотрел. С той стороны маршрутки осталась горстка людей с глазами, в которые я пока не смотрел. Все потому, что я запнулся об девушку напротив – она уже смотрела в телефон и глаз ее я больше не видел. Но я их запомнил. Серые, как вода в кастрюле. В железной кастрюле. Кипящая вода перед тем, как туда пельмени полетят.

Красивые, в общем.

Но глаза оставались на лице девушки, девушка оставалась напротив меня, а рядом со мной оставалась неизвестность, из которой мне задали вопрос. Я повернулся к нему лицом.

Помните, я рассказывал про пивную лавку? Так вот, в неопознанной части маршрутки тем утром поселился Руслан.

Тот самый, которому идея с пивнушкой в голову пришла.

Я вдруг подумал, что меня, оказывается, всю жизнь тянет к чужим приключениям, но эта мысль прошла мимолетно и я ее не додумал.

Руслан сидел совсем рядом – обернулся с крайнего из вдвоенных сидений и смотрел на меня. Улыбался. Я смотрел на него и не мог поверить, что это тот же человек, с которым мы тогда грабанули пивнушку. Он изменился.

– На работу еду, – ответил я на его вопрос.

Русланово осунувшееся лицо мне кивнуло, волчьи глаза с

него сверкнули.

– Да, я тоже, – он будто бы задумался и погрустнел.

Я все еще не мог поверить в происходящее. Неужели мы с ним одного возраста? Неужели мы с ним когда-то жили схожие жизни? Руслан стал настоящим работягой, это сразу видно. Я не заметил, надето ли на палец кольцо, но его вид намекал на семейную жизнь – все старое, поношенное, добротное, на века. Чтоб сносу не было, как у хомута на лошадиной шее. Все в дом, ни копейки лишней. Может, даже ипотеку взял.

Я посмотрел в Руслановы глаза. Заплывший, отупевший мрак.

Я очень хотел увидеть между нами черту. Что-то вроде границы.

Я хотел постучать по воздуху между нами и не узнать, что стучусь в зеркало.

– Тебе выходить скоро? – вдруг спросил Руслан, надеясь на отрицательный ответ.

– На следующей, – сказал я, как во сне.

Я даже не задумался, как ему ответить – просто понял, что пора с этим заканчивать.

С маршруткой, с работой, с этим разговором. Пора менять жизнь.

И я вышел на следующей, даже не попрощавшись.

Почему Руслан живет в моем родном городе? Почему именно сегодня, в день, когда я решил смотреть людям в

глаза, он решил повернуться и узнать меня? Во всем этом был чудной символизм, но ответов на эти вопросы я не знал. Я знал только, что раньше был совсем никудышным человеком, да и сейчас из меня человек не очень.

Раньше мне было неприятно, когда кто-то говорил очевидные для меня слова. Сам я не видел в этом надобности. А когда я замечал какую-то смешную закономерность или хотел сообщить о своём умозаключении, я говорил всего одно слово – оно было как бы заглавием всего прочего. Одно слово, и в нем все. Я мог сказать: «это забавно», а потом начать презирать всех за то, что они не увидели тончайшей иронии, которую уловил я. А потом вдруг вспомнить какой-нибудь умный каламбур и презирать всех вокруг за то, что они не вспомнили.

Потом до меня, конечно, дошло, что такие вещи просто никому неинтересны.

Короче, типом я был неприятным. Презирал людей вокруг за то, что они не хотели брать в голову всю ту бредятину, которой я жил. Да и сейчас, похоже, совсем не изменился.

Руслану же наверняка очень одиноко. А я ему даже не улыбнулся.

Теперь я еще и работу, судя по всему, потерял. Сначала сошел раньше нужной остановки, потом половину дня провел в размышлениях о тленности бытия и в итоге решил, что идти туда нет никакого смысла. В конце концов, зачем мне нужна работа, если пришло время наконец-то понять, что я

за человек?

Когда Ярослав вернулся домой, он нашел меня на кухне, где я безутошно напивался ромашковым чаем. Точнее, кухни у нас никакой не было, была только комната, в которой мы спали и остальной дом. Их даже дверь не разделяла. Уж не знаю, почему, украли эту дверь или просто разломали на щепки для костра, или, может, Ярослав решил, что этот порок цивилизации ему тоже не нужен и избавился от нее своими силами. В общем, кухня у нас была такая: стол под окном и два табурета. На одном из них сидел я, когда Ярослав пришел. Никакой прихожей в доме тоже не было, поэтому пришел Ярослав сразу же в кухню.

– Я такое говно, – признался ему я с порога.

Потому что все мои долгие размышления о жизни уперлись именно в этот неутешительный вывод.

Что ж, разубеждать меня Ярослав не стал. За это я ему до сих пор благодарен. Ярослав просто начал раздеваться, не обращая на меня внимания – да, раздеваться совсем, догола. Он же домой пришел. Сначала снял куртку и шапку, как все нормальные люди, но потом, ничуть не мешкая, абсолютно такими же неторопливыми, естественными движениями снял и свитер, а затем быстро стянул штаны вместе с трусами. Разуваться не стал: холодно.

В своем домашнем виде, к которому я уже почти привык, Ярослав подошел к печи. В ней у нас стоял чайник, который кипел почти не переставая. Один чайник мы сожгли, потому

что вода выкипела до конца и с огня его никто не снял, но Ярослав уже притащил с какой-то помойки еще.

– Да, как человек ты говно, но у нас есть дело, которое мы должны сделать, – просто сказал он, наливая себе чаю и, должно быть, отогревая у печки причиндалы.

Пока Ярослав лил в чашку кипяток, я заметил на столе, прямо перед его задницей, таракана.

Конечно, в его клоповнике водились тараканы. Для них такое место просто рай на земле! По иронии судьбы Ярослав боялся тараканов до смерти. Не то, чтобы я сам их сильно любил. Но для меня соседство с тараканами не сильно отличалось от соседства с Ярославом, и я просто смирился со своей судьбой.

Когда я представил, как мой задушевный друг запричитает и начнёт все кругом перемывать, у меня сердце екнуло.

Последствия уборки Ярослава можно сравнить разве что с торнадо и цунами вместе взятыми.

Убираться Ярослав не умел совершенно. Он просто таскал в дом как можно больше снега – все ведра, что только можно впихнуть на печку – а потом выплескивал их куда только мог. Успела ли нагреться вода Ярослава не интересовало, поэтому окатить меня он мог и ледяной водой, и кипятком. Да, меня Ярослав намывал так же, как и пол.

И когда я представил, как голый Ярослав будет панически греметь ведрами и лить воду на все вокруг, таракана я тоже испугался.

Хорошо, что хоть соседей снизу Ярослав никак не затопит.

Весь мой гнев обрушился на пакостное насекомое. Я гневался на Ярослава за все те разы, когда он заносил ведро над моей головой и я до последнего момента не знал, кипяток на меня польется или лед, не знал до тех пор, пока вода на меня не долетала. Я гневался на самого себя за то, что не мог сбежать от причуд Ярослава так же, как прежде сбегал от причуд Лаврентия. Я гневался на судьбу за то, что все сложилось именно так.

И я отшвырнул таракана пальцем.

Гнев опасен тем, что не дает нам хорошо обдумать свои поступки. Не дает действовать по четкому плану и прицеливаться тараканами, когда они улетают со столов от щелчков наших пальцев.

Да, таракан улетел. Улетел стремительно, ракетой. Вращался в воздухе колесом, а потом ловко ухватился лапками за спину Ярослава, словно воздушный гимнаст под куполом цирка.

Я почти физически ощутил, как ситуация ушла из-под моего контроля.

А таракан на Ярославе чувствовал себя вполне комфортно. Шевелил проклятущими усами и не собирался никуда отваливаться. Удивительно, но Ярослав не заметил, как на него что-то село. Может, от постоянных столкновений с внутренней атмосферой этой халупы его кожа стала толстой,

как у бегемота.

Ситуация не просто уходила из-под контроля, она падала в пропасть с адским пламенем.

– Не отвлекайся на мысли о самом себе. Ты все равно ничего не изменишь, пока будешь убиваться, – нравоучительно сказал Ярослав, усаживаясь на край стола, а я в это время с ужасом заметил, как усики таракана кокетливо помахали мне из-за его плеча. – Я не очень хорошо разбираюсь в людях, но ты точно не самый плохой человек из всех, кого я знаю. Хоть и хорошим тебя не назовешь.

Он улыбнулся, и я улыбнулся ему в ответ, приятельски хлопнув по плечу.

Таракан хрустнул. Я ощутил приятную легкость во всем теле.

Ярослав вдруг погрузился. Это слишком подозрительно совпало со смертью таракана, и я почти поверил, что это был особенный таракан, которого он любил, как родного брата.

– А помнишь, как ты однажды меня обманул? Мы тогда в школе учились, в восьмом классе.

– Что? – переспросил я, незаметно вытирая руку о штаны.

– Ты тогда мне сказал, что меня за школой Дашка ждать будет.

А, Дашка. Да, она ему нравилась и он мне все уши прожужжал этой своей влюбленностью. Дашка такая, Дашка сякая. Одна только Дашка. По детской глупости я даже ревновал: знал, что Ярослав и со мной общается только потому,

что Дашка на него внимания не обращает. А так бы ушел к ней и забыл меня. Ну, я на него тогда обиделся.

– Ты сказал, что меня за школой Дашка ждать будет. После уроков, – ударился в воспоминания Ярослав, и по лицу было ясно, что это действительно все еще его гложет. – Она все не шла, я закурил. А потом ко мне вышел завуч.

Помню, как же. Еще как помню.

Ярослав умолк и посмотрел мне в глаза. Я чувствовал себя неловко, слишком уж помятый у него был вид. То ли как у собаки, то ли как у того самого восьмиклассника, к которому не пришла девушка мечты. И Ярослав тихо проговорил:

– Ты даже ни разу не попросил прощения.

– Для того, чтобы просить прощения, нужно знать, что больше такого не повторится, – сказал я, потому что действительно в это верил. – Иначе все зря.

И подумаешь, что у Ярослава больше не будет шанса постоять за школой в ожидании пятнадцатилетней девчонки. А даже если и будет, я надеялся, что он им не воспользуется.

– Достаточно просто попросить, – никак не унимался Ярослав. Уже смотрел на меня с самой настоящей болью в глазах. Как голодный щенок.

Немного поразмыслив, я сказал:

– Наверное, инцидентов с девчонками у нас больше не будет, потому что школу мы окончили. Так что я прошу у тебя прощения и обещаю никогда больше не звать тебя на свидания.

Ярослав засиял.

– Молодец, не взял греха на душу!

На это ответить мне было нечего.

Зато я вспомнил, что ему еще не сообщил.

– Кстати, меня уволили.

Ярослав даже бровью не повел. Отпил чаю, слез со стола и небрежно бросил чашку в раковину, расплескав недопитый чай.

Чашка, судя по звуку, разбилась. Вышло очень эффектно.

Голый Ярослав взглянул на меня снисходительно, как герой боевиков из девяностых. Он знал, что крут. Не обернулся на звук разбившейся чашки.

А потом настал момент для коронной фразы.

– Ну и похер. Я деньги нашел, – Ярослав тряхнул челкой и потянулся. – Кстати, зови меня, как раньше. Яра.

Тогда, в восьмом классе, Яра узнал, что по поводу Дашки я его обманул. Он не мог не узнать, поговорив об этом с ней на следующий день. А вот за сигарету его отца вызвали в школу, и после этого еще неделю Ярослав ходил с подбитым глазом.

Чего Яра не знал, так это что завуча к нему направил я.

Деньги

Поезда всегда меня угнетали. Кто-то боится самолетов, потому что они могут упасть, кто-то машин из-за их скорости. Кто-то наверняка чувствует себя неуютно на кораблях – не слышал о таких людях, но океан сам по себе страшный. Черт его знает, что там на глубине, а ты плывешь на этом жестяном корыте, и вокруг тебя на десять тысяч кубических метров никого нет. Даже суши нет, не то, что людей. К тому же, бывают штормы и прочие катаклизмы. Акулы там всякие. Может, я и сам кораблей боюсь, не только поездов.

Я никогда не ездил в поездах с семьей. Даже просто со знакомыми людьми. Всегда один, несущийся по рельсам в огнеопасном снаряде, в окружении чужих и враждебных лиц.

Я никогда не боялся садиться на поезд. Я знал: если он сойдет с рельс, мне будет все равно. И неважно, умру я или нет. Если умру, то уж точно не озабочусь фактом своей смерти, а не умру – так буду счастлив, что остался жив. Поезд никакой роли в обоих вариантах не играет. Дело в другом.

Когда ты несешься на скорости, которая заметна только снаружи, изнутри осознать её сложно. Несется все вокруг, а не ты. От этого кажется, что ты попал в пространство, где нет времени, а за окном несутся не километры, а часы. Как будто ты во временной капсуле или в космическом корабле.

Но из космического корабля, который несется через века, я бы сошел на полном ходу – в вакуумное космическое ничто, и это можно было бы понять, а с поездом все не так просто. Космический корабль – штука сама по себе непонятная, а от непонятных штук мы всегда бежим. А поезд что? С него сойдет только сумасшедший.

Но не мне судить о здравии своего рассудка. Еще месяц назад, пока Ярослав не появился в моей жизни, я бы мог сказать о себе что-то вразумительное. Теперь уже не уверен. Но справки у меня все еще нет. Я еще не попал на учет к психиатру, и это нехилое достижение.

Даже если я сумасшедший, никто этого не замечает.

– Я получил эти деньги из исколотых домашними инъекциями рук. Они грязнее, чем твой рот, когда тебя бьют по яйцам, – залихватски говорил Ярослав, хлопая по карману своего пальто. Еще до того, как мы сели в поезд, он положил туда тяжелый конверт.

Я всегда уважал наркоманов за то, какие они охреневшие сволочи. И нет, не в том смысле, что они все плохие люди. Просто они думают в первую очередь о себе, а это круто.

– Ты бы в жизни столько денег не увидел, – мрачно усмехнулся мой товарищ, – если б не я. Это потому, что ты ни на что не подсел. Упустил свою возможность разбогатеть.

Я посмотрел на Ярослава – он сидел напротив, и оба мы неслись через весенние сумерки навстречу ночи. За окнами мелькали секунды, минуты, века... мы ехали в поезде.

Ярослав задумчиво поглядел в окно и приподнял брови.

– Ума не приложу, откуда у них столько денег берется.

– Если б ты знал, денег там уже не осталось бы.

– Надо же, какого ты обо мне мнения! А сам не воспользовался б таким случаем?

Случаем – это он, верно, про кражу денег у наркоманов. Из какого-то их огромного сейфа с сорока пятью замками и охраной на три батальона.

Я решил, что не справлюсь с тремя батальонами.

И я сказал:

– Не-а.

Ярослав брезгливо поморщил нос.

– А я-то уж надеялся, что ты стал нормальным!

Кто бы говорил! Сам-то гордится тем, что отобрал деньги у самой уязвимой подгруппы населения, наркозависимых. И я ответил:

– У нас с тобой разные представления о нормальности.

– Мы вообще ребята разные, если ты не заметил!

Я смотрел на Ярослава, но вдруг он рванулся куда-то наверх, а перед моими глазами очутился пол купе. Я дернулся от неожиданности и налетел на угол навесного столика.

Оказалось, это моя голова упала. А Ярослав оставался на месте.

– А как же боль? – я аккуратно поднял свою голову, держа ее за ушибленный висок. Ярослав снова возник в поле моего зрения.

К сожалению, в конверте лежало на одну купюру меньше заявленного.

Это потому, что Ярослав сам вернул её тому несчастному наркоману.

– Какая ещё боль? – спросил Ярослав, заинтересованно глядя на мою голову. Нет, не в глаза. Просто на голову.

В обмен на кое-что.

– Вот порежу я палец – мне станет больно, – я откинулся назад и примостил затылок на мягкой стенке купе, чтоб голова больше не падала. – Разве тебе нет?

Ярослав напротив принял очень мудрый вид.

– А, ты о физической боли. Тут все просто: её не существует. Ты почувствуешь ее только когда подумаешь о ней. Источник боли у тебя в голове.

И тут я понял, что на него таблетка уже подействовала. Мы закинулись, когда садились на поезд. После того, как я сознался ему, что не люблю ездить на поездах.

Я хлопнул глазами. Ярослав передо мной медленно расплывался в супрематистский концентрат мудрости. И я спросил:

– Это ты тоже в своём техникуме узнал?

– А где ж ещё! Прямо там, нанюхавшись клея...

– Так ты на столяра отучился?

– Нет, блин, на маляра!

– А если серьёзно?

– Я инженер.

– Ракету построишь?

– Как два пальца.

– С её продажи и долг отдадим.

Да, разумеется, никто не собирался давать нам деньги за «спасибо». Мы их одолжили.

У наркомана.

Главная прелесть Ярослава заключалась в том, что он делал такие вещи, до которых нормальный человек бы даже не додумался.

– Ты что, сдурел? Не буду я свою ракету продавать!

– Это только потому, что пока ты ее не построил. Тебе продавать нечего.

– Слушай, ракета – это лучше, чем жизнь без долгов.

– Чем?

– Тем, что я на ней полечу к дому того, кому должен, и разбомблю его нахер! – проорал Ярослав и принялся воодушевленно рисовать в воздухе траекторию своей ракеты.

– Ты гений, – признался я, в восхищении наблюдая за движениями его руки.

Наш ковчег покачивался на волнах – раз, два, раз, два... Поезд мчался через время, оставляя за собой секунды и часы. Время вилось серпантинном вокруг железной дороги, а за окном мелькали империи вперемешку с городами будущего. Снаружи темнело, но это была необычная темнота. Разная.

Я допускаю, что таблетки тогда подействовали и на меня.

– Так что ж ты сразу не сказал, что ходил в музыкалку? –

спросил я, восхищенный умением Ярослава.

– Я бы с радостью тебе рассказал. Если б ходил.

– Мир потерял великого музыканта. Ты бы стал отменным ударником. Или басистом.

Ярослав кивнул.

– Чувство ритма у меня в крови. Я все детство засыпал под ритмичный скрип пружин в матрасе моих родителей.

Я заржал, а потом вдруг напряг все свои извилины и задумался.

– А твоему папке можно было, что ли? Я в этом не разбираюсь, но разве на половом влечении у них не стоит... крест?

– Так это до сана было. И мамка была ещё жива.

У Ярослава когда-то была жива мать. Я очень удивился, но решил не заострять внимание на этой удивительной детали. Сам Ярослав тоже не хотел вдаваться в подробности, он сразу перевел тему:

– А чем тот твой друг занимается?

Это он про Лаврентия.

– Поэт.

Лаврентий действительно был поэтом.

Я рассказал про Лавра перед тем, как мы собрались к нему переезжать, но в общих чертах. На самом деле, рассказ тот больше походил на инструктаж перед визитом в контактный зоопарк: не совать пальцы в пасть и не чесать против шерсти. Кормить можно.

– Не люблю стихи, – поморщился Ярослав. – Они пустые.

Столько же ценности, сколько в какой-то случайной фразе в разговоре двух незнакомых людей. Как будто смысл специально мешают с пустыми словами для веса – как мясо замораживают, чтобы вода шла в счёт массы. И рифмуют, чтобы вся эта белиберда несла хоть какую-то ценность.

Я с небольшим усилием переварил его тираду.

– Уверен, ты ему тоже не очень понравишься. Если не вытащишь голову из задницы, – вздохнул я и добавил: – это метафора.

Мы замолчали. В нашем купе все было ярко и радостно – я еще никогда не ездил в таком красивом поезде! Он был волшебным. Наш волшебный поезд.

– Вот ты мне скажи, — снова заговорил Ярослав, – что это такое – твоя метафора?

– Это когда ты о чем-то говоришь так, чтобы поняли только нужные люди.

– То есть, когда барыга хочет подкинуть мне пару грамм твердого – это тоже метафора?

– Нет, это не метафора.

– А что это?

– Это незаконно.

– Так значит, твои эти метафоры – экстремистская деятельность! – Ярослав схватился за голову. – Ты мне, конечно, друг, но мне придется сдать тебя властям.

Я вылупил на него. Слова Ярослава звучали поразительно правдоподобно.

Неужели все это время я, сам того не зная, работал на преступность?

– Ты меня не сдашь! Я сам сдамся, – в порыве гражданского долга я встал и снова упал на задницу. – Зло должно быть наказано.

Вдруг Ярослав переменялся. Погрустнел, напрягся. Одним словом, занялся тяжелым умственным трудом – из уважения к умственному труду я замер, решил дать ему додумать мысль.

– Я им тебя не отдам! – вдруг завопил Ярослав так внезапно, что я весь вздрогнул.

И я понял, что мысль он додумал.

– Как ты не понимаешь! – разозлился я. – У меня есть информация, которая им нужна!

– Но ты нужен мне!

На наши вопли прибежала проводница.

Когда я шел со встречи выпускников, уже стемнело. Под моими ботинками хрустел свежевыпавший снег. Я так возвращался из школы зимой, когда солнце садилось рано, а уроков на день ставили слишком много.

Вечер был морозный и тихий, идти по такому приятно.

В детстве я не замечал, какой уютной становится улица, когда на нее не светит солнце. Вся она припорошена снегом и освещается только желтыми фонарями. В детстве я видел только темные закоулки дворов, фонари висели гораздо выше.

После долгих лет разлуки дорога от школы до дома казалась и не дорогой вовсе, а каким-то метафизическим путешествием в глубины своего сознания. Я на ней чувствовал себя совсем голым, как будто на меня кто-то смотрел – это я вроде стал маленьким, а взрослый я за мной наблюдал.

Когда дорога кончилась, я оказался в своем родном дворе. В моем доме меня больше никто не ждал.

Ярослав, который все это время безмолвно шел следом, спросил:

– Нагулялся?

Так или иначе, на дворе середина апреля и мы оба ехали к Лаврентию. Без предупреждения.

Сколько мороки из-за того, чтобы просто накормить людей человечинной!

Сколько мороки из-за того, чтобы просто накормить людей человечинной!

Дальше вышло вот что:

Испуганная шумом проводница попыталась проникнуть в наше купе. Принялась стучаться и требовать всякое. Ярослав решил, что за мной уже пришли. Он припер дверь спиной, чтоб точно не вломились. Я изо всех сил пытался отодрать от двери Ярослава – у меня это все-таки получилось, когда Ярослав упал сам. Спиной и наружу. А дверь за ним захлопнулась.

Перед этим проводница тоже успела потерять равновесие. Они с Ярославом сработали удивительно синхронно: Яро-

слав из купе выпал, а проводница упала в противоположную сторону – то есть, прямо на меня, когда Ярослав освободил место.

Дверь захлопнулась, я инстинктивно схватил девушку за плечи. За округлые и полные плечи, мне понравилось их держать в руках. Как сдобные булочки на ощупь.

Когда проводница оттолкнула меня, в купе ввалился довольный Ярослав.

– Ну и зачем я тебе нужен? – наконец удосужился спросить у него я, так и не опустив руки. Мысленно все еще сжимаемая пальцами сдобные булочки.

– Как это зачем? Ты же мой друг! – улыбнулся Ярослав.

Я увидел, что незнакомая девушка, которую я облапал, была невысокой, с длинными волосами и какого-то сумасшедшего цвета глазами. Как будто бы в крапинку.

Да, вот такой я романтик: всегда смотрю девушкам в глаза.

– Иногда твоя вежливость переходит все границы, – с чувством выругался Ярослав.

Проводница уже вышла из купе, так что ему пришлось высунуться за дверь и окликнуть ее, чтобы сказать:

– Если вам понадобятся свидетели того, как он охренел, вы можете записать мой номер телефона!

Эпилог

В фильмах все всегда просто, потому что они заканчиваются и мы не видим, как герои разгребают последствия. Если фильм закончится сейчас, у него будет счастливый конец.

Наверно, именно здесь эта история и закончится. Я могу сам решить, где заканчивается история, и я решил: здесь. Даже если после она продолжится.

В детстве мать варила мне очень невкусную кашу. Единственным способом выжить для меня было убедить себя в том, что каша вкусная. И я говорил себе: о, какая вкусная каша! Это очень действенный метод выживания. Самое гнусное, что к нему привыкаешь.

Где-то заканчивается мое восприятие и начинается реальность. Вопрос: где?

Почему я все еще продолжаю есть невкусную кашу?

Где мама, которая заставляет меня это делать?

Ответов я, конечно, не знаю.

И я жду. Жду того, что приходит только с опытом.

Пока что я узнал всего одну большую истину: в какой-то момент от жизни необходимо охренеть. Можешь охренеть один раз и навсегда. Можешь делать это хоть каждый день. Но охренеть – это твоя обязанность. Общечеловеческая.

А пока у этой истории будет хороший конец. Конечно, со временем он испортится. Я, вроде как, истратил хорошую

концовку на середину: рассыпал отведенные на нее буквы в этот эпилог.

Потому что прошлое и будущее – два зеркала друг напротив друга, а настоящее – ось, по которой они вращаются. Я знаю это. Откуда? Уже не помню. Скорее всего, кто-то сказал мне. Возможно, это неправда. Но если кто-то соврал мне, то я точно так же могу соврать кому-то ещё. Так?

В любом случае, не так важно, где именно я это напишу, потому что у историй не бывает подходящего места для эпилога. Если бы я хотел сказать в нем что-то важное, то место, может, и появилось бы. Но я сразу хочу предупредить, что ничего важного не скажу.

Это же все фальшивое, как и эти слова. Мои слова.

Я никогда не видел в фальши ничего плохого. Вот вам моя исповедь: я не фанат натуралистичности. И мне плевать, верят мне или нет. А все вокруг прямо до трясучки ненавидят, когда их слова подвергают сомнению! Не знаю, что у их за патологическая тяга к правде. Наверное, это потому, что в детстве их постоянно обманывали.

Что за стремление мерить всех людей по какому-то универсальному лекалу! Есть определённо плохие условия и определённо хорошие, есть единая для всех мораль, единые возможности и желания, а все, что в это лекало не вписывается – ложь и отговорки плохих по сути людей. Все фальшь, а фальшь – это плохо.

Понять бы еще, что это такое. Как отличить реальность от

подделки? Вы, конечно, скажете, что реальность – это все, что с тобой происходит, и в ней достаточно ущепнуть себя, чтобы удостовериться. Но я бы не был так уверен.

Реальность относительна. Точно так же, как и фальшивка. Фальшивкой можно жить долго – можно верить в иллюзии, жить идеей, знать, кто ты есть. Вариантов достаточно.

А потом знаете, что происходит? Реальность. Бум!

Встреча

За нами тянулся шлейф пережитой в поезде ночи. Мы шли от вокзала рано утром, обессиленные и отупевшие.

Меня грела мысль о том, что скоро я вернусь домой. Как раз после поезда я понял, что у меня остался один дом: квартира Лаврентия. Мое последнее пристанище, не считая дома Ярослава, но в дом Ярослава я бы не вернулся и под страхом смертной казни. Хотя там я уже обжился. Когда привыкаешь к месту, оно уже не кажется таким ужасным, даже если оно по-настоящему, до первобытного страха ужасно – с домом Ярослава я настолько смирился, что даже не больно-то хотел оттуда съезжать. Это не значит, что мне там вдруг понравилось. Просто я терпел. Терпел так покорно, что перестал возмущаться, и за это я себя никогда не прощу. Возмущаться убожеством ярославовой халупы я был обязан до последнего. Таков был мой гражданский долг.

Одним словом, квартира Лавра мне роднее, чем убежище Ярослава. Я думал о том, что скоро вернусь туда, и меня это грело. Грело ли что-то самого Ярослава, я не знаю. В кои-то веки он шел молча: шлёпал по асфальту подошвами своих поношенных кед и не поднимал голову. Я не скучал по его болтовне.

В то утро я узнал, насколько безлюдным умеет быть город. Солнце еще не встало, но небо уже светлело, на деревьях на-

бухли почки, кое-где на газонах уже торчали пучки травы и вокруг не нашлось ни одного живого человека. Фонари еще не потухли, горели себе под нежно синим небом, как во сне.

Картину портили только тяжелая голова, еле плетущиеся ноги и сухость в горле. Эта троица обгадила мне весь сон. Я бы рад насладиться красотами утра, если б глаза не угрожали выпасть из глазниц и покатиться по дорожке вперед меня. К сожалению, в то утро я узнал не только красоты безлюдного города: еще я узнал, что там, где красиво, как в сказке, магазины не работают. Мы даже воды купить не могли, чтобы облегчить себе участь умирающих перед вокзалом в пятом часу утра. И ни одного автобуса, который мог бы подбросить нас до мира живых.

Мы стояли перед выбором: ждать в лимбе, пока нас кто-нибудь не заберет, или идти ногами, пока мы оба, один за другим, не потеряем сознание.

Когда я спросил у Ярослава, что мы с ним собираемся делать, он ответил мне нечленораздельной смесью гласных звуков и кашля. Я понял, что мои слова звучат для него точно так же, поэтому мы просто пошли.

Во вмняемом состоянии мы добрались бы за сорок минут. То, что от нас осталось, шло в три раза дольше. Оно вообще едва могло ходить.

Когда мы начали свой путь, я сразу прикинул: два часа. Нам надо продержаться два часа. Потом – хоть падай. Падай и умирай на месте. Плачь, рви волосы, ломай себе пальцы.

Но только через два часа.

И я шел. Мои ноги шевелились сами по себе, ступней я вовсе не чувствовал, только какое-то механическое напряжение оттуда обращало на себя внимание. Спустя где-то половину дороги я распознал в этом механическом напряжении боль. Оказалось, ходить мне больно. Но я продолжал идти с упорством, достойным олимпийского чемпиона.

Рассвет застал нас в дороге. Вместе с ним на улицу потихоньку начали выходить люди: сначала один, случайных. Потом еще – разведчик. А дальше стали появляться по несколько сразу, полноценными группами, и стало ясно, что день начался.

Солнце светило ярко, становилось все теплее. Даже жарко. По асфальту бежали ручейки стаявшего снега, прямо как в прежние времена по дому Ярослава. Я вспомнил о том, что времена эти стали прежними, и на душе моей полегчало. Только на финишной прямой, когда до дома оставалось всего ничего, я наконец-то понял, как устал. Во многом поэтому, но еще и потому, что я за ночь потерял всякий страх, мы не стали обходить двор с той самой пивной лавкой. Ярослав шел рядом со мной и даже не знал, что происходит за событие, а я не мог ему об этом рассказать.

Но даже если бы мог, не рассказал бы.

Я давно не видел тот двор. Пивная лавка притулилась в проезде, торчала из боковины одного дома. Служебный вход у нее располагался с внутренней стороны. Туда подъезжали

газели с целыми ящиками бутылочного – принимай я такой ящик, до магазина он бы точно не дожил.

В целом двор мне нравился. Очень просторный, внутри даже деревья росли. Как небольшой парк. И детских площадок нет – разве что лавочки и клумбы, все по-взрослому. Мы подходили к нему с западной стороны, а с противоположной вставало солнце. На нас обрушилась холодная, синяя тень, впереди сплошной темной стеной возвышались дома, а в проход между ними било солнце. Слепило по асфальту, золотило лужи – как будто райские врата.

Мне вдруг стало тревожно и страшно, как будто прямо сейчас я сделал что-то незаконное и меня вот-вот поймают. Потом что – не знаю, но уже оттого, что поймают, я боялся. Сердце быстрее билось, глаза бегали, дыхание участилось. Я пошел быстрее, хоть ноги не слушались и по-настоящему быстрее идти не получалось: я всего лишь прилагал усилие. Усилие бесполезное, но необходимое, иначе я просто сошел бы с ума.

Ярослав не замечал, как я страдаю. Он смотрел себе под ноги и сосредоточенно переставлял их одну за другой. Я хотел его поторопить, хоть и знал, что это бесполезно: быстрее никто из нас не пойдет. Но спокойствие Ярослава усиливало мою панику.

Умом я понимал: слишком рано. В такой час я никого не встречу. Кровожадный хозяин, который так и не смог нас найти, даже не узнает мое лицо, а милиции глубоко до лам-

почки, кто я и что сделал пять лет назад. Никто не знает об этом. Никто, кроме меня, двух моих сокурсников и девушки, которая стояла в тот день за прилавком, а теперь – прямо перед нами, и смотрела на меня.

Душа ушла в пятки.

Я смотрел на нее – в ее глаза, и все понимал.

Она меня узнала. Она меня узнала и испугалась. Я вдруг понял, что в тот раз она не пугалась – было совсем другое выражение лица.

Ярослав продолжал идти, не замечая, что я остановился.

Под ее ногами сияло золото – она стояла прямо в блестящей под солнцем луже. Стояла в райских воротах, а вокруг меня горела густая, беспробудная тьма.

Я был готов пасть перед ней на колени и покаяться во всех своих грехах. Вернее, всего в одном: в том, что она боится меня. А она все смотрела и смотрела. Как тогда.

Мы решили сделать это утром, потому что утром мало кто навевается в пивные. Это если говорить про утро, но не самое раннее, потому что еще до открытия у входа всегда собиралась целая толпа страждущих. Кто-то по пути на работу заскакивает за сигаретами, кто-то нашел в мусорном пакете вожделенную, ниспосланную свыше сотку, а кто-то надеется, что этим утром ему откроют дверь во взрослую жизнь.

Нас было трое и мы ничего толком не спланировали. Уже потом кому-то пришла мысль, что неплохо было поставить человека на шухер, но точно не мне. В любом случае, нам

повезло, что все прошло и без этого.

Руслан первым подал идею – она прижилась, как родная, в голове двух его сообщников, меня и Шота. Вообще его звали Дилшотом, но Шот звучало круче, а на тот момент мы все были озабочены вопросами такого рода. Конечно, был еще один вариант сокращения – по первому слогу, – но он все-таки был нам другом, а не абы кем. Не знаю, зачем я знакомлю вас с ними, мы вряд ли встретимся снова. Руслан тогда сказал:

– Вы только представьте, если получится.

Мы представили и нам понравилось. А потом у нас получилось.

В тот злополучный день за прилавком стояла совсем молодая девушка. Тщедушная, кожа да кости. Ей бы полевые цветы в букет собирать своей костлявой ручонкой. Заплетать косы, накидывать шаль на плечи, надевать зимой валенки на босу ногу и выходить на крыльцо поутру.

Обычно таких не берут в подобные заведения, и нельзя же все проколы списывать на то, что оно работало только днем, а это действительно был прокол. Хочется верить, что не наш.

Два моих подельника – я называл их именно так – перекладывали бутылки в сумки. Я не видел, но слышал звон. А она все видела. Дрожала всем телом, как от озноба, дышала с хрипом, натужно. Но самое страшное – она смотрела так, как будто раньше не знала, что такое может произойти. Что такие люди, как мы, существуют. Не злоба или обида, там

вообще не было ничего такого, в ее черных глазах. Только непонимание и боль. Шок.

Утро стояло тихое. Обычно они включают радио, но у нее – тишина, и сама она молчала, только с улицы громыхало и шуршало. Все так безмятежно, что аж смешно. Город только проснулся, начало рабочего дня, солнце, лето, темная прохлада помещения на первом этаже, какая-то дачная прелесть из открытого окна. И каждый занят своим делом: она – работой, а мы... мы тоже не бездельничали.

Я держал ее. Все это время я держал ее перед собой за плечи и смотрел в глаза. Как я радовался, что не увижу эти ее глаза после! Не увижу больше никогда. И буду считать, что на следующий день в них ничего не изменилось. Что она забыла все, как страшный сон.

Но некоторые страшные сны запоминаются на всю жизнь, и уже тогда я знал об этом.

На что только не пойдет человек, который хочет нажраться, когда у него нет такой возможности. Но тогда у нас всех в карманах лежали деньги. Нам просто было интересно, каково это, и мы узнали. Сейчас я бы на такое не пошел, потому что у меня действительно нет выбора. А тогда выбор был.

Ладно, на самом деле все не так ужасно, как можно подумать. Пока это происходило, оно совсем не было ужасно – уже потом я понял, что произошло. Так ведь часто случается: когда ты делаешь что-то, ты просто это делаешь, а потом начинаются анализ и размышления. Потом всегда кажется,

что ты поступил неправильно и в следующий раз все будет иначе, потому что теперь ты понимаешь больше, чем тогда.

Но теперь я знаю, что это неверно. Мысли от действий отличаются так же, как голова от задницы. Неважно, что ты о себе думаешь, потому что в определенных ситуациях ты ведешь себя так, как сам не ожидаешь.

Мне всегда было интересно: где же настоящий я – в голове или на деле? Конечно, можно сказать, что реальность определяется только действиями. Но действия тоже определяются не сами собой.

Гораздо позже я узнал, что владелец того ларька плотно занялся поиском злоумышленников. Мы в тот день заранее попросили старосту отметить нас, как присутствующих на первой паре. Слабое алиби, мы даже не думали, что оно нам понадобится. Оно подвернулось случайно.

Почему это место отмечено у меня в памяти похоронной лентой? В тот день что-то внутри меня умерло. Но это был не я.

По иронии судьбы через два года я поселился у Лаврентия, который жил в соседнем дворе. С тех пор я каждый день изводил свою душу воспоминаниями.

У меня есть предрасположенность к зависимости; она возникает из-за нежелания соприкоснуться с реальностью. И я выбрал далеко не самый худший вариант.

После той встречи на рассвете я решил, что мне все ещё стыдно.

***

Ярослав спал, упав лицом в мой диван. Я сидел на кухне и даже не надеялся найти в холодильнике пиво, поэтому довольствовался украденными из кармана лаврентиевой куртки сигаретами. Меня все еще трясло, зато голова прояснилась: должно быть, из-за стресса. Лаврентий из своей спальни не выходил, да и черт с ним. Спасибо ему, хоть замки не сменил. Может, он до сих пор не знал, что мы приехали. Может, игнорировал наше присутствие. Мне было до лампочки.

Потом я, должно быть, все-таки провалился в сон. Неудивительно. Не спал я чертовски долго, а активничал предостаточно – ходьба ногами, стресс с проводницей один на двоих, да и наркотические приходы у меня до этой ночи случались не часто. Если честно – ни разу. А потом еще и рассвет.

Разбудили меня двое: Лаврентий и Ярослав. С полусна я не сразу понял, что Ярослав обрабатывает местные уши своей горе-идеей.

– Понимаешь, – вдохновенно вещал Ярослав, и я злорадно подумал, что уж кто-то, а Лаврентий понимает побольше него, – я не верю в свою бедность. Я не верю, что человек с моими мозгами может быть настолько беден, как я. Это неправильно.

Ярослав, очевидно, бредил. Может, его еще не отпустило. Или это был затянувшийся отходняк. Так или иначе, я понял, что бред его можно не слушать.

Но я слушал дальше.

– Хочу сделать что-то значимое, – продолжал Ярослав. – Не для всех людей значимое, конечно. Только для меня. Хочу преподнести себе в подарок исполнение мечты.

Я все ждал, когда Ярослав наконец-то откроет Лавентию свой замысел. Расскажет, в чем соль его блюда. Реакция Лаврентия пока не проявилась, потому что он слушал молча – не зная, что у него есть привычка дослушивать любую тираду до конца, решил бы, что Ярослав говорил с зеркалом.

Лаврентий умел слушать: все, что ему рассказывали, слушал с огромным вниманием и уважением, даже откровенный бред. И только когда собеседник выкладывал все до конца, только тогда Лаврентий шел в атаку: разбивал оппонента в пух и прах. А память у Лаврентия была отменная. Ведь когда человек говорит и его не перебивают, он думает, что ему верят. Если он ошибается и его не поправляют, он думает, что никто не заметил. Ха. Лавр запоминал каждое слово, и в последнем акте припоминал собеседнику сразу все его огрехи. Если учесть, как далеко умеют заходить люди в своих речах, когда их не перебивают... да, я хотел узнать, чем все закончится.

И вот Ярослав спросил:

– Что ты знаешь о пищевой промышленности?

Вопрос, который задает дьявол, когда хочет заполучить твою душу.

Я ждал ответа Лаврентия с замершим сердцем. Думал: ну вот, сейчас Ярослав его испугает до потери пульса и Лавр

скажет, чтоб мы оба выметались из квартиры. Куда пойдём? Кто знает, но почему-то перспектива оказаться на улице меня не смущала. Я был этому даже рад, лишь бы не возвращаться туда, откуда мы приехали. Меня беспокоило не это. Меня беспокоило, что никуда идти нам и не придется.

Ярослав слишком назойливо окучивал Лаврентия. Я немного боялся, что Лаврентий поддастся его чарам. Этого я не хотел. Не хотел, чтобы Лаврентий подружился с Ярославом. В моих глазах Ярослав был недостоин дружбы даже с Лаврентием.

– Я как-то раз рубил мясо на кухне, – заговорил Лаврентий, – и случайно пробил трубу. Соседей залил. Так что пищевая промышленность – рискованное дело, это я точно знаю.

От ответа Лаврентия я обалдел. Ярослав тоже, потому что ответил он не сразу.

– Так ты, значит, умеешь туши разделявать?

Голос Ярослава звучал заинтересованно.

Я насторожился.

– Разделяваю то, что родственники присылают, – подтвердил Лаврентий.

– Тогда ты именно тот, кто нам нужен! – восторжествовал Ярослав.

Я уже был готов заплакать.

– А что разделявать надо будет? – спросил Лаврентий, и у меня появилась надежда.

– Для того, чтобы разгласить эту информацию, мне нужно

узнать кое-что о твоих моральных принципах.

Почему-то о сохранности моих моральных принципов Ярослав никогда не заботился! Или он только после нашего разговора понял, что на этом этапе разговора нужна прелюдия? Тогда Ярослав, может, еще не совсем потерял для общества. Способен к обучению.

Лаврентий томно вздохнул. Я все еще был заинтригован.

– Я не верю в мораль, – ответил он. – Никакой морали в этом доме нет. Можешь не задаваться вопросами такого плана.

Я все еще надеялся, что Лаврентий скоро выгонит нас на улицу. Вопреки всему.

– В общем, – сказал Ярослав так серьезно, как будто собрался девушке предложение делать. Почему-то моя реакция эту скотину не так сильно заботила! – в общем, я хочу взять за основу своего предприятия человеческое мясо.

Лаврентий молчал. Я почувствовал, как в воздухе запахло моралью. Она впервые завелась в этом доме, что за чудо! Ярослав все-таки умеет, когда хочет.

– Убивать никого я не буду, – поспешно дополнил тот, – и никто под моим началом тоже. Я буду использовать уже мертвых людей. Из моргов.

Должен предупредить: в следующую секунду фрегат моих надежд разобьется вдребезги. Я не могу вспоминать тот эпизод без внутреннего воя кита, потому что удар был сильный. То есть, перед тем, как заговорить снова, мне надо перевести

дух. И подготовить самого себя к тому, что Лаврентий ответил Ярославу с восторгом:

– Хочешь кормить людей им подобными?

Даже вспоминать больно.

– Да! – радостно воскликнул Ярослав. – Хочу победить их природное отвращение к поеданию плоти друг друга!

Я ничего не видел, но мое воображение услужливо рисовало картину из диснеевского мультфильма: Ярослав и Лаврентий берутся за руки и начинают кружиться в танце новой дружбы.

Мне показалось, что из моего глаза выкатилась одинокая, скупая слезинка.

– А к трём часам подтянется один интересный человек, – вдруг сообщил Ярослав Лавру, а не мне.

Я мигом забыл о том, что исполняю роль безучастного слушателя. Вскочил со стула и спросил:

– Какой еще человечек?

Все мое тело вслух материло меня за сон на стуле. Я еле разогнулся.

– Я его на сайте объявлений нашел, – снова обратился к Лавру Ярослав, не обращая никакого внимания на меня. – Нам такой нужен.

Я заподозрил что-то неладное.

– А когда ты успел?

– Позавчера, когда хозяин рамсить начал.

Я задумался. Это была правда: рамсить хозяин Ярослава

начал позавчера.

Ах, да, забыл сказать: у нас с Ярославом такая крепкая дружба, что даже уволили нас в один день. Именно поэтому он так решительно нашел деньги и примчался к Лаврентию. С работы его выгнали за драку с покупателем, но сейчас не время вдаваться в подробности.

– То есть ты нашел своего человечка еще до того, как я предложил поехать к нему? – кивнул я в сторону Лавра.

Ярослав наконец-то посмотрел меня. Уничтожающим, раздраженным взглядом.

– Ну не поехал бы я сюда просто так! Нам просто необходим представитель закона на нашей стороне, а еще – место, где его можно принять. У меня, как ты знаешь, жилье не в центре города, поэтому нам нужно содействие твоего друга, – он почтительно склонил голову в сторону Лаврентия, – и мне очень нужен ты, потому что все предприятие будет официально записано на тебя.

Лаврентий похлопал глазами и решил ни в чем не разбираться. Ярослав смотрел на меня, а я на него.

Раньше я знал, что у него есть план, но не знал, на кой черт ему сдался я. Теперь все начало вставать на свои места.

– То есть все деньги официально будут моими?

– Я не против того, чтобы меня содержали, – пожал плечами Ярослав и гадко улыбнулся. – Всю жизнь мечтал о богатом папочке.

Мне было не до смеха. Я осторожно спросил:

– А как же независимость?

На что Ярослав ответил:

– Главное – быть независимым душой.

И я безоговорочно поверил ему, ибо иметь свое предприятие под началом такой светлой головы – самое опасное дело, на которое может пойти только сумасшедший. Мне было кристально ясно, почему Ярослав хочет измазать в говне только мое имя. Да, говна пока не видать, но я понимал, что это лишь вопрос времени.

Я не могу назвать себя здравомыслящим человеком, но я точно не идиот.

И вот я стоял на кухне перед единственными людьми, которым было до меня хоть какое-то дело, и решал, давать ли одному из них принести меня в жертву своему энтузиазму. Во мне сразу разыгрался расчет – наверное, люди называют такие мысли расчетливыми, – ведь без этих людей я бы оказался на улице, без гроша и крошки. Они были моим грошом и крошкой: ждали, пока я скажу, готов ли порвать за них жопу.

Я никогда ничего и ни для кого не делал. Это, конечно, нехорошо. Может, пришло время расплатиться за свои грехи.

Что будет, если я не соглашусь? Лаврентий навряд ли прогонит меня из своего дома, так что минимум крышей над головой я обеспечен. Ярослав, разумеется, меня пошлет: я и нужен-то ему только для одного. Буду ли я скучать? Едва ли. Даже совместная жизнь не сблизила меня с этим существом.

В целом, моя жизнь не сильно изменится, если я откажусь – и именно это заставило меня ответить:

– Ладно, я согласен.

Неужели все это напрасно? Конечно, приключение получилось знатное, у меня таких переделок уже много лет не было. А сколько нового я узнал! Узнал, например, что родители меня ненавидят. Это имеет свою ценность. Но посиделки на кухне с Лаврентием и Ярославом едва ли могли стать достойным финалом. Неужели я закончу там же, где начал – на кухне Лаврентия?

Зазвонил домофон. То был найденыш Ярослава, больше некому.

Все мы втроем встали перед звонящей трубкой. Я не хотел принимать в этом никакого участия и ждал, что ее снимет Лаврентий. Лаврентий ненавидел тратить время на чужих людей и, судя по всему, ждал, что трубку снимет самый болтливый Ярослав. А Ярослав как всегда хотел спихнуть на меня всю работу.

Спустя минуту я просто поднял трубку и, не говоря ни слова, нажал на кнопку, а Лаврентий сразу же пошел отпирать дверь. Ярослав же принял позицию хозяина положения, готовый к первой деловой встрече на жизненном пути своего предприятия.

Потом все трое в тишине ждали, пока найденыш дойдет до нужного этажа.

Когда дверная ручка повернулась, Лаврентий отскочил в

сторону – и вот долгожданный гость появился на пороге.

Выглядел он совсем не убедительно. Небольшого роста человек с застенчиво бегающими глазами, худыми, белоснежными выше запястий руками и прыщами на щеках. Он был одет, как студент, но на лицо дашь все тридцать.

Я понял, что теперь представляю собой не самого жалкого человека в комнате: этот кадр наверняка девственник.

Мы немного промолчали. Он, должно быть, испугался, увидев трех парней. А может и не всех трех, а одного Ярослава, потому что тот все еще стоял в своей боевой позиции.

Никто не говорил ни слова, я не знал даже, отчего наш гость решил, что попал в нужную квартиру. Лаврентий не говорил с незнакомцами, я не знал, что говорить, а вот почему рот Ярослава не открывался – загадка. Он вообще не шевелился. Замер, как олень в свете фар, и своим дотошным прищуром оглядывал то, что самолично приволок в наш с Лаврентием дом.

Вдруг Ярослав сорвался с места и парой шагов оказался вплотную к своему найденышу, от чего бедный парень отшатнулся.

– Расскажи мне что-нибудь интересное про уголовный кодекс, – угрожающе попросил Ярослав.

– Могу рассказать, по каким статьям подам на вашу компанию, если сделаешь еще хоть шаг вперед, – незамедлительно отбилсся найденыш.

Голос у него, казалось, еще ломался, как у подростка.

– Так это ж не уголовный, – вставил я.

Безымянный незнакомец посмотрел на меня с вызовом.

– Поспорим?

– Этот мне нравится! – радостно подпрыгнул Ярослав.

Лаврентий беспомощно растерялся: целых два новых человека за один день! Учитывая его затворническую жизнь – полноценное потрясение.

– Данил Александрович, – представился, как выяснилось, Данил Александрович.

– Очень приятно, – ответил Лаврентий. Я им гордился.

– Так ты, значит, юрист? – взыскательно уточнил Ярослав. – А диплом у тебя есть?

– Есть, но я вам его не покажу, – протараторил Данил Александрович.

Я объяснил:

– Мы ему не нравимся.

– Это совершенно нормально, – успокоил его Ярослав. – Мы мало кому нравимся. Мне, в общем-то, похер, есть у тебя диплом или нет. Им тоже. Я тут главный.

Поспорить с этим я не успел, так как Ярослав начал задавать Даниле Александровичу вопросы. Вроде:

«Что нам грозит, если мы не регистрируемся официально?»

«Что нам нужно сделать, чтобы зарегистрироваться официально?»

«Как проходят расследования, если иск подан на ИП?»

И все в таком духе.

Мы с Лаврентием молча наблюдали. Лаврентий, вроде, даже пытался что-то запомнить.

– Хорошо, – одобрил Ярослав ответы нового члена банды. – А что насчет бизнес-плана?

Глаза Данила Александровича округлились.

– Э, я таким не занимаюсь!

– А я думал, у тебя уже есть бизнес-план! – не сдержал язвительного комментария я.

– С этим я могу помочь! – вдруг встрял Лаврентий.

Я засмеялся.

– Да что ты говоришь! Что ж ты тогда свое собственное дело не открыл, раз такой профи?

Лаврентий ничего не ответил и опустил взгляд, Ярослав посмотрел на меня осуждающе. Я испугался, что могу оказаться на улице в одиночестве, и отступил.

Если Ярослав останется с Лаврентием без меня, я такого не переживу.

– Лавруша, продолжай! – ласково подбодрил Ярослав.

Страх потерять жилье не дал мне засмеяться. Лавруша, кто бы мог подумать!

А Лавруша от этого прямо расцвел.

– Ну, нам нужно зафиксировать начальный капитал, наметить план действий, найти целевую аудиторию... – принялся перечислять Лаврентий, а я все еще не мог воспринимать его всерьез. – А еще нам нужно придумать название и найти

что-то уникальное, то, чем мы будем завлекать народ.

Ярослав кивнул:

– Ну. смотри: у нас продукт, конечно, уникальный, но рассказывать мы об этом никому не можем.

– Тогда придется соврать!

– Хорошо, люди любят то, что дешево и сердито, – задумался Ярослав. – Не хотелось бы делать товар дешевым, потому что хотелось бы получить как можно больше прибыли. Серdito завернуть можем!

– С этим мы как-нибудь разберемся, – заверил его Лаврентий.

– План у нас уже есть, – вставил я. – Только план-то у нас и есть, собственно.

Вдруг Данила Александрович напомнил о своем присутствии. Он со знанием дела заявил:

– Плана пока достаточно! Есть план – есть дело, а дело нужно сделать. А когда дело будет сделано, у нас уже будет, из чего делать выводы. И, следовательно, остальное приложится!

Я нахмурился.

– Ты к чему ведешь?

– Да хрен его знает, у вас же мозговой штурм! Я внёс свой вклад.

– Нет, нам нужно решить, каков будет итог, и только после этого к нему идти, – возразил Лаврентий.

– Но мы же начинаем с нуля и не можем предугадать, ка-

ков будет итог. Где логика? – спросил Данил Александрович.

Лаврентий вдруг стал Лаврентием.

– Логикю можно понять и за это я её презираю, – сообщил он, показывая себя во всей красе. – Я признаю только то, что чувствую.

Ярослав посмотрел на Лаврентия уважительно.

– Сознание первичнее материи, – подмигнул он.

Я приподнял брови и вздохнул.

– Я вот одного не понимаю...

– Всего одного? – перебил меня Данил Александрович. – Везёт. Я их обоих не понимаю.

А потом добавил:

– И перестань звать меня Данилой Александровичем. Для друзей я Даня.

Я пожал ему руку.

– Слушайте, – вдруг подал голос Лаврентий, – а ведь мы можем вложиться в рекламу.

– Реклама стоит дорого! – взбунтовал я.

– Ну и с чего бы иначе кому-то покупать нашу продукцию? – возразил Ярослав, – Люди же должны знать, что им покупать!

Мне показалось, что Ярослав отныне всегда будет принимать сторону своего Лавруши. Но я не стал отходить в тень и спросил:

– Что мы можем сделать с нашим капиталом?

– Напечатать всякий шлак в типографии, – уверенно ска-

зал Даня. – Это может выстрелить.

– Значит, нужно заняться этим заранее, чтобы публика уже была подготовлена, когда мы выйдем на рынок, – решил Ярослав.

– Чем раньше, тем лучше, – согласился Даня.

Ярослав посмотрел на него и протянул руку.

– С тобой приятно иметь дело.

– Взаимно, – улыбнулся Даня, и мне показалось, что теперь я нравлюсь Ярославу меньше всех присутствующих.

Кажется, Даня облегченно выдохнул.

– И еще один вопрос, – прервал Ярослав его экстаз, – у тебя, случайно, нет знакомого работника каких-нибудь полицейских органов?

– У меня есть! – встрял Лаврентий.

– Дорогой друг, вы не перестаете меня удивлять! – улыбнулся ему Ярослав и снова обратился к Дане: – что ж, ты нанят. Дуй в типографию.

– Если бы люди не верили ложной рекламе, у меня было бы вдвое меньше работы, – авторитетно обнадежил Даня.

– Хочешь сказать, что ты востребованный специалист? – по-доброму поддел его Ярослав. – Да у тебя в анкете было написано чуть ли не «работаю за еду»! И вообще, ни один хороший специалист не согласится с нами работать, мы сумасшедшие.

Даня усмехнулся. Потом понял, что Ярослав не шутит. И задал тот самый вопрос:

– А с чего это вы сумасшедшие?

Дальше произошло сразу два знаковых события: во-первых, я узнал, что не все люди с энтузиазмом принимают идею Ярослава, и моя вера в человечество взлетела чуть ли не до небес. Во-вторых, наша команда снова сократилась до трех человек.

Ярослав закрыл за Даней дверь.

Когда Ярослав обернулся, я еще и представить не мог, что будет дальше. А дальше произошло вот что: Яра подкрался ко мне, как пантера к лани, и подмигнул.

– Помнишь, я тебе говорил, что у меня есть знакомый в морге? – воодушевленно обратился он ко мне. – Так вот! Я соврал.

Сказать, что я не был удивлен – это не сказать ничего. Казалось, я вообще не узнал ничего нового. Как будто мое подсознание уже четко знало, что все слова Ярослава ничего не значат. Иначе не бывает.

Я понял только, что все стало гораздо сложнее. Принял к сведению.

Но я и без того слабо верил в будущее нашего предприятия. Для меня все это оставалось шуткой, пускай и довольно затянутой. Я не мог воспринимать Ярослава и его мечты всерьез. Морг – это да, это серьезно. И я точно знал, что мы туда никогда не доберемся. Куда нам до серьезных вещей.

Лаврентий попытался разрядить обстановку. Он подумал, что затянувшееся молчание скоро превратится в ссору, но

я просто не знал, что говорить. Не знал, что от меня хотят услышать.

– Вам нужна рифмовка! Чтоб у людей в голова крутилась до тех пор, пока они не купят ваше говно.

Ярослав обратился к нему свой горящий взор и поддержал спектакль.

– А у тебя уже есть варианты?

– Не жуя съешь пирожок – зуб скрошишь об позвонок! – отчеканил Лаврентий, как пионер.

– Это привлечет к нам интерес правоохранительных органов, а не покупателей, – отрезал я. – Что там, кстати, насчет твоего знакомого?

Да, я не хотел ссориться и был только рад на что-нибудь отвлечься.

– Для кого-то пирожок есть судьбы печальный рок, – философски вздохнул Лаврентий. – Свяжусь с ним.

– Вот и молодец.

Все мы снова замолчали. Мне по-прежнему было нечего говорить, Ярослав сказал уже все, что мог, а Лаврентий – Лаврентий это молчание прервал:

– Я уже и не думал, что ты вернешься.

Да, Лаврентий умел удивить. Еще и сказал это мне так нежно, как будто мы с ним родные люди. Без укора, не ожидая разъяснений. С любящим пониманием близкого человека. Он как будто сказал: я тебе доверяю. Я знаю, что ты был занят. Ты делаешь все правильно. Я не хочу контролировать

твою жизнь, просто знай, что я о тебе все это время помнил.

Но сентиментально растрогаться я не успел, вступил хозяйственный отросток ума.

– А где сейчас мои вещи?

Лаврентий закивал.

– О, да, два килограмма бутылок из-под пива вынести нелегко. Тебе и представить нельзя, – обратился он к Ярославу, молча созерцающему нашу маленькую семейную драму, – сколько это пластиковых бутылок. Он их, наверное, в третьем измерении хранил, не иначе. Как зайдешь в комнату – так все чисто, а вот уехал он – бутылки как из-под земли повыскакивали...

Лаврентий гаденько засмеялся, скаля свои мелкие, острые зубы, и морща нос. Его и без того некрасивая округлая голова стала похожа на морду мурены.

Это был самый настоящий плевок в душу.

– Где мои вещи? – снова спросил я, чеканя слова так жестко, как только мог.

И мне никто не ответил.

Я снова почувствовал себя ребенком на пути от школы до дома. Ребенком, который идет по дороге и знает, что дома у него больше нет, а родители его ненавидят.

С собой я привез все ту же сумку, с которой уезжал. Спортивную. В ней лежала смена белья, бритва, зубная щетка, пара футболок и записная книжка. Еще зарядка от телефона и томик Камю. Все прочие пожитки я привез на себе, в куртке

и карманах штанов. В общем, сумка у меня была легкая.

Я зашел в комнату, которая когда-то была моей. Там ничего не осталось.

Шкаф с одеждой опустел. Исчезли все мои книжки, которые прежде лежали стопками на полу, исчезли все памятные безделушки с полки. Остался только раздолбанный диван, на котором уже успел поваляться Ярослав своей мордой.

Я словил неприятное чувство и не сразу понял, что во мне аукнулся визит домой.

Ведь к Лаврентию я шел, как в свой последний оставшийся угол. Я шел домой. Я, черт возьми, был рад сюда вернуться!

Но оказалось, что тут для меня уже нет места.

Я был голоден, измотан и зол, у меня была пара тысяч в кармане.

Конечно же, я отправился в бар.

Когда я вышел из квартиры, вслед мне крикнули:

– Да все в порядке с твоими вещами, все в целости и сохранности! Я их просто в деревню передал, чтобы не пылились.

Но было уже поздно: я шел в бар.

Когда я вышел из квартиры, вслед мне крикнули:

– Да все в порядке с твоими вещами, все в целости и сохранности! Я их просто в деревню передал, чтобы не пылились.

Но было уже поздно: я шел в бар.

Да и какая, к черту, разница, где мои вещи?! Сгори оно все синим пламенем. Сохранность вещей меня не волновала. Просто дома у меня больше нет. Совсем.

Я шел по весенней улице и пытался почувствовать себя бездомным. Когда-то я точно так же чувствовал себя нищим. Тогда получилось и сейчас получится. Мне надо просто присобачить к себе еще одну характеристику: бездомный. Бездомный нищий, без пяти минут уголовный преступник. С последним, конечно, еще можно поспорить – я же все еще не верил в реализацию замысла Ярослава, но настроились все участники очень решительно. В том числе и я.

Ведь я просто хотел, чтобы меня кто-то ждал. Хоть где-нибудь. Я не претендую на то, чтоб стать кому-то нужным, не жду любви, но хоть в расчет меня принимать можно! Хотя бы не трогать вещи, когда я не дома. Лаврентий мог бы меня выставить за дверь и я бы не переживал, но вот так уничтожать следы моего присутствия, чтобы глаз не мозолили... это насколько надо меня не любить, а.

До ближайшего бара от Лаврентия идти минут десять. Поражаюсь, как за время моего сожительства с Лаврентием ни один предприниматель не додумался основать бар где-то поближе! Неужели над нашей квартирой не горела надпись «Алкаши»? Мы, может, делали бы этому бару половину выручки.

Но нет, черт возьми, до бара мне пришлось топтать все те же десять минут. Вечерело, фонари снова горели. Вся улица

приняла тот же облик, что и утром, перед рассветом, только тогда солнце лишь собиралось выкатиться на небо, а теперь уже собралось на боковую. А еще тогда улицы пустовали, а теперь все кругом заполнили люди.

Я шел.

Уже в баре я прошел мимо официантки, и она уступила мне дорогу, пропуская вперед. Я чуть не обтерся о ее грудь, но ей перевалило за тридцать и выглядела она на все пятьдесят, поэтому воздержался.

– Извините, – галантно поклонилась она, когда мы уже разминулись.

– Спасибо, – удивился я тонкому строению ее души. Не каждый день передо мной извинялись за то, в чем даже не виноваты!

Она ответила с очарованием киборга на межзвездной станции:

– Вам спасибо. – Это было уже слишком. Я почувствовал себя какой-то важной персоной, до чувств которой всем вокруг есть дело!

И я вознамерился остаться любезным до конца. Поэтому, когда она уже отошла, я сказал ей вслед:

– До свидания.

– И вам, – очаровательно оборонилась она.

Так моя вера в человечество восстановилась вновь.

К сожалению, она очень слабо прибита на свой уровень: то и дело падает в пропасть.

***

Я видел, как в подвальное окошко, озираясь по сторонам, влез толстый кот. Интересно, сколько их там всего – подумал я и прикинул, сколько котов теоретически может вместиться в подвал. Потом подумал, какова вероятность того, что столько котов сидит там в одну и ту же минуту. Решил, что почти нулевая. Я, кстати, не знаю, как нужно вычислять вероятность чего-либо, просто в городе, должно быть, столько котов попросту не найдется.

Точно так же, как кот в подвал, сам я залез в свою ревность. В ревности, как и, должно быть, в подвале, темнела непроглядная неизвестность, и я даже не представлял, сколько в ней котов, потому что не умел вычислять вероятность. А за котами могло скрываться все что угодно.

Люди вокруг меня жили себе и не знали, как у меня в голове весело.

Глупая мысль. Я подумал ее, когда вышел из бара – пьян и счастлив. Вышел уже в темноту, хотя входил засветло. Вышел в ночь. Вышел и храбро пошел вперед. Туда, куда боялся ходить уже много лет.

Я понял, что у меня осталось очень мало вещей. Вещей, которые я мог бы назвать своими. На самом деле, я даже не знал толком, сколько их, этих вещей. Я мог сказать только, чего у меня больше нет. У меня больше нет отчего дома – это раз. У меня больше нет дома Лаврентия. Два. Вещей у меня тоже больше нет – книг, одежды и прочего – как я могу

считать их своими после того, как их так самовольно выбросили в неизвестном мне направлении? Это три. И друзья, их у меня тоже больше нет. Я так решил. Четыре и пять.

Вот и получилось, что осталась у меня только та самая пивная.

Та самая пивная, до которой я дошел. Я дошел и увидел её – я спросил её:

– Как тебя зовут?

Мое сердце билось со скоростью света.

А она назвала свое имя:

– Румани.

«Что за имя такое?» – подумал я, а вслух ответил:

– Очень красивое.

Так вышло, что сделать это мне стало проще простого. Я уже увидел ее тем утром. Увидел, когда чувствовал себя настолько плохо, что не смог полноценно пережить это потрясение – мое самочувствие сработало амортизатором, смягчило удар.

Наша с ней встреча запустила какой-то механизм внутри меня. Он работал, пока я и не знал. Совершал свои фоновые процессы. Я и подумать не мог, что сделаю это, а потом просто сделал. Понадобилось.

Дело в том, что это, оказывается, совсем не страшно. На нее смотреть. И не страшно, что она меня узнала. Я смог это пережить, а потом захотел еще.

Что-то мне подсказывало, что героин работает так же.

На утро я чувствовал себя странно. И нет, не думайте даже: у этого временного провала не настолько глубокий подтекст, как может показаться.

У нас с ней ничего быть не могло. Это я знал. И даже ей объяснил, почему.

– Я ведь даже не трахаюсь, потому что больше ни на кого не стоит!

Вот так я ныл, пьяный и разнеженный, у неё дома.

– Это огромная потеря для общества, — шурилась она в ответ.

Довольно цинично. Мне нравилось.

– Нет, это маленькая потеря для общества, но огромная — для одного человека! А может, и не одного. Ты хоть представляешь, сколько женщин я бы смог осчастливить?

Это я вспомнил про ту, которая бросила меня с Лаврентием, и говорил чистую правду: пока я помнил, больше ни с кем не мог.

– Осчастливить? Это вряд ли, — откровенно злорадствовала она, но мне было уже все равно: и без того самооценка упала ниже плинтуса. — Это медицинская проблема у тебя, или что?

Как оказалось, человек, перед которым тебе стыдно, имеет над тобой почти неограниченную власть. Я узнал это, когда пришел к ней в пивную. Она как раз закрывалась, и я понял, что моя вина перед ней делает ее необозримо выше меня.

– Да нет, прочить-то я могу, – отмахнулся я.

А она вздохнула.

– Ну слава богу.

Мы с ней много говорили той ночью. Румани оказалась очень интересной девушкой. Она, например, ненавидела жизнь и хотела умереть. Она жила в большой коммуналке с темными коридорами, в которой все комнаты казались нежилыми. Перед некоторыми дверьми стояли сломанные вещи и прочий мусор – видно, их не открывали уже много лет. Одна из дверей вообще опечатана, но я не мог разглядеть надпись в полутьме общего коридора. В густой, желтоватая полутьме старой и грязной квартиры.

В общей кухне стояло большое кресло, в которое села Румани, когда мы пришли. Я сел на пол рядом и положил голову к ней на колени. Пока мы говорили, она не переставала гладить меня по голове.

В том кресле поместилось бы пять Румани, но мне хватало её одной.

В коммуналке повсюду шастали коты. Она говорила, что коты принадлежат её сумасшедшей соседке, пока потоки котов текли по кухонным шкафам и спинке кресла за её головой. Я лежал на потоках котов, коты текли по мне и вокруг.

В коммунальной квартире водилось много таинственных вещей. Я перестал их видеть, когда закрыл глаза.

Я лежал на ее коленях, а она гладила меня по волосам.

И все-таки морг

У всего, что мы делали потом, было всего три мотивации:

Просто.

Тупо.

По приколу.

Когда-то мы составили план и все обстояло очень серьезно. Но вы когда-нибудь пробовали на полном серьезе заходить в морг за человеческим мясом? Естественно, это слишком просто. А еще тупо. Но даже не спорьте с тем, что это прикольно.

От отвалившийся кафельной плитки остались контуры её ячеек, которые выглядели, как пчелиные соты. Я смотрел на них, пока мы ждали.

Обшарпанного вида санитар отворил дверь, воровато озираясь по сторонам. Черные бусины его глаз катались по смуглому лицу из одного края в другой. Он выглядел не сильно старше меня. Без единого слова санитар поманил нас рукой и отошел в сторону, все происходило очень таинственно.

Перед нами темнело жерло коридора, по которому возили трупы, и мы, живые, пошли вперед.

На столах лежали восковые куклы в полный рост. Детализация этих кукол вызывала рвотные позывы. Я прежде и подумать не мог, что такие цвета возможны в человеческом теле. Раскрытые грудные клетки цвели, как клумбы, на зеле-

новатых складках окоченевшей кожи. Внутри каждой грудной клетки чернел кратер с перемешанными потрохами. Такими же, как внутри меня.

Это выглядело, как в музеях, когда под стеклом представляют вскрытия резины. Раньше мне казалось, что там экспонаты нереалистичны. Но единственное, чем они отличались от настоящих, оказалось расположение органов: я узнал, что в установленном порядке их выкладывают только на макетах, а в людях все валяется, как попало. Я до сих пор не могу понять, как врачи отличают один орган от другого в этой каше.

Кругом лежали люди. Мертвые люди. Я не боялся мертвецов, но это вызывало во мне какой-то животный ужас.

– Их уже зашили, но я для вас нитки повыдирал, – по-свойски сказал санитар.

Ярослав его поблагодарил.

Итак, бесхозные тела лежали в холодильнике. А органы из тех, что вскрыли, шли в утиль. Никто не хочет засовывать куски мяса обратно в труп, так что все, что оттуда вытащили, остается на свежем воздухе. Без внутреннего содержимого даже зашивать легче.

Разумеется, далеко не все мясо в моргах свежее. Мы знали, что нам придется идти на хитрости, чтобы отбить вкус и запах. Но поверьте, из того, что лежит на прилавках, наш товар будет далеко не самым непригодным к употреблению даже после всего, что мы с ним сделаем.

Ярослав залихватски хлопнул в ладоши и потер одну о другую, готовый к тяжкому физическому труду.

– Так, кто тут самый свежий?

– Не заметно по виду – принюхайся, – посоветовал санитар.

Санитара звали Сагир. Я все еще не мог поверить, как Ярослав умудрился его найти.

Сперва Ярослав хотел сделать так же, как прокатило в магазине: слиться с трудовой прослойкой населения и сделать дубликат ключей. Вариант отличный – с ним автоматически сокращался расход на взятку санитару – но, как всегда и бывает, когда бесполезный навык Ярослава мог оказать реальную помощь, он внезапно испарился. В первый же день своей слежки Ярослав попался местному сторожу, который исполнил одно из лучших изгнаний нечестивца на своем веку, применив не только авторитет своей формы и весомость слова, но и газету.

После этого Ярослав беспокоился не только о морге. Еще о том, чтоб никогда больше не попадать под удар изгоняющей Ярославов газеты.

К тому моменту, как Ярослава раскрыли, он даже нужную дверь не нашел.

Знакомых санитаров у Лаврентия не нашлось. Как он в принципе умудрялся заводить знакомства – загадка, но его полицейский из убойного отдела действительно оказался полицейским. И даже из убойного отдела.

– Как к вам обращаться? – уважительно спросил я у того при встрече.

– Желательно, никак. До тех пор, пока проблемы не появятся у вас, у меня, или у меня из-за вас. Хотя, тогда вы уже не сможете ни к кому обратиться.

Этот убойный служитель закона казался мне человеком довольно нервным и мнительным. Я не уверен, что знаю его настоящее имя. Он пришел к нам ночью и отказался заходить в дом, чтобы мы не разглядели его лицо. Показал только удостоверение, прикрывая имя пальцем, и никто не смог сверить фотографию с живой головой, поэтому все дружно поверили ему на слово. Вопросов он не задавал, контактов не оставил. Сказал – связь через Лаврентия.

Одним словом, после встречи с настоящим полицейским Ярослав остался доволен, как удав. Только вот самый главный пазл у нас по-прежнему отсутствовал, а именно – доступ в морг. Почему-то Ярослав ждал, что с этим разберусь я. В какой-то момент я устал от его ожиданий и предложил:

– Почему бы нам просто не прийти туда?

– Идея хорошая, только вот нас туда никто не пустит, – вздохнул Ярослав.

– Нет, почему же, – вмешался Лаврентий, – если найдете повод, может, и впустят.

Ярослав заинтересовался.

– Какой, к примеру?

– Ну, можете надеть белые халаты и притвориться прак-

тикантами, – неуверенно ответил Лаврентий.

Ярослав сразу же приуныл.

– Нет, это чревато газетой. К тому же, мы не знаем, как ведут себя практиканты.

И тут меня осенило.

– Звони своему другу-менту! – сказал я Лаврентию.

– Не называй его так! – вскинулся Ярослав, защищая приглянувшегося ему полисмена.

– Да, не называй его моим другом! – согласился Лаврентий. – Он мне не друг, мы с ним познакомились...

Я перебил его.

– Потом расскажешь! Звони и проси для нас полную ментовскую экипировку.

Ярослав вскочил.

– Екарный бабай! И как это мне в голову не пришло...

– А мы с тобой идем фотографироваться! И про удостоверения не забудь, – окликнул я Лаврентия. – Неважно, откуда они и насколько поддельные, нам не в отдел идти!

Уже на следующий день мы показывали криво вклеенные в краденые удостоверения фото своих физиономий. На брови Ярослава, как в жизни, так и на фото, еще не зажила царапина от столкновения с забором. Он получил ее, когда удирал от сторожа.

Патологоанатом оказался интересным кадром. До знакомства с ним я думал, что таких только пациентами в жёлтый дом берут, а не в медицинский. Хотя, не могу сказать, что

его ненормальность бросалась в глаза. Вообще с ним все обстояло как-то странно: он то ли был слишком нормальным для нашей с Ярославом реальности, либо, наоборот, слишком ненормальным для своей.

Он смотрел на наши лица в двойном экземпляре – один физический, другой в удостоверении – очень скептически.

– Кто вас сюда направил? – спросил он с елейной, неестественной улыбкой. Очень участливо, как будто готов посочувствовать нам оттого, что нас к нему направили.

Я хлопал глазами, а Ярослав не потерял самообладания.

– Нам это тоже не нравится, но сами понимаете – такая работа. Чем быстрее разберемся, тем быстрее мы отсюда уйдем, – очень ответственно сказал он, изо всех сил стараясь быть похожим на полицейского.

Мы не знали, как ведут себя полицейские, поэтому на вахте просто попросили привести его – патологоанатома.

– Я все-таки Виссарионовичу позвоню, – медленно проговорил тот самый патологоанатом, теперь смотря скептически только на Ярослава. А потом добавил еще – опять участливо, с елейной улыбкой: – вы, ребята, никуда не уходите, я скоро. Сами понимаете – такая работа.

Как только он ушел, мы запаниковали в открытую. Вокруг не было ни души – только звонок, при нажатии на который из глубин больничного помещения выплывала строгая женщина в возрасте, и – где-то там, откуда звонят Виссарионовичу – тот патологоанатом, от доброжелательной улыбки ко-

того у меня кровь в жилах леденела. К тому же, я не мог вспомнить, моргал ли он хоть раз, пока говорил с нами. Нам бы вряд ли помогла та строгая женщина в возрасте. Она бы скорее помогла патологоанатому, чем нам. Она не в нашем клане. Классовый враг.

А сам морг просто чудесен. Мало того, что вся территория местной больницы завалена черт-знает-чем, а на ее обширной парковой зоне находится куча развалин самого разного возраста – может, дореволюционные или вообще времен какого-нибудь Ивана Грозного – так еще и сам морг прям как из фильма ужасов. Похоже, тот коридор, в котором нас оставили ждать, пристроили позже помещения, в которое мы вошли, потому что для перехода из одного в другое требовалось спуститься на добрый ярус. Я пытался прикинуть, находимся ли мы под землей – так как в коридоре окон не предусмотрели, толком прикинуть я не смог. Но по ощущениям стояли мы тогда уже метра на четыре под грунтом, и под пятками у нас с Ярославом лежала не меньше, чем преисподняя.

Одним словом, в морге жутко до дрожи.

Но мы уже засветили свои лица, поэтому наша попытка обязывала увенчать себя успехом! При этом с каждой минутой становилось все очевиднее, что по возвращении патологоанатома – тучного мужчины с увеличенными из-за стекол очков глазами – нам обоим крышка. Хорошо, если он еще не вызвал настоящих полицейских.

В общем, мы рванули оттуда со всех ног, найдя служебную

дверь.

Так мы и наткнулись на Сагира, который курил за той самой дверью. Ярослав сориентировался быстро – пихнул ему деньги и сказал, что придет ночью на это место, а если ему не откроют – пусть этот чертов санитар надеется на лучшее. После мы продолжили свой бег.

Какие уж там гарантии. Мы вообще впервые в жизни видели парня, который курил за служебной дверью.

В какой-то момент Ярослав схватил меня за плечо и дернул назад. Оглядевшись по сторонам на полном ходу, я понял, в чем дело: мы бежали прямо на сторожа. Пришлось развернуться и снова бежать мимо морга. Где-то позади запахнулось окно – мы слышали голос патологоанатома:

– Товарищи офицеры!

И тут Ярослав засмеялся. Не знаю, как у него хватало дышалки смеяться на полном ходу.

Так или иначе, мы продолжали бежать.

Когда мы добежали до Лавра, он принялся нас расспрашивать. Плевать было Лавру, что оба мы были мокрые, как ондатры, и валимся с ног.

Наверняка два человека в форме, бегущие через весь город, привлекли немало внимания. В любом случае, нас это не волновало: хотелось только поскорее скинуть опостылевшие тряпки и вздохнуть полной грудью. А потом осознать, что мы смогли это сделать.

После оставалось только ждать назначенного времени и

уповать на добросовестность санитара, которого мы видели впервые в жизни.

А это очень непростая задача.

Да, мы не знали, получилось ли у нас, мы не знали, что именно мы сделали. Хотелось верить, что мы сделали все, что могли. По крайней мере, ничего больше мы не сумели.

Когда мы закончили делиться впечатлениями с Лаврентием и отдышались после нашей безумной пробежки, наступило самое страшное время, время ожидания.

Ярослав несколько раз вслух пожалел, что мы не назвали время пораньше, настолько ему надоело кусать локти в ожидании. Я знал, что раньше приходить нам нельзя, хотя устал ждать не меньше. После двух часов ночи по всему городу наступает самый безлюдный час. Когда мы вернулись к Лаврентию, на часах было всего-навсего пятнадцать сорок. И дальше нам оставалось только долго и упорно ждать. Ярослав с этим справляться не умел: что было для него тяжелее всего, так это ждать. Ждать чего угодно, будь то рассвет или зарплата. Само чувство томления было противоестественно этому организму – я заметил, пока мы с ним жили вместе. Обычно Ярослав старался ничего никогда не ждать, а тут ждать пришлось. И с этим он не справлялся.

Ярослав бегал из угла в угол. Метался, как загнанный зверь. Мы с Лаврентием сидели на кухне, как в старые добрые времена: Лаврентий – у открытого окна, высунув руку с зажжённой сигаретой наружу и периодически прижимая ее

ко рту. За маленьким кухонным столом не хватало места для троих человек, и нам с Лаврентием там было хорошо. А Ярослав и не рвался к нам присоединиться – он вообще на месте усидеть никак не мог, так переживал. Я его в каком-то смысле понимал. Конечно, я тоже нервничал. В морге случилось что-то непонятное, я не горел желанием об этом вспоминать. Но все случилось будто бы именно так, как нужно. Как будто по велению судьбы.

И именно это меня напрягало. Неужели судьба вела нас к чему-то такой извилистой тропой? Я боялся представить, что ждало меня в конце, раз уж путь такой стремный.

Я сидел напротив Лаврентия и пил пиво. Лаврентий дышал на меня никотиновым дымом. Ярослав метался по квартире и медленно сходил с ума.

В половине второго ночи мы вышли из дома, заложив полчаса на дорогу, с запасом на всякий пожарный. Естественно, за время ожидания сошли с ума мы оба, не только Ярослав. Лаврентий сохранил рассудок, но он с нами идти не собирался. Шли только два окончательно сумасшедших парня, двигатели предприятия.

Эти двигатели были уверены, что стоит им выйти из подъезда, как больничный сторож огреет их веником из газет. Но как-то обошлось.

И вот удивительная штука: пока мы шли, сумасшествие сошло на нет. Почему-то вид спокойной улицы и отсутствие наказания за выход из подъезда нас успокоили. Как буд-

то нам больше ничего не угрожало. Хотя риск по-прежнему присутствовал, от него мы чувствовали исключительную безнаказанность и свободу.

Так что к территории больницы мы подошли уверенно. Казалось бы, мы учли все – это действительно казалось так, пока мы не обнаружили, что ворота на территорию больницы заперты.

Так мы вернулись к своему изначальному состоянию. То есть, к сумасшествию.

Ярослав висел на железной решетке, об которую еще недавно раскроил себе бровь, как обезьяна в зоопарке. Мы не были уверены в том, что пришли не зря, не знали, что нас ждет за воротами, а минутная стрелка уже приближалась к назначенному часу, так что положение становилось все более паршивым. Нас как будто подвесили над землей вниз головами. За причинные места.

Конечно, мысль о том, чтобы повернуть обратно, не раз всплывала в нашем разговоре. В целом диалог походил на выяснение отношений двумя лемурами, потому что даже пары осознанных слов выцепить из него я сейчас не могу. Мы паниковали.

Денег у нас осталось не очень много, поэтому разбрасываться взятками – не вариант. Те деньги для Сагира – уже непозволительная роскошь, финансово мы не укладывались в график. К тому же, ни Ярослав, ни я не удосужились узнать, как связаться с нашим новым товарищем. Никаких стоящих

предлогов для того, чтобы официально пробраться на территорию, у нас не нашлось. Даже умирающего дедушки.

Я посмотрел на ворота. Они представляли собой литые столбы с натянутым между полотном плетенкой арматуры. Между арматурой и землей оставался зазор, но туда бы пролезла разве что кошка, да и то на пузе.

Отследив мой взгляд, Ярослав тоже уставился на этот зазор и о чем-то задумался. Я ему не мешал. Сам я уже приготовился идти домой – но, разумеется, мог подождать, пока Ярослав тоже смирится с нашим поражением. Я мог дать ему время. Мне даже было его немного жаль. Немного, потому что я знал, что он не станет опускать руки и скоро предпримет новую попытку реализовать свой замысел. А может, придумает другой план. Таков уж он – настоящая копилка идей, не умеет сидеть без дела. Это мне всегда нравилось, потому что я не такой. Он, вроде как, моя противоположность – я минус, он плюс.

Вдруг Ярослав, трудолюбие которого я про себя нахваливал, бросился на колени под забор, и я от него отшатнулся. Он сделал это так резко, как будто кто-то его туда притянул. Как будто к нему привязали невидимый трос, другой конец которого крепился к гоночному болиду, и машина дала по газам сразу на сто километров в час с нуля. Ярослав упал под забор и начал рыть землю руками, как пес, отбрасывая комья земли в стороны. Мне пришлось отойти еще дальше, чтобы не испачкаться.

По началу от шока я не мог вымолвить ни слова, просто смотрел. Но опомнившись я зашипел:

– Ты идиот?

Ярослав остановился, тяжело дыша. Затем повернулся ко мне и совершенно серьезно ответил:

– Да.

В общем, на ту сторону мы перелезли. Я перелез чуть почище, чем Ярослав. Ярослав превратился в мертвеца, который самостоятельно откопался из могилы и пришел жаловаться руководству морга на неподобающее обращение с клиентами этого заведения.

И вот мы под дверью, на пороге неизвестности. Возможно, патологоанатом и загадочный, авторитетный Виссарионович, которому он хотел позвонить, устроили нам засаду. А может, нам просто никто не откроет – это еще не самый худший вариант. Ярослав рыл долго, время давно просрочено. Но мы надеялись, что у нашего санитара полная ночная смена.

Почему-то он не удивился нашему виду, когда открыл дверь, а я наконец смог разглядеть его лицо. Лицо было круглым и блестяло даже в полумраке.

Мы оба выдохнули с облегчением.

От выдоха Ярослав закашлялся. Наверно, подавился землей.

Мы втроем стояли в холодильнике морга, молча. И каждый, по-видимому, считал, что от него больше ничего не тре-

буется.

Наконец Ярослав спросил у санитаря:

– Ты хочешь, чтобы мы сами оттуда то, что надо, вытаскивали?

– А вы хотите, чтобы я это сделал?

Ярослав посмотрел на меня. На моем лице, я уверен, нашлись все оттенки ужаса и отвращения.

– Да это ж просто бесхозное мясо, которое закопают в землю! – улыбнулся мне Ярослав, надеясь успокоить меня и склонить к разделке того мяса, о котором говорил. Особенной интонации его заявлению прибавило то, что сам он едва выкопался.

– Твою мать! – запищал я в ответ.

– Я уже подумываю познакомить тебя со своей мамой, – проворчал Ярослав.

– Фотографию сначала покажи.

Как минимум пропажу органов, идущих на выброс, точно никто заметить не мог. Конечно, поставки не тоннами, но это мясо достанется нам почти бесплатно – чем не золотая жила для бизнеса?

Конечно, все обстояло очень заманчиво, но меня бросало в дрожь от одного взгляда на эти штуки, хоть я изо всех сил пытался уговорить себя к ним прикоснуться.

Я судорожно замотал головой.

Ярослав вздохнул и посмотрел на санитаря.

– Давай я еще две штуки накину, а ты мне поможешь?

Он с ухмылкой замотал головой.

Если честно, смотреть на то, как Ярослав самостоятельно исполняет свою мечту, было приятно.

Мы с санитаром стояли в сторонке и я его слушал. Оказалось, Сагир живёт в сказке, где народ хороший, а все, кто им правят – плохие. И если всех плохих перевешать, то все хорошие наконец добьются справедливости, будут радоваться жизни и жизнь у них станет хорошая.

– Эти ублюдки из нас все соки сосут, а мы терпим, – говорил он.

Тогда я понял, что в политическом смысле я атеист. Мне казалось, что соков в нас попросту нет.

Разговор прервало появление девочки лет пятнадцати. Покрасневший Ярослав с растрепанными волосами как раз уронил чью-то печень и пытался поднять её, а печень все выскользывала из его рук – и в этот момент дверь в помещение открылась. Ярослав, наконец-то схватив егозливый орган, от испуга снова выронил его.

Девочка, не обращая на Ярослава никакого внимания, подошла к санитару. Сагир на нее с подозрением сощурился:

– Чего тебе?

– Сотку дай.

– На что? Сигареты?

– Сейчас сигареты за сотку не купишь.

Сагир полез в карман, а девочка посмотрела на меня. Я напрягся. Она улыбнулась.

Сагир уже протянул ей деньги, а она все смотрела на меня. Потом я отвернулся и уже не знал, сколько еще она на меня пялилась. Повернулся только когда за ней закрылась дверь.

– Как она вообще сюда прошла? – спросил я у Сагира.

– У неё ключи есть, – неодобрительно покачал головой санитар. – Кадира это, сестра моя.

– Вы похожи, – ответил я, осознав, что они действительно похожи.

– А тебя как звать? – вдруг встрял Ярослав.

Сагир ему кивнул.

– Сагир.

– Яра, – представился довольный Ярослав, и протянул пятерню для рукопожатия. Так и не понял, почему Сагир не стал жать ему руку.

Домой мы шли под утро, почти как тогда, с вокзала. Ярослав шел в земле, крови и дерьме из холодных кишок трупов. И опять, почти как в первый раз, еле переставлял ноги. Он еще и порвал чей-то желчный пузырь, содержимое которого вылилось и на него, и на мясо, которое мы волокли к Лаврентию. Я успел ополоснуться в душе для персонала, куда меня любезно проводил Сагир, и был не настолько грязным. К тому же, кровь, дерьмо и желчь на меня даже не попали.

Лаврентий еще спал, пока мы сидели на кухне с несколькими пакетами мяса.

– Как мы все это приготовим? – спросил я.

– Перемелем все в фарш – и готово! – отмахнулся Яро-

слав. Он все еще не помылся и вонял, как яма с жертвами групповой казни.

Настроение у меня паршивило, поэтому я съязвил:

– Не знаю, чем наши пирожки будут отличаться от того, что уже продают.

Ярослав вздохнул и снисходительно посмотрел на меня.

– У нас будет бренд.

Сказать по правде, никаким брендом от нас еще и не пахло. Пахла только всякая напечатанная дрянь, которую при-тащил Лаврентий. В той куче зловонной бумаги располагалось что угодно – рекламные вывески, календари, наклейки для готовой продукции, листовки. Даже визитки. Наверное, для того, чтобы оставлять их потенциальным партнерам.

В общем, размах печатной продукции оказался таков, что я сомневался, сможем ли мы удовлетворить предположительный интерес толпы к нашим плюшкам. Мяса мы взяли немного.

Когда я поделился этим с Ярославом, он снова вздохнул и снисходительно посмотрел на меня.

– Нам не нужно ничего удовлетворять. Пока что. Нам просто нужно создать бренд и раздуть интерес к нему! Если мы просто придем куда-то и попросим купить у нас партию этих пирожков, никто на нас и не посмотрит. Но если мы придем от лица компании, рекламу которой хозяин лавки видит на каждом углу уже с неделю, у нас может состояться разговор.

Я понял, о чем он говорит.

– Хорошо, значит, пока мы только расклеиваем рекламки. А зачем нам тогда мясо? Я точно не буду его есть!

– Только попробуй съесть хоть кусочек этого мяса! Нет, это на дегустацию. Но дегустатором будешь не ты.

Я снова понял, о чем он говорит, и мы начали крутить фарш. Я вспомнил, как однажды, еще вначале совместной жизни, мы с Лаврентием купили килограмм фарша на последние деньги. Решили, что это лучший вариант – его много и он сытный, а есть можно и с хлебом. На хлеб мелочь всегда найдется. Мы готовили этот фарш, хотя раньше не готовили ничего и ни разу, готовили разом весь килограмм – кинули на сковороду, посолили и накрыли крышкой. На всякий случай продержали на плите час, чтобы он приготовился наверняка.

А когда пришла пора дегустировать, оказалось, что Лаврентий бросил туда половину пачки соли.

Одну чайную ложку этого фарша приходилось запивать целым чайником воды и заедать целым батоном хлеба. От него слезы на глаза наворачивались. Смертельная доза соли – двести пятьдесят грамм, и мы потребляли ее регулярно. Есть нам было нечего, и мы ели то, что есть. Варили самые разные каши и как-то пытались наколдовать даже суп без мяса, который получился на вкус таким отвратительным, что этот фарш после него казался не таким ужасным. Мы изощрялись, как могли, давились, но ели этот фарш, и только он помог нам прожить всю последовавшую за его пригото-

нием неделю.

Потому что фарш стал самой большой бедой нашей жизни. Все остальное померкло перед этим монстром.

Потом, когда у нас все-таки появились деньги, мы ходили и искали еду, которая не вызывала призраков темного прошлого в ротовых полостях. То есть чего-то пресного и нейтрального. Мы приходили и спрашивали:

– У вас шаурма солёная?

– Солёная, как же!

– Ну тогда нам ее не надо!

Никогда ещё обилие вкусов не бывало таким драматичным.

А когда мы поняли, что есть хоть что-то нам все-таки придется, оказалось, что вкусов мы попросту больше не чувствуем. Мы думали, что это навсегда и языки наши останутся импотентами по гроб жизни, но буквально через пару дня все признаки пережитого исчезли. Только в нашей с Лаврентием памяти остались воспоминания о нем.

Мы с Ярославом крутили в мясорубке легкие, печени, срезанные куски мышц, желудки, почки, и я не мог думать об этом, как о простом мясе. Не могу сказать, что оно выглядело как-то особенно, но с каждым оборотом ручки мясорубки мне становилось все дурнее и дурнее, а Ярослав делал это воодушевленно. Я спросил у него:

– Ты думаешь, никто не заметит странного привкуса?

Ярослав без промедления ответил:

– У большинства людей нет вкуса – только фетиши.

– Не знаю, как это относится к жратве.

– Ты знаешь, какова на вкус человечина?

– Нет.

– Хочешь попробовать?

Ярослав заржал и зачерпнул рукой из таза с фаршем, протягивая кровавое месиво мне. Я непроизвольно дернулся и чуть не упал со стула.

– Убери это от меня!

– Вот и обычные люди не знают. Это будет нашим секретным ингредиентом.

Потом проснулся Лаврентий и я посадил его, еще сонного, на свое место. Он не сопротивлялся, а Ярослав только обрадовался смене напарника.

Я ушел на балкон и долго смотрел на просыпающийся город передо мной. Хотелось пива, но весь запас в холодильнике я уже выдул. Я не мог даже встать. Что уж там говорить о том, чтобы выйти из дома и идти за добавкой.

Не знаю, сколько я просидел так, не шевелясь. Я не спал и не бодрствовал, просто отходил от всего произошедшего. Солнце двигалось по небу, и когда оно начало светить мне в глаза, я все-таки встал и зашел в квартиру.

Пахло свежей выпечкой.

Когда я пришел на кухню, на плите стояло блюдо. Не знаю, где пропадали Ярослав и Лаврентий, но я осторожно взял один пирожок, пытаясь осознать, что он из себя представля-

ет. Обычный, румяно-золотистый, с кривоватой косичкой на хребте.

Я смотрел на пирожок. В нем было зло.

Драма

– Пошёл нахер! И ты иди нахер!

– Я иди нахер? – возмутился Ярослав. – Вот так благодарность!

Я не знал, за что должен благодарить Ярослава.

Лаврентий молча смотрел на меня, хлопая глазами. Без страха или смущения, с любопытством. Так смотрят на зверушек. Например, на собак, когда они якобы улыбаются, а на самом деле это признак того, что животное устало и напугано. Человек думает, что собака улыбается, а собаки ведь обычно не улыбаются, поэтому такие вещи всегда вызывают восторг у публики. Отчаянный зов о помощи вызывает аплодисменты. Боль становится развлекательным шоу.

По этой причине я никогда не понимал балет: все знают, что балерины испытывают боль, когда танцуют, и это делает каждое па особенно ценным. В сути своей публика приходит посмотреть, как страдают представители ее же вида – это ли не ужасно? Даже животное в цирке испытывает больше сочувствия к своим собратьям.

На деле все люди стали каннибалами уже давно. Наши пирожки ничего не меняют.

Я стоял и смотрел на Ярослава с Лаврентием. Никто из них не понимал, в чем моя проблема, а я готов был заплакать или подраться с ними. Но вместо этого я решил послать их.

Хоть плакать хотелось по-прежнему.

Моя проблема заключалась в том, что они выкинули меня из лодки. Меня, на имя которого зарегистрировано предприятие. Меня, который присутствовал при вырезке нашего первого мяса.

Меня, которому Ярослав когда-то сказал, что я ему нужен. Потому что я его друг.

Два дня они почти не появлялись дома. И вот я узнаю, что все это время они расклеивали листовки! Реализовывали наш план по внедрению бренда в массы! Даже договорились о проведении акций с бесплатными календарями в продуктовых магазинах.

И никто не сказал мне ни слова.

Только когда я заметил, что пирожков на кухне почти не осталось, я задал Ярославу вопрос. Он все мне рассказал. А потом я спросил у него еще – почему они не взяли меня с собой, на что получил ответ:

– Я решил, что с тебя хватит пока. После того, как ты пять часов на балконе просидел. Тебе бы отдохнуть, нервы пожалеть...

– Это ты, типа, такой заботливый? – истерично взвизгнул я. – Думаешь, можешь за меня решать, когда мне хватит?

Ярослав отшатнулся и посмотрел на меня с холодным любопытством. Истерики не находили отклика в его душе.

– Да ничего я не думаю! Разве от этого кому-то хуже?

– Конечно, хуже! Мне!

И тогда откуда-то из-за Ярослава вынырнул Лаврентий.

– Мы все равно не делали ничего интересного, – попытался он утешить меня. – Это рутинная работа, мы от нее тебя избавили.

Я в гневе вылупился на Лаврентия и он незамедлительно юркнул обратно за Ярослава.

– Пошёл нахер! – выплюнул я в лицо Ярослава, а потом добавил за его плечо: – И ты иди нахер!

И я пошел в пивной ларек, где работала моя мать Тереза. Набрал в грудь побольше отчаяния и понес ей в дар, стараясь не расплескать ни капли.

Лаврентий и Ярослав стали лучшими друзьями.

Не могу сказать, что меня это огорчило: я был в ярости. На момент нашего с Ярославом пришествия я полюбил Лаврентия, как родного брата – просто за то, что мы с ним не виделись третий месяц.

Любая моя любовь – это любовь на расстоянии. Социальном. Так уж вышло, что испытывать положительные чувства я, похоже, могу только к воспоминаниям о людях, а не к людям напрямую. Так с Лаврентием и вышло: стоило мне покинуть нашу с ним квартиру, как я начал натурально по нему скучать и, разумеется, держать это в тайне, чтобы не скомпрометировать нашу с ним суровую и даже вынужденную дружбу. Мне казалось, что продолжать общаться с ним просто так, а не из соседской обязанности – глупое ребячество, да и не были мы с ним настолько близки, когда жили вместе.

Кто ж знал, что, когда мы перестанем общаться, окажется, что он мой лучший друг!

Родители научили меня одному важному правилу: если два человека принимают решение жить вместе, как минимум один из них будет несчастен. А может – если повезёт – и оба сразу.

Пока я убеждался в том, что Лаврентию не слишком-то нравится находиться в моей скудноумной компании, Ярослав не озаботился убеждениями в желаниях своего Лавруши и просто начал с ним дружить. Это обидно. Хорошо, я так ни разу и никому не рассказал, что чувствую на самом деле.

Конечно, моя симпатия к Лаврентию резко упала. Ну почему он не мог сохранить верность нашему славному соседству!

В то же время стоит отдать им должное: Лаврентий и Ярослав были буквально созданы друг для друга в дружеском плане. Я даже немного возгордился тем, что притянул к себе сразу двух таких умных и интересных друзей! Невольно вспомнил старую присказку: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Наверно, все мы втроем где-то на одном уровне, раз уж проводили время вместе.

Ну, или для них я исполнял роль придурковатого друга, на фоне которого они выглядели гениями. А может, я был для них кем-то вроде домашнего животного...

Да, я никогда не смогу принимать людей целиком и пол-

ностью. Но, по крайней мере, я принимаю самого себя.

Когда я пришел в ларек, Румани там не стояла. Другая женщина за прилавком, которая, как мне казалось, не имеет права порочить своим присутствием то место, где когда-то стояла она, сообщила, что у Румани выходной.

Но я знал, где она живет.

Так что я пошел к ней домой. Потому что она осталась моим последним другом.

На ее плечах лежала шаль, коты спали. Она снова отвела меня на кухню и села в кресло, а я положил голову ей на колени и стал рассказывать. Я рассказал о том, как мы познакомились с Лаврентием, потому что о моей любви она уже знала и Лаврентий оставался недостающим фрагментом в общей картине моей жизни. Рассказал про нашу школьную жизнь с Ярославом, рассказал, что мы все втроем теперь живем вместе. Только, конечно, не рассказал, почему Ярослав теперь живет с нами и что за дело нас объединяет. Я все-таки не настолько романтичный идиот, чтобы вот так сходу всю подноготную девушке выкладывать.

Но я достаточно романтичный идиот, чтобы терять контроль, когда меня слушают. Когда меня слушают, я начинаю нести бред.

– Они меня предали, понимаешь? – начал я нести бред. – Предали и оставили в одиночестве, как деда, который не нужен внукам. И теперь я плачусь тебе, как дед, который не нужен своим внукам. Я для них отработанный материал.

Я перестал говорить, чтобы трагически вздохнуть. Воспользовавшись этим, заговорила уже Румани:

– Тебе не хватало Ярослава, поэтому ты нашёл лавра. Лавр – он как Ярослав, но удобнее. А теперь они сошлись, как две частицы одного целого. Ты дружил с одним и тем же человеком на протяжении всей своей жизни.

Характерами они и вправду походили друг на друга, как братья, хоть на первый взгляд отличались, как небо и земля. Нет, на самом деле они различались только тем, что Ярослав – болтливый деятель, а Лаврентий – тихий созерцатель.

– Я верил, что противоположности притягиваются. Почему им нравится тусоваться вместе? Я бы не смог прожить с копией себя, я бы его убил.

– Это потому, что как человек ты говно, – объяснила она. Это я, в общем-то, уже знал.

Я усмехнулся.

– Ты ведь, наверное, в итоге назовёшь меня латентным геем.

– Но ты и есть латентный гей.

– А они?

– А они мне не жаловались, ничего сказать не могу.

Ходить к ней потихоньку становилось моей привычкой. В первый раз я рыдал навзрыд, положив голову к ней на колени. Во второй – рассуждал вслух обо всем на свете, исключая всего одну вещь.

– Ярослав командует Лавром, как хочет. Я бы ни за что не

стал такое терпеть! Лавр вообще слишком многое прощает, никакого чувства собственного достоинства.

– А у тебя оно есть?

Я фыркнул.

– Конечно! И гордость есть. Никогда не прощаю тех, кто поступает со мной не соответствующе.

– И много у тебя близких?

Я задумался.

– Их не должно быть много. Друзья у меня есть.

– Да, но ты можешь назвать их близкими?

– Я их по-разному могу назвать, – хмыкнул я.

– Ага. Вот поэтому ты им и не нужен.

Это было больно. Ай.

Конечно, я им не нужен. Это очевидно. Но зачем об этом говорить вслух?

– Можно подумать, у тебя много друзей, которые в тебе нуждаются, – злобно выпалил я и тут же пожалел об этом.

До сих пор не знаю, почему она тогда не выставила меня за дверь. Вместо этого она легко усмехнулась, недолго подумала и сказала:

– Я верю, что где-то есть место, где меня не хватает. Именно меня, понимаешь?

Она ждала ответа, а я не мог ей ничего ответить. Я точно не верил, что меня где-то ждут. Поэтому я молчал.

Мне действительно никогда не хотелось найти свое место в жизни. Хотелось, чтобы место для меня появилось само

собой, но свое – необязательно. Я общался только с теми, кто общался со мной, делал что-то только тогда, когда это необходимо. Я не знал, зачем жить иначе. А она, похоже, наоборот – не знала, зачем жить так, как я.

– Ты открыла мне глаза на мое убожество, – поблагодарил я Румани.

– Вряд ли ты увидел все свое убожество целиком.

Я надеялся, что это не так.

– А может, это ты преувеличиваешь?

– Если бы, – сочувственно сказала она.

– Какой есть, такой есть, – философски отбился я.

Румани ненадолго затихла, а потом чуть печально сказала:

– Вот бы нам не нужно было выбирать между тем, что хочется делать, и тем, что приходится.

– В смысле?

– В смысле, я не мечтала работать в пивном ларьке.

– А о чем ты мечтала?

Румани нахмурилась. Повисло молчание. Молчание, но не тишина – в ее доме слышимость отменная, так что, когда никто не говорит в одной квартире, из нее становится слышно, кто говорит в другой. И вот я слышал, как где-то за стеной мужской бас со знанием дела что-то втолковывает, должно быть, своим домашним, пока его внимательно слушают и не перебивают. Каждое слово, сказанное этим мужским басом, вес имело приличный. Килограмма два.

– Я... не помню, – удивлённо ответила Румани.

– Из тебя бы вышел хороший психолог, – попытался подбодрить я.

Она скривилась.

– Фу, нет. Каждый день заниматься тем же, чем я занимаюсь с тобой? Да помереть лучше!

Я засмеялся и прикрыл глаза. Потом открыл и начал рассматривать комнату, потому что говорить больше ни о чем не хотелось. Старые буроватые обои, отклеивающиеся коркой под потолком, трубы вроде тех, которую пробил Лаврентий...

Вдруг мой взгляд остекленел.

Я привстал и спросил:

– А это еще что такое?

Я смотрел на календарик. Календарик висел на стене, на нем были наши пирожки. Конечно, не совсем наши – просто пирожки, наши выглядели не настолько фотогенично. Но я видел этот календарик в ворохе печатной продукции.

– В магазине дали, у них акция какая-то, – ответила Румани, не понимая, почему я так всполошился.

Наконец я ощутил действие маркетинга на своей шкуре.

– Пообещай, что никогда не будешь покупать эти пирожки, – строго сказал я, посмотрев ей в глаза.

– Почему?

Я глубоко вдохнул, чувствуя, как со всех сторон на меня летит огромная пропасть, полне Ничто, отсутствие смысла, и с чувством ответил:

– Они невкусные.

***

Проснувшись на полу у кресла, я обнаружил, что накрыт её шалью. Улыбнулся. Сразу понял, что дома никого нет: слышал, как тикают часы у соседей.

Через старые узорчатые занавески светило солнце, отбрасывая кружевные тени на все вокруг. В лучах летали пылинки. На улице китами гудели автобусы.

На плите я увидел сковороду с трогательной половиной остывшей яичницы. Пока я ел, об мои ноги терлись коты, и все мои штаны покрылись их шерстью.

Я впервые увидел вид за окном при свете солнца.

Вид был хороший. Осталось решить, что делать дальше со своей жизнью.

К Лаврентию я бы не пошел и под дулом пистолета. Кроме него вариант оставался всего один.

Если Румани нет дома, значит, она на работе – по обратной логике я нашел ее прошлым вечером.

Коты не хотели меня отпускать или прогоняли – кто их, мохнатых, разберет. Проводили до самой двери. Пришлось поставить ногу в проем, чтобы ни один зверь не ушел за пределы квартиры.

Почему-то я чувствовал себя очень счастливым, когда шел по улице. Даже не вспоминал про Ярослава и Лаврентия. И про родителей не вспоминал. И про Раду. Совсем-совсем.

Проспект бурлил жизнью, народ просыпался и валил на

работу. Я подумал, что сейчас, должно быть, целые толпы валят к Румани за сигаретами и решил немного подождать, чтобы не отвлекать ее от работы. Свернул во двор, нашел лавку у подъезда и сел. Пожалел о том, что не курю, потому что сигарета была бы очень кстати.

Вдруг прямо под своими ногами я заметил листовку.

На ней крупными буквами было написано:

«Здоровью живота поможет наша вкуснота!».

Это было так тупо, что я сразу же узнал почерк Лаврентия. Почему-то за хрень которую сморозили они, стало стыдно мне. Зачем позориться и выставлять на всеобщее обозрение такой бред?

Но в какой-то момент отрицательное «я бы в это не поверил» перешло в уверенное «они в это поверят». Я вспомнил вывески, которые видел на улицах с самого раннего детства – они еще глупее, чем эти листовки. Ярослав и Лаврентий подстроились под аудиторию, в этом нет их вины.

Они. Не мы.

Я решил больше не сидеть на этой лавке. Перед тем, как уйти, бросил листовку в помойное ведро.

На проспекте жизнь все еще бурлила, но у меня не получалось смешаться с толпой и поймать ее ритм: я все время уходил в свои мысли. Из них меня выдернул промоутер, подпихнувший мне под нос такую же листовку, как та, что я только что выбросил.

Я злобно отпихнул промоутера, но уже через пару метров

меня ждал переносной столик, на котором стояла пластиковая тарелочка с кусочками пирожков. В каждый из них была воткнута шпажка.

Дегустация.

Я скривился и вспомнил о том, как Ярослав пролил содержимое желчного пузыря на мясо. Дальше шел пошатываясь.

Только она могла спасти меня, только рядом с ней я почувствую себя лучше – и она уже совсем близко, я уже представил ее глаза и волосы, ее улыбку, думал – что она мне скажет, когда я войду? Поздоровается? Удивится, не ждала? Спросит, как я спал или понравилась ли мне ее яичница?

Понравилась. И спал я хорошо.

Когда я пришел, в ларьке у Румани почти никого не было. Только Ярослав.

Я встал, как вкопанный, когда увидел его. А он чем-то рассмешил Румани – у нее все еще лучились морщинки вокруг глаз. Она увидела меня и вместо приветствия выдала:

– Никуда от него не спрячешься. – С обиженной миной, как будто я ее преследую.

– Ну привет, – сказал Ярослав.

Я никому ничего не ответил, но прошел и встал у стены. Тогда я разглядел на прилавке такую же пластиковую тарелочку, как я видел на улице. На тарелочке лежали такие же пирожки с такими же шпажками.

– Они, вообще-то, вкусные, – задорно сказала она. – Зачем ты мне врал?

Ярослав удивленно взглянул на меня.

– Что он тебе говорил?

– Просил пообещать, что я их есть не буду, – ответила Румани.

Ярослав рассмеялся.

– Он просто жадничает. Слишком чувствительный.

– А я думала, что он закомплексованный, – протянула Румани с видом врача, оспаривающего диагноз коллеги.

– Разницы, по сути, никакой, – примирительно согласился Ярослав.

А я стоял рядом и выслушивал все это. Я не мог посмотреть ей в глаза, а Ярослав просто вызывал у меня отвращение. Я чувствовал себя ребенком, над которым смеются родители.

– У тебя такое лицо, как будто ты на гвоздь присел, – сообщил он.

– И правда! – Румани рассмеялась.

Так я потерял своего последнего друга.

Я плохой человек

Быть плохим человеком – это каждый день делать выбор. Выбирать не из сложных путей и простых, нет, тут все гораздо сложнее. Мораль выходит за рамки усилий.

Однако, если ты станешь плохим, люди скажут, что ты выбрал легкий путь. Кому-то легче жить по принципу из детских книжек, в которых добро всегда побеждает зло. То есть, добро – оно действует, побеждает. А зло – оно просто есть и от него ничего не требуется. Значит, на стороне добра быть сложнее.

Для того, чтобы сделать что-то плохое, нужно переступить этот порог. А у кого этот порог напрочь отсутствует, тот книжек в детстве не читал. Или читал, но другие. А иначе быть не может.

Что за стремление мерить всех людей по какому-то универсальному лекалу! Есть определённно плохие условия и определённно хорошие, есть единая для всех мораль, единые возможности и желания, а все, что в это лекало не вписывается – ложь и отговорки плохих по сути людей.

По-настоящему плохих людей мало.

Я всегда считал себя плохим человеком. И я знаю, что многие со мной согласятся. Но иногда судьба прикладывает определенные усилия для того, чтобы разубедить нас.

Когда со мной соседствовали только алкоголики со ста-

жем и начинающие наркоманы, а один из этажей в доме целиком принадлежал армянам, я чувствовал себя спокойно. То ли свободнее, чем сейчас, то ли просто на своем месте. Как бы в зоне комфорта.

Я жил в самом настоящем девятиэтажном притоне, в маленькой комнатке со своим туалетом и ванной, но без микроволновки. Зато с балконом.

В том доме всегда кто-то орал, у кого-то подтекала крыша, кого-то убивали. Постоянно, изо дня в день. К кому приезжала полиция, к кому – скорая. На лестничной площадке всегда курили, выясняли отношения или совокуплялись. На ступеньках кто-то спал. Где-то выламывали двери, плакали женщины, играли дети. А армяне жили по своим правилам и им на всех было наплевать.

К армянам под утро всегда приезжала девятка. Вставала как раз на то место около дома, куда вся девятиэтажка сваливала мусор.

Каждую неделю за мусором приезжал мусоровоз, хоть контейнера на том месте не стояло, просто народ избрал себе место для свалки. Она была неофициальной, но мусорщикам пришлось подстроиться под нравы жителей: если бы они встали в позу и не забирали мусор, он бы просто оставался на месте. Множился и гнил. В средние века, вроде бы, именно так началась эпидемия чумы, а такого больше никто не хочет, поэтому мусор все-таки увозили.

До того места мусор доносили либо на своих двоих, либо

скидывали прямо из окон – как кому удобно. Да, пакеты с мусором просто кидали из окон, и эти пакеты летели вниз со страшной скоростью. Иногда они лопались и содержимое рассыпалось по всей округе.

Но справедливости ради, для парковки то место подходило больше, чем для мусора – кореша армян это оценили и вони, очевидно, не боялись. И однажды, как этого и следовало ожидать, из окна на девятом этаже на их девятку все-таки упал пакет с мусором.

Занималось воскресное утро, только птички пели да солнышко вставало. Эту прекрасную картину вдруг омрачил громкий ПЛЮХ: полный пакет упал на лобовое стекло машины. А мусор в нем лежал какой-то нехороший, и из пакета тек сок. Наверно, поэтому люди и решили не тащить этот злосчастный пакет через весь подъезд, а выбросить через окно, чтобы не портить никому жизнь. Как трогательно. А еще там лежало что-то тяжелое, и именно оно устремилось вниз, таща за собой весь остальной пакет. Стало своего рода пробивным снарядом для лобового стекла той девятки.

Пакет врезался в машину так, как деталь лего входит в паз – вписался идеально, и с него в салон потек вонючий сок. Смесь гноя протухшего мяса, чего-то молочного, чая, стекшего из использованных пакетиков, тухлых яиц – в общем, все, что обычно бывает в мусорных пакетах, смешалось и выдало этот коктейль. Ядреная смесь капала прямо в салон, на край переднего сидения. Миллиметр в сторону – и капало

бы на поддон, как будто б вмешалось божье провидение. Но на деле божье провидение не вмешалось, и эта адская смесь пропитывала тканевую обивку кресла, заполняя весь салон тошнотворным запахом. Окна в машине были закрыты, запах герметично законсервировался, потому что дыру пакет закупорил, словно пробка – ударил точно и быстро, вошел в стекло вплотную и без зазоров.

Когда хозяева машины увидели ту пробку, они очень сильно расстроились.

А потом они открыли дверь.

Надо сказать, что пришли они не сразу после столкновения. Пару часов машина грелась под солнцем, и пакет успел отдать ее салону всего себя.

Хоть все произошло без свидетелей, информация о том, чей мешок, всплыла мгновенно; а там уж понеслось. Но хозяева машины плохо ориентировались в той части дома, что располагалась выше пятого этажа, который как раз и принадлежал армянам. Номеров на наших квартирах, разумеется, не водилось, потому что в притонах никто обычно не хочет, чтобы его квартиру быстро нашли. В моей двери не было и глазка.

Я бы и не узнал эту историю, если б не жил на девятом этаже. На том же, с которого улетел тот злополучный мешок, и с той же стороны. Мешок скинул мой сосед, буквально следующая после моей дверь. Конечно, наши окна были рядом и оба на высоте, ошибиться легко.

Одним словом, я стал тем человеком, кому выламывали дверь.

Я жил в той девятиэтажке, когда учился на первом курсе. Даже не закрывал квартиру на замок, когда уходил на учебу, и не задумывался об этом. Никогда не закрывал, на самом деле, даже если спал внутри.

Когда мне ломали дверь, она тоже была не заперта.

Теперь я всегда запираю дверь. Запирал и у Лаврентия, и у Ярослава, хотя районы и у одного, и у другого, что называется, «хорошие». Благополучные. К ним точно никто не будет ломиться. Но мало ли.

Так что, когда Ярослав послал меня к Сагиру за новым мясом, я тоже запер дверь.

Я пришел в морг и выяснил, что Сагир предупрежден. Теперь он хранил тела преимущественно в холодильниках, даже если этого не требовалось. Ярослав больше не посвящал меня в свои денежные дела, поэтому я не знал, сколько он за это заплатил. Как-то раз Ярослав просто с гордостью сказал, что Сагир теперь его слушается.

Я был один. Не потому, что никто со мной не пошел, хотя со мной никто и не пошел – мне просто не хотелось видеть чьи-то рожи. Даже Лаврентия.

После того, как Румани рассмеялась мне в лицо, я понял, что мне снова некуда идти. Так что я вернулся к Лаврентию. Когда я возвращался к Лаврентию, рядом со мной всю дорогу шел Ярослав, а я не хотел идти с ним, поэтому я шел один,

а он – рядом.

Потом он сказал мне:

– Мы с Лаврушей посоветовались и поняли, что были неправы.

Я оскалился, как подбитая собака.

– Так вы теперь у нас совет директоров!

Но в следующую же секунду я обалдел. Ярослав заявил:

– В общем, ты действительно сделал недостаточно на благо фирмы.

– А может, это ты взял на себя слишком много? – спросил я, мягко охреневая от происходящего.

Это он еще и недостаточно из меня выдоил!

– Слушай, ты у нас владелец! – вскинулся Ярослав и подчеркнул: – Официально. Я – максимум исполняющий обязанности.

Я почему-то решил, что не хочу с ним ссориться, и просто сказал:

– Вот такой ты исполнительный.

Ярослав, похоже, тоже не хотел ссориться. Он проигнорировал мой сарказм.

– В общем, сегодня у тебя есть шанс. Поработаешь на благо фирмы.

Я всегда считал тех, кто не может создать свой собственный смысл жизни и пытается найти его где-то снаружи, слабыми и недостойными внимания людьми. Поэтому всеми силами старался скрыть, что и сам к ним отношусь.

Я никогда не понимал, зачем топчусь по земле. Иногда за это стыдился. Когда-то думал, что один такой на белом свете, потом постепенно осознал, что все люди страдают тем же недугом.

Поодиночке бродим мы в поисках чего-то неизвестного – вслепую до тех пор, пока не находим зеркало, что заменяет нам и глаза, и предмет поиска.

Как быстро способны отказаться мы от того, что раньше виделось единственно-важным!

У меня больше не осталось ничего важного. Совсем. Я знаю, что есть принципиальные люди. Им я завидую: вот бы тоже найти себе такие непоколебимые убеждения и всегда цепляться за них, когда все идет коту под хвост. Найти что-то, на что можно опереться в безвыходной ситуации.

Этого я бы хотел. Но, к сожалению, я не такой человек.

Поэтому я молча пошел за мясом, когда Ярослав объяснил, что ему от меня требуется.

Я пошел еще до захода солнца. Мне было плевать и на солнце, и на Ярослава.

После того, как родители решили больше не платить за квартиру в той девятиэтажке, мне пришлось переехать в общежитие. Их можно понять: когда находишь своего сына в больничной палате с переломанными конечностями, ты больше не хочешь, чтобы он возвращался в то место, где его поломали. Я больше не видел ни своей комнаты, ни армян, ни машины, ни совокупающихся на лестничной площадке.

В общежитии дверь я по-прежнему не запираю. Но там просто замок на дверь не поставили.

Дорогу до морга я помнил, сторож мне кивнул – наверное, именно за это я должен благодарить Ярослава.

Тетка на вахте на меня даже не посмотрела, патологоанатома я не видел. За это я, должно быть, должен благодарить уже Сагира.

Он меня не встречал, поэтому по коридору от вахты я шел один. Там были двери – то ли кабинеты, то ли приемные, то ли архив. Не знаю, что должно находиться в одном помещении с моргом по больничным обычаям. Наверное, с местом у них теперь напряг: здание старое, люди плодятся и размножаются, переживают страшные болезни, доживают до старости. Все больше и больше этих людей, в общем, а палат столько же, сколько построили пятьдесят лет назад.

Наверно, пятьдесят лет назад все это здание строили под морг и каждый труп в нем имел свой номер-люкс.

И вдруг одна из дверей открылась.

Оттуда вышел Герасим. Одноклассник, который стал главврачом.

– Сима! – крикнул я, должно быть, слишком громко, – ты что здесь делаешь?

Герасим добродушно ухмыльнулся и беспомощно развел руки.

– Мы, медики, свободно перемещаемся по больницам, когда захотим. Этой магии нас всех обучают еще на первом

курсе.

– Ну и встреча, – я улыбался, должно быть, во все тридцать два, и до меня не сразу дошло подлинное значение сказанной мной же фразы.

Герасим смотрел на меня с доброжелательным интересом.

– Так вы все-таки... – недоговорил он и покачал головой.

– Да мы шутили, – отмахнулся я, прекрасно зная, что Герасим все понял.

Сима мне призрачно улыбнулся.

– Не волнуйся, – сказал он и пошел дальше по коридору.

Я оторопел.

– погоди! – воскликнул я и догнал его, а потом перешел на шепот. – Ты же помнишь, что тогда замышлял Ярослав? Каннибализм!

Сима неприятно повел плечом.

– Каннибализм – это поедание себе подобных. Кто ты, кто подобен тебе? С этого надо начинать.

– То есть, если ты съешь меня – это не каннибализм?

– Давай обойдемся без взаимных оскорблений.

– От ответа не уходи, Сима!

– Как хорошо ты знаешь себя, чтоб сказать, кто тебе подобен?

– Я знаю, что сам подобен червю.

– Тогда не ешь червей, если не хочешь быть каннибалом.

– А людей можно?

Герасим с усмешкой помотал головой.

– Поработал бы ты в больнице...

Я тоже помотал головой и замедлил шаг, отставая от него.

– А, черт с тобой. Бывай, Сима!

Он все так же деловито шел вперед, машина полами белого халата.

– Надеюсь, больше не свидимся. Прощай! – не оборачиваясь сказал он.

И я вернулся в свою жизнь.

После того чистого, хорошо освещенного коридора начался другой, темнее и интимнее. Первый коридор для людей, второй – для персонала. Один конец второго коридора упирался в дверь на улицу, которую всегда запирали. Она открывалась только в тех случаях, когда привозили свежак. Другой конец коридора оканчивался большим залом с холодильником, где держали тела. Именно туда я и шел.

Еще на подходе я почувал что-то неладное.

Еще не зная, в чем дело, я уже не хотел заходить в зал.

Потом я услышал странные звуки, очень знакомые звуки, которые в таком месте заставляли думать о самом плохом. В том, что эти подозрения реальны, я очень хотел разубедиться – больше всего на свете я хотел оказаться пессимистом и надумать нехорошее про Сагира несправедливо.

А потом я открыл дверь.

***

Он... он...

Я не буду рассказывать, что он делал. Скажу только, что

блевать на непригодные человеческие внутренности в ведре для отходов – очень сомнительное удовольствие. Там еще валялись грязные бинты, тряпки, комки волос, огрызок яблока и обертка с этикеткой наших пирожков. Последнее, очевидно, в обеденное время подбросил Сагир, когда доел пирожок. Может, ему Ярослав от большой щедрости подарил бесплатно.

О том, что пирожками мог питаться и сам Ярослав, я старался не думать. Не хотел знать, что живу с каннибалом.

Когда я жил в студенческом общежитии, местные придумали себе развлечение: они брали плату за проход. Придумали это, разумеется, четверокурсники. Местные старожилы, которым надоело учиться и которые чувствовали себя хозяевами всего вокруг. Они разбились на две смены и поочередно дежурили в самых проходных местах. Самое выгодное положение, разумеется, было на посту у кухни: еда нужна всем, поэтому пересекаться с ними приходилось постоянно, каждый день. Они играли на самом основном человеческом инстинкте.

В итоге студенты приучились покидать общежитие через пожарные лестницы и окна, а еду хранить у себя в комнатах. На кухню никто не заходил и после того, как те предприниматели выпустились. С кухни съехали даже тараканы.

Они брали плату единственной ценной для студентов валютой: едой. Я был там. Я знаю ценность пищи.

По сути, все в человеческой жизни завязано на еде. Мы

объедаем друг друга. Не последовательно ли для нас становиться частью пищевой цепочки после своей смерти?

Я не смотрел на Сагира. После увиденного на трупы смотреть приятнее, чем на него.

– А от чего они все умирают? – спросил я, чтобы он, не дай бог, не начал разговор первым.

– Это все у патологоанатома в кабинете. На пальцах вот номера, а у него записано, какой номер о чем.

– А через мясо можно чем-то заразиться?

– Конечно. Да чем угодно, мне кажется.

– Тебе кажется, но наверняка ты не знаешь?

– Я знаю только, что сам пока жив и здоров. Больше я ничего не знаю.

И снова он напомнил о том, что я увидел, когда вошел. Конечно, он рисковал подхватить сразу все болячки, передающиеся половым путем. Рвотный порыв удалось сдержать – а может, блевать уже было нечем.

Получается, фарш, в который мы все перемешиваем, может оказаться целиком и полностью заражен какой-нибудь жалкой спидозной печенью. Но почему меня вообще должно это волновать?

– Я тут собрал для вас, – вовремя подсуетился Сагир и открыл дверь холодильника.

Через минуту он выкатил оттуда целую садовую тачку. Она на треть была заполнена мясом. Мясо лежало просто так, без пакетов, прямо в садовой тачке.

Я устался на тачку, и мне снова пришлось подавлять рвотный позыв.

– Это меньше, чем мы договаривались, – извинился Сагир и кивнул на тело, с которого недавно слез. – Я вон ту оставил напоследок. Ты ж через час должен был прийти, я бы как раз управился. А теперь подожди.

Так что я сел ждать. Все услышанное я воспринял с каким-то буддистским равнодушием. Иначе, наверно, сбежал бы оттуда в ужасе.

А Сагир принялся вскрывать кожные покровы своей любовницы. Он делал это с каким-то воодушевлением, как будто все время, пока мы с ним общались, ему не терпелось снова наконец прикоснуться к ней – неважно, с какой целью. Как будто между сексом и вскрытием для него не было никакой разницы.

Я отвернулся. Решил, что смотреть на лицо Сагира, пока он ковыряется в ее брюшной полости, мне противопоказано.

Конечно, я его осуждал. Но мое чувство только прикрывалось осуждением, а на деле являлось презрением: ничего отвратительнее в жизни не видел. Я имел полное право его презирать, но вряд ли имел хоть какое-то право сказать ему об этом – едва ли деятельность нашей шайки менее отвратна, чем его.

К тому же, Сагир едва ли причинял кому-то вред, если не считать моральный. Мне. А вот мы имели дело с живыми людьми.

Вопреки тому, что я считал себя плохим человеком всегда, теперь все плохое, что во мне было, как будто увеличилось в размерах и задавило все хорошее даже в других людях, не только во мне.

Еще пару дней назад святость Румани дарила мне искупление и отпущение все грехи. Моя Мадонна, моя непогрешимая дева – где она теперь? Не знаю и знать не хочу.

– Иногда в процессе у них там что-то хлюпает, потом вытаскиваешь – а он весь в чем-то буром или белом. Мыть приходится, – вдруг пожаловался мне Сагир, прервав мои мысли.

Я сглотнул.

– То есть, ты даже без резинки?

Сагир, как ни в чем не бывало, протянул:

– Ты чего, ощущения не те.

Я снова подавил рвоту и выдавил из себя:

– Слушай, мне все это знать совсем не хочется.

Вдруг я услышал шаги в коридоре.

Сагир никак не отреагировал на это, как будто вообще не заметил, а у меня душа ушла в пятки. Я подождал чуть-чуть – вдруг Сагир скоро эти шаги услышит и даст знать, прятаться мне придется или молить о пощаде?

Но Сагир ни на что не обращал внимания. Миловался со своей любимой.

– А ты вообще имеешь право их резать? – напряженно спросил я его, глядя на дверь.

– Не-а, – ответил Сагир, и в тачку со звонким шлепком упал свежесрезанный кусок мяса.

Шаги приближались, мои ноги похолодели и стали ватными, руки онемели и затряслись...

А потом дверь открыла та же девочка, что и в прошлый раз. Я облегченно выдохнул и заорал:

– Она у тебя тут живет, что ли?

– Ты че истеришь? – пристыдил меня Сагир. – Это Кадира, сестра моя. Она тебе ничего не сделает, не ссы.

Кадира, сестра Сагира, стояла в дверях и снова пялилась на меня. Я чувствовал себя неловко из-за того, что вспылал, поэтому уставился на Сагира: теперь на него смотреть было приятнее, чем на его сестру. Вопрос приоритетов.

Она, благо, молчала, и я спокойно мог игнорировать ее присутствие.

Вдруг Сагир подал голос:

– Если мозг ценнее члена, то почему череп такой тонкий, а таз – такой прочный?

Видимо, он считал свою реплику очень остроумной и как-то оправдывающей его действия, потому что после нее с вызовом посмотрел на меня.

– Потому что в голове есть глаза, которые должны её беречь! – злобно ответил я, чем вызвал залиvistый гогот Кадиры.

Такой реакции я точно не ожидал, поэтому зыркнул на нее со страхом и удивлением. Она игриво улыбнулась и склонила

голову на бок, подмигнув одним глазом.

О боже.

Я отодвинулся подальше, намеренно игнорируя всю ее деятельность. Деятельность состояла из: дружелюбных знаков рукой, подкручивания пряди блестящих черных волос, покашливания и переминания с ноги на ногу. Но игнорированием всего этого привело к тому, что она сама сделала первый шаг.

– Что делаешь? – услышал я у своего плеча.

Я выпалил:

– Жду, пока твой брат нарежет мне труп.

Она снова засмеялась.

О, дитя, если бы я шутил.

– Я тоже жду своего брата. Он мне совсем мало денег дает, – пожаловалась она.

Я резко повернулся к ней и, глядя в глаза, прошипел:

– Тогда давай ждать молча.

– Какой ты грубый! – наигранно-обижено протянула она и рассмеялась, а я вздохнул.

По счастью, я не успел наорать на нее: Сагир хлопнул в ладоши и присел на стол рядом с телом.

Послышался хруст кости в мертвом пальце.

– Вот и все! Получите, распишитесь, – он протянул обе руки (свои) к тачке с мясом, гордясь своими трудами.

– Ага, – кивнул я, – и как я по городу всю эту красоту повезу?

Сагир молча поднял указательный палец и ушел к шкафчику со всяким барахлом, а я ждал его восхитительного решения проблемы.

Он достал клеенку в бело-голубую клетку, с клубничками.

– Никто твою красоту не увидит! – воскликнул он и торжественно накрыл тачку.

Я не смог не согласиться: это и вправду оказалось гениально.

По крайней мере, общая картина настолько дикая, что такая дичь писалась в нее, как родная.

– Ну, тогда мы поехали, – попрощался я, прежде чем взялся за ручки тележки: уж больно мне хотелось поскорее покинуть эту компанию.

– Я тебя провожу! – к моему сожалению ответил Сагир и снял ключи с гвоздя возле того же шкафчика.

Кадира с нами не пошла. Выглядела она лет на пятнадцать, но несмотря на нежный возраст, похоже, не возражала остаться наедине с мертвецами. Должно быть, уже привыкла.

По коридору мы шли в тишине, за что Сагиру я благодарен по сей день.

Соответственно здравой логике, путь мой обратно с точностью повторял путь туда, только в противоположном направлении. Начал я с темного коридора и намеревался уже свернуть в чистый, который вел к главному входу, но Сагир меня остановил и провел дальше – к той двери в самом конце, которую я прежде видел только закрытой.

Коридор был достаточно широк для того, чтобы по нему могли проехать носилки с мертвецом, поэтому и тачка шла свободно.

Сагир открыл мне ту самую дверь и помог спустить ценный груз. От порога шло что-то вроде пандуса, по которому легко съехала наша тачка.

– Тележку потом верни, – наставительно сказал Сагир на прощанье, снова подняв указательный палец.

Я ему даже улыбнулся.

Между тем сам я знал, что в моей тачке лежал вовсе не песок, и это способствовало нехилому выбросу адреналина. Я не мог идти медленно, потому что меня била дрожь. Приходилось бежать трусцой, вприпрыжку. Холодный ночной воздух только обострял мою тревогу.

И вот проходил перекресток, по которому мы с Ярославом шли в то утро с вокзала – только тогда мы шли с другой стороны. Я увидел на нем девушку с большой сумкой. Наверно, шла на ночной поезд.

Ей не давал пройти какой-то парень. Она отбивалась и пыталась вырваться, а он держал. Я издалека слышал, как они спорят на повышенных тонах.

Я не замедлил шаг. Только оборачивался пару раз, когда они остались далеко позади.

У них наверняка все хорошо. Тот парень, должно быть, хороший человек. Может, она наркоманка, и он не дает ей поехать в другой город к барыге. Может, у нее в этой сумке

что-то, что она у него украла, и он хочет это вернуть.

Или он просто не даёт ей уйти без шапки. Заботится.

В конце концов, не мог же я оставить свою тачку без при-
смотра и пойти разбираться, в чем там дело. Ладно, мясо –
еще кто-нибудь помрет и будет новое, а если тачку украдут?
Сагир же просил ее вернуть.

А если бы я ввязался в драку? Как бы я объяснил полиции
или скорой, в зависимости от того, кто кого побьет, что у
меня в тачке сырое мясо под клеенкой с клубничками?

А если бы они устроили экспертизу?

Около нашего подъезда горел фонарь. Я встал под ним
отдохнуть и понял, что эту проклятую тачку больше никуда
не повезу.

Меня колотило.

Я дышал громко и часто, перед глазами все плыло, а го-
лова была готова оторваться от тела и улететь куда-то ввысь.

Тут я посмотрел вниз и увидел, что под моими ногами
что-то блестит. Что-то черное и густое, как машинное масло.

Приглядевшись, я понял, что это небольшая струйка. Она
уходила вдаль прямо по моему маршруту.

Даже без судмедэкспертизы было ясно, что это кровь.

С минуту я просто стоял и смотрел, как под тачкой обра-
зуется небольшая лужа. Капли капали бесшумно и часто.

Я поднялся в квартиру и послал Ярослава с Лаврентием
во двор.

– Сагир просил вернуть тачку, – сказал я, не оборачива-

ясь, когда они прошли мимо.

А с меня пока и вправду хватит.

Про честность

Ярослав хотел выйти напрямую на судмедэкспертов. Которые выезжают на дорожные происшествия. Он рассуждал так: все, что разбросано по асфальту, взвешивать никто не будет.

Я пытался доказать ему, что это полная хрень и его даже слушать не будут – пошлют туда, куда я его уже посылал, в лучшем случае. В худшем – обернут в смирительную рубашку до конца дней.

Он пытался доказать мне, что хоть мяса там и немного, но это все-таки мясо.

Суета Ярослава по поводу новых источников бесплатного мяса появилась не просто так: пиар компания превзошла все наши ожидания и спрос оказался слишком велик. Мяса катастрофически не хватало, а источник наш ограничивался количеством смертей в день. Закупать легальное мясо скота Ярослав наотрез отказывался, заявляя, что мы разоримся. Я же считал, что наша прибыль окупит затраты, но не слишком настаивал на своем предложении: прибыль появится в любом случае, а без существенных затрат денег в итоге у нас будет гораздо больше.

Конечно, не приди Ярославу в голову идея наладить поставки нашего мяса шаурмечным, дела шли бы полегче. Но они заплатили вперед. У нас не осталось выбора: только

стиснуть зубы и продолжать искать новые пути для поставок, потому что шаурмечным нужны только мышцы. Хорошо хоть, что они соглашались брать мясо сырым и нам не требовалось его готовить – хоть время сэкономили.

Все это привело к тому, что мы перемалывали в фарш не только органы, но и кости.

А еще кожу и жир.

Производство стало практически безотходным: дайте нам целого человека и вы больше его не увидите. Разве что волосы или ногти.

С костями приходилось возиться – не прокрутишь же их через мясорубку. Мы перемалывали их в костную муку.

Наша продукция по-прежнему поражала покупателей качеством: все натуральное, без красителей и консервантов. Даже без соли.

Но поставки задерживались, а это никогда не идет на благо бизнеса.

Даже бритоголовый санитар Артур – сменщик Сагира, крутившийся вокруг его сестры, которая крутилась вокруг меня – не мог удовлетворить наши потребности. У него была машина, на которой он привозил мясо прямо к подъезду, как я тогда тачку, а потом все мы вчетвером разгружали ее. На это уходил час, а то и больше. И это еще без готовки.

Для того, чтобы на прилавках к часу открытия появилась свежая выпечка, мы пахали ночи напролет.

Конечно, Артура мы взяли в долю.

Он был приятным типом, но ровно до того момента, как в морге не появлялась Кадира. Тогда Артур сразу же становился мерзкой размазней, а Кадира так же мерзко лебезила передо мной. Мне до Кадиры не было никакого дела. У меня еще болела своя рана.

Похоже, для людей вокруг мы становимся теми же демонами, что терзают нас самих.

Но Кадире вообще никто, кроме меня, не нравился. Да и я не очень. Это все потому, что мы – я, Сагир, Артур и Ярослав – все мы мужчины. Она говорила:

– Вы имеете не больше прав, чем я.

С этим все мы, в принципе, были согласны. Но потом она говорила еще:

– А ведете себя так, как будто имеете привилегии. Хотя, почему как будто – вы их и имеете. Привилегии мужчин.

Ни я, ни Сагир, ни Артур, ни Ярослав не знали, что она имеет в виду под привилегией. Наверно, член.

Я понял, что находить абстрактное множество, которое можно обвинить во всем – это их семейная черта.

Каждый раз, когда я появлялся в морге, Кадира уже сидела там. Не знаю, приходила она туда заранее или даже не уходила вовсе.

С Ярославом отношения у нас натянулись железной струной. И хоть мое отношение к нему со временем ничуть не менялось, если раньше я терпел его через силу, то тут, с вопросом о мясе между нами, мы притерлись и спорили, как

деловые люди. В остальном жили, можно сказать, дружно. Негодование внутри меня тонкой струйкой вытекало через шлюз деловых вопросов, и больше его ни на что не хватало.

Лаврентия я почти не слышал – он если со мной и общался, то только через посредника. Ярослава.

А как-то раз мне позвонила Румани.

То есть, я думал, что мне позвонила Румани – на самом деле звонили с ее номера, но это была не она, хоть голос и показался мне смутно знакомым. Этот голос сообщил, что Румани очень плохо и ей нужна помощь.

Еще голос сказал, что она попросила мне позвонить. Как будто бы я могу ей помочь и все в таком духе.

Румани ждет моей помощи. Я вышел в ту же минуту.

Все это напомнило мне о другой девушке. У них нет ничего общего, у Румани и у нее. Разве что первая буква имени. Ту звали Рада. Если бы она вот так попросила меня о помощи, я бы помчался к ней на другой конец света. И эта готовность помчаться на другой конец света, именно она что-то во мне всколыхнула.

Если я о ней хоть раз вспомню, я труп.

Если вспомню её смех или слезы – не из-за меня, конечно, она однажды расплакалась от жалости к бездомной собаке. Я те её слезы запомнил, у меня от них сердце разбилось. Я запомнил каждую слезинку. Вспоминал о них с содроганием раза три в месяц, не больше. Но каждый месяц.

Я не хотел вспоминать, но вышел из дома с мыслями о

ней, надеясь, что они выветрятся на свежем воздухе. Специально не взял с собой телефон, чтобы не ждать от неё сообщений. В общем, ясно, что она мне не написала бы – ей это совершенно ни к чему – поэтому я даже не боялся что-то пропустить. Но пока я наматывал круги по осточертевшим дорожкам знакомого как дорога до туалета города, у меня появилось совсем уж сумасшедшее подозрение, что, раз уж я ничего не жду, то что-то обязательно произойдёт. Меня даже не волновало, что я автоматически начал ждать этого чего-то и, соответственно, ломал схему: мне просто очень захотелось, чтобы что-то произошло. Но я не мог торопить события, потому что как раз-таки спешка наверняка порушила бы ту шаткую конструкцию, на которой я строил свои ожидания; я продолжал ходить и возненавидел ходьбу, но не мог остановиться и уходил все дальше от дома, в котором оставил свой телефон с пришедшим на него сообщением от неё – оно уже там, и я это знал. Мне от этого становилось радостно! Легко и радостно, и спокойно, и я чувствовал, как сердце моё наполняется любовью, и я был благодарен всему миру, и мог уже вовсе не приходить домой, потому что сообщение уже пришло и ничто не сможет этого изменить. Неважно, что в этом сообщении: оно пришло. Оно от неё.

Я шел к Румани и радовался, что на телефон, который остался дома, пришло сообщение от другой девушки.

Такие дела.

На улице еще светило солнце, но, когда я зашел в подъезд,

его тьма поглотила меня, как океан: казалось, я даже слышал звук, с которым тьма ткнулась мне в уши. Этот звонкий, громкий хлопок, как будто кто-то щелкает по воздуху в черепной коробке.

И только поднимаясь на нужный этаж, я понял: что меня ждет в квартире, я не имею понятия. Если бы моя безумная готовность помочь не кинула меня с головой в омут, а дала бы хоть расспросить, в чем там дело, это могло существенно облегчить мне задачу. Но не срослось. Я даже не знал, что за помощь от меня требуется – гвоздь вбить или в морду кому дать? Все-таки банальная логика подсказывала, что Румани нужны мои крепкие мужские руки. Иначе меня бы не позвали, я старался думать объективно.

Однако, как это часто бывает, реальность положила на мою дорогую объективность большой и толстый болт.

Румани я еще не видел, но слышал уже на подходе. Я понял, что слышал именно ее, когда поднялся на нужный этаж: прежде думал, что вой издает какая-нибудь кошка или пьяная женщина. Наверное, именно так вопят люди, когда в них вселяется демон – а до того самого дня я вообще не верил, что демоны существуют, хотя один из них уже давно присутствовал в моей жизни. Страшно деятельный демон с именем на последнюю букву алфавита.

Дверь мне открыла девушка, которую я раньше не видел. Симпатичная. Я решил, что, должно быть, именно ее слышал по телефону, потому что обычно люди удивляются, ко-

гда видят незнакомцев на пороге, а она – нет.

– Заходи, – сказала она и отошла в сторону.

Да, голос был тот самый. Вот теперь он мог стать смутно знакомым – в следующий раз, когда я ее услышу.

Заходить я не хотел. Ужасно стыдно признаваться в этом, но вой, исходящий из недр квартиры, задушил мое рыцарство и похоронил под тонной грунта. Оказалось, женские вопли будят во мне какое-то дикое отвращение. То ли рвотный рефлекс, то ли головную боль – не знаю, что именно инстинкт самосохранения выкрутил сильнее, но мне стало дурно.

Симпатичная незнакомка ждала, пока я пройду, чтоб запереть за мной дверь. Пока дверь не была заперта, вопли расходились по всему подъезду и резонанс получался ошеломительный, а я стоял в самом эпицентре. Завывания Румани отдавались передо мной и за спиной, подгоняли вперед и отталкивали назад. А еще я почти оглох от такого симфонического оркестра.

И я шагнул вперед, чтоб дверь наконец закрыли. После этого жить на белом свете мне стало немного полегче, хотя холодный пот бежал по спине, а по рукам – мурашки.

А ведь именно к этому я бежал, сломя голову. Готовый, как мне казалось, к любым подвигам.

Я пошел вперед по коридору.

Коридор, как и всегда, был темным. Он тянулся бесконечно длинной прямой кишкой, в конце которой брезжил свет,

и повернуть обратно я уже не мог.

На кухне я обнаружил Румани в том же кресле. Она сидела там и не поднимала голову, содрогаясь от рыданий.

Рядом с ней на корточках уже сидела та симпатичная незнакомка. Она, как это свойственно проживающим в квартире людям, по-хозяйски стремительно пошла вперед меня и обогнала – теперь гладила Румани по плечам.

– Ты у нас девка хоть куда! Ну, скажи же? – обратилась она ко мне без прелюдий.

Я не знал, что я должен сказать, но понимал, что из нас троих сказать это должен именно я. Поэтому я просто кивнул. Конечно, от меня ждали какого-то спектакля – вернее, поддержки того, который играли тут до меня. Но я не мог играть без заученных реплик. Не та область, в которой мне легко импровизировать.

Так что я просто стоял и не мог понять, как оказался в такой ситуации. Замер и смотрел на них двоих.

Кое-как, всхлипывая через слово, Румани рассказала, в чем дело. Сам того не ведая, я засвидетельствовал начало этой драмы: все началось в тот самый день, когда Ярослав притащил в ее ларек свою чертову дегустацию. Она, оказываясь, в него влюбилась, а он и рад – только вот бросил на днях, когда получил все, что ему требовалось.

А Кира – ее, эту симпатичную незнакомку, звали именно так, – оказалась очень хорошей подругой и приехала при первой же возможности, чтобы принять на свою грудь тре-

тьего размера поток горя Румани.

Зачастую трагедии происходят не потому, что мы игнорируем очевидные недостатки других людей, а потому, что люди отчаянно пытаются сделать так, чтобы мы не узнали об этих недостатках. Нельзя винить Румани за то, что она не сразу распознала в Ярославле козла. Это я его хорошо знаю.

Я бы, наверное, мог ее предупредить. Но не захотел.

И почему девушки всегда вешаются на таких мудаков, как Ярослав? На самом деле, вопрос риторический. Я давно понял, почему это так. Работа над отношениями – это как домашние обязанности: если один берет на себя слишком много, другой просто не делает ничего. Девушкам же только дай пол подмести или посуду вымыть. Не знаю, почему им так нравится, но они и в отношениях только и делают, что полы моют и посуду натирают.

Ярослав специалист по другим областям, совсем не по отношениям. И уж точно не по домашним обязанностям. В этом мы с ним похожи, но из-за меня, почему-то, никто не плакал. Разве что Кадира, сагирова сестра.

– Почему-у-у... – провыла Румани после того, как рассказала свою историю.

– Потому что он мудака, – ответил я. А что еще тут скажешь.

– И ведь он даже не пришел! – возмутилась Кира. – Он написал сраную эсэмэс!

– Очень на него похоже, – не удивился я и между прочим

спросил: – а ты бы хотела, чтоб он был здесь?

– Он быть здесь обязан, —отрезала Кира. – Какой бы ни был, а.

– Ага, – вздохнул я. Спорить с ней мне не хотелось. Румани все-таки нравилась мне гораздо больше Ярослава, вот я и решил что-нибудь для нее сделать.

– Вот если бы сейчас пришел он, а не ты... – задумчиво проговорила Кира, и я понял, что должен сделать.

Ярослав даже не сопротивлялся, когда я без объяснений приволок его в тот дом. Не из благородных побуждений и тяге к справедливости: он даже не помнил, где живет Румани – провел там всего одну ночь и ушел под утро, еще в сумерках.

То же самое когда-то сделал и я. Провел у нее ночь. Только вот я нашел бы дорогу к ее дому с закрытыми глазами. Даже после одной ночи, которую провел в кресле не раздеваясь.

Ярослав заподозрил что-то неладное только когда я запихнул его в прихожую. Но там нас ждала Кира, и от нас двоих уйти он не смог.

Румани выла.

– Почему ты от нее ушел? – расшифровал я, как мне казалось, ее вопрос.

– Я же не глупый, – Ярослав постучал по своему виску.

– Между умом и пафосом расстояние как от Челябинска до Москвы, – снисходительно сообщила Кира.

Ярослав соорудил наивное лицо и подпер его ладошкой.

– В культурном или географическом смысле?

Они, похоже, стоили друг друга.

Кира презрительно усмехнулась.

– Да ты просто срешь ртом.

– Милая моя, ты не первая, кто мне это говорит, – безразлично парировал Ярослав.

– А тебе это, похоже, нравится?

– Ну, знаешь, как говорят: если жизнь даёт тебе слишком много лимонов для лимонада, то ты можешь собрать неплохую коллекцию лимонов. А те, что повторяются, можно сложить парами – получится Ноев ковчег.

Позорился он, а стыдно было мне.

Кира вдруг сощурилась, и ее лицо подозрительно напомнило мне ярославову рожу.

– Ты правда думаешь, что не опозорился только что?

– Это единственное, что ты мне можешь ответить? Милая моя, да тут позоришься только ты.

Кира холодно посмотрела на его ехидную харю. Такую же, как у нее самой.

– А тебе, похоже, нравится самоутверждаться за чужой счет?

– Избавь меня от своей бабской чуши, – Ярослав задрал нос, и мне захотелось по нему стукнуть.

На Румани больше никто не обращал внимания, поэтому я присел на то же место, где уже видел Киру, и начал так же гладить ее по плечам. У меня получалось грубее, но я старался.

Кира, тем временем, начала толкать речь, достойную депутата:

– Меня воротит от тебя. Как таких животных выпускают в цивилизованный мир? Тебя бы в цирке держать, детишкам показывать, как плохой пример! Думаешь, только мужикам можно поступать так? – она кивнула в сторону Румани. – По-твоему, женщины – это материал, который можно отрабатывать? Может, думаешь, что мужчины более развиты, чем мы? Что вы можете нами пользоваться? Открою тебе секрет: между мужчинами и женщинами нет никакой разницы. Мы одного вида и у нас почти одинаковая физиология, за исключением половых признаков. Думаешь, женщины могут сдерживать свои инстинкты, а мужчины – нет? Думаешь, только мужчины могут оставлять за собой след из рыдающих любовниц? Думаешь, только мужчины воротят нос от «пользованных»? Меня от тебя воротит! И мне тебя жаль.

Ярослав замер и хлопнул глазами в ответ. Он подозрительно затих. Я наблюдал за ним, потому что не знал, чего ждать дальше.

Ярослав двинулся. Я напрягся. Он шел в нашу с Румани сторону – я понятия не имел, что у него в голове, но первой моей мыслью было даже не защитить ее, а спастись самому. Потому что это, мать его, Ярослав!

Он подошел и присел по другую сторону кресла. Он тоже начал утешать Румани:

– Конечно, это нелегко, когда подруга вдруг оказывается

тупой сукой, но жизнь продолжается!

– Уйди, – слабо дернулась Румани, как будто он ее уколол чем-то.

И хоть Ярослав не показал, что его задели слова Киры, я заметил, что после них его движения стали резче, а дыхание тяжелее. И мигать он стал чаще. Он был раздражен в своей скрытой манере. Думаю, это обычная черта тех, кто живет под маской. И нет, я не говорю, что жить под маской плохо. Я даже не говорю, что сам не ношу маску. Просто кому-то их маски жмут, и это заметно.

Что именно его задело, я не знал. Но знал, что такие люди склонны взрываться, когда замечают свое собственное лицемерие.

Еще я знал, что Румани нравится мне больше всех присутствующих, и плачет она из-за него. Поэтому я без лишних прелюдий встал и, не дав ему даже перевести дух, сказал:

– Так ты не умеешь быть честным. Думаешь, сейчас что-то умное сделал, но это не так.

Ярослав поднял голову. В его глазах я увидел шок – по видимому, от меня он такого не ожидал. И я продолжил:

– Да, это очень круто, когда откровенны с тобой, а не ты. Это удобно. Вокруг тебя люди, которые претворяются не хотят, а ты думаешь, что они для этого слишком глупые. Ты сам по себе, ты всегда один. Думаешь, что ты злобный гений. Но это не делает тебя идеальным, это даже не делает тебя умным. Зато оставляет возможность уходить без потерь, ко-

торой ты, похоже, никогда не против воспользоваться. Которая позволяет тебе видеть вокруг театр, а не чувства других людей с вполне реальными причинами. Но на самом деле ты просто боишься, что тебя бросят – как бросили твои родители, как бросил я. Да, я тебя бросил, когда мы закончили школу. Я о тебе даже не вспоминал.

Ярослав смотрел на меня с добрым любопытством и наивной улыбкой, как ребенок. Он всем своим видом пытался показать, что не впечатлен, но по его глазам я видел, что сделал ему больно.

Заслужил.

Я думал, что он ударит меня. Но вместо этого Ярослав медленно поднялся и вышел из кухни.

– Прости, – сказал я, когда он уже шел по коридору. Должен был услышать.

Наступила тишина. Даже Румани не плакала и молча смотрела на меня.

По крайней мере, мы с Кирой пытались его подбить.

А потом входная дверь хлопнула с оглушительным грохотом, аж стены загудели.

Домой я заползал на карачках, уничтоженный женскими слезами и своей смелостью.

Сообщения от нее не пришло.

Да, я все еще о нем помнил и где-то на задворках души ждал.

Кем была она? Она была той, в которую мы с Лаврентием

когда-то влюбились. Влюбились перед тем, как она разбила нам сердца. Синхронно: цок, цок.

Я пришел домой, проверил телефон и прошел в кухню.

На столе лежала одна из тех кошек, которые когда-то терлись мне об ноги у Румани в квартире. Кошка была мертва.

Властелин ключей

Ярослав случайно разбил ей череп, когда хлопнул дверью. Я вспомнил, как кошки лезли за мной, когда я выходил. Решил, что он не врет. К тому же, вся кошка осталась целой, просто не шевелилась – когда животное намеренно убивают, оно, наверное, должно выглядеть иначе. Я мог судить разве что подохлым голубям на дороге. Никогда никого не убивал и трупы не разглядывал. Для того, чтобы реально кого-то убить, нужно реально поехать башкой.

Но вот на столе, за которым я уже много лет завтракал, обедал, ужинал и пил пиво, лежала мертвая кошка. Она лежала как будто ненастоящая, как муляж или мягкая игрушка. Наверно, до тех пор, пока живой организм не умрет, он шевелится, даже если это не заметно. Иначе не знаю даже, почему мертвые так отличаются от живых. Вроде все то же самое, но сразу видно, что тело мертво.

Я сидел за столом и передо мной лежала кошка, как будто блюдо какое-то. Как будто я собрался ее есть. Хвост свисал с края стола, невесомые шерстинки чуть качал сквозняк. Напротив меня сидел Ярослав. Все это выглядело так, как будто мы собираемся разделить званый ужин.

Пару минут мы сидели молча. Может, минут пятнадцать или полчаса.

А потом начали.

После того, как мы разделали кошку, все кругом покрыла ее шерсть. От шерсти было некуда деваться. Хотя шкура осталась целой. Свежевать мы не умели, просто выскоблили изнутри кухонным ножом – это заняло много времени, но результат получился приличным. В общем, вся шерсть, вроде как, осталась на прежнем месте, но она все равно разлетелась повсюду. Как будто ровно такое же количество шерсти, которое росло на кошке, расплылось по всей кухне, а потом мы сами разнесли ее по остальным комнатам.

На кошку ушел почти целый день. Без опыта с животными пришлось туго. Опыт с животными никто из нас не наработал, только с людьми. Точнее, опыт с людьми был у Ярослава, потому что он как-то раз резал трупы в морге. Кошку тоже в основном резал он. У меня одна мысль о том, чтобы прикоснуться к этой кошке изнутри, вызывала слезы. Я ее жалел. Кошка была коричнево-черная, в полоску, с белыми подпалинами. Я ее помнил еще с первого визита к Румани – жаль, не спросил, как зовут.

Что касалось людей, их почему-то умирало все больше и больше. Почему – черт знает, но нас это только радовало. Я периодически вспоминал про тот наш разговор с Сагиром, но он же говорил неуверенно. Он не мог сказать наверняка. И у него нет медицинского образования – откуда ему знать, что болезни передаются через мясо?

Нет, мы точно никого не отравили.

Но это я так думал. А что думали правоохранительные

органы?

Надо сказать, никакой крыши у нас не было. Полицейский от Лаврентия был – это да, но зачем? Мы не могли задать ему вопрос:

Что будет, если кому-то придет в голову отправить наши пирожки на экспертизу?

Люди умирали, мяса приходило больше. Еще недавно поставки нового сырья заботили Ярослава, и вот – покойники сами идут нам в руки, рукам остается только резать и крутить фарш. Что это, если не вмешательство судьбы.

Разделка кошки здорово нас сплотила. Ярослав даже забыл обо всем, что я ему наговорил. И мы с ним вместе, чуть ли не рука об руку, ходили в морг. К Артуру. Торчали там часы напролет. Артур стал нам обоим лучшим другом. И как-то раз он дал нам ключи, а сам ушел.

Дело было ранним утром, ему приспичило куда-то отлучиться, а один из трупов забирали в тот же день – вернее, утро: часов в восемь, чтобы провести все традиционные ритуалы перед погребением.

Обработать тот труп пришлось очень быстро.

Конечно, мы могли бы не возиться с этим и просто оставить тело, как оно есть, но ведь вместе с ним закопают в землю минимум два килограмма мяса! Поэтому Ярослав резал, а я стоял на стреме.

Седьмой час утра уверенно шел к концу, а Артур все не появлялся. В восемь забирали тело. Официально, с бумага-

ми и патологоанатомом, который знал нас в лица. А Артур все не появлялся.

Двери открыты, ключи у нас, а уйти не можем. Самая настоящая западня. Конечно, мы хотели уйти и скинуть в канаву всю возложенную на наши безответственные плечи ответственность, но подставить Артура = испортить деловые отношения с поставщиком. Оно нам надо?

Артур, похоже, тоже решил, что никому это не надо, поэтому успел в последний момент. Прибежал весь в мыле, но успел отдать тело бабушки скорбящим родственникам.

Потом мы обработали еще пару трупов и начали перетаскивать всю добычу в машину Артура.

Мы думали, что в дальнейшем события будут развиваться следующим образом: придет Сагир, возьмет свою смену и мы с Артуром поедem к нам домой, разгружать и перемалывать в фарш.

Когда Сагир пришел, оказалось, что ключей ни у кого нет.

Я проверил карманы, Ярослав проверил карманы. Артур проверил карманы у нас обоих. Сагир свои тоже зачем-то проверил, хотя ключей не видел даже.

Ключи представляли из себя связку из трех – все разные и в единственном экземпляре, потому что дубликаты санитарам никто давать не хотел. Логика в таком решении, безусловно, присутствовала: с одним-единственным экземпляром ключей не попляшешь, чувство ответственности обостряется. Одни преимущества, в общем, если только его не те-

рять.

Мы с Ярославом держались самонадеянно: понятия не имели, где ключи, но как будто бы знали, что они где-то рядом. Куда ж они могли подеваться, эти ключи, если помещение мы не покидали? Получили их в зале и весь день в нем же провели. Либо Артур нас разыгрывает, либо они найдутся.

Артур предложил взять смену Сагира, чтоб не переключивать на напарника мороку с ключами – вот такой Артур хороший мужик. Сагир согласился, и больше в тот злополучный день его никто не видел. Мы с Ярославом принялись искать ключи, пока Артур разгружал машину. Мясо отправлялось обратно в холодильник, только уже не в составе тел. Отправлялось на временную передержку перед подачей на стол.

Поисковая операция шла обширно и неутомимо. Мы искали везде, даже карманы свои проверили еще раз – ключи просто исчезли. Облазили весь пол на четвереньках, прочесали углы и все дальние, пыльные места, в которые нога человека не ступала уже лет пятьдесят.

Потом Ярослав решил, что ключи могли случайно попасть в мясо, поэтому мы вручную перебрали все. В холодильнике скопилось килограммов десять, и в этих десяти килограммах мы ковырялись часами. Просто перебирали сырое, промерзшее в холодильнике мясо – переключивали с места на место, ощупывали склизкую труху. Ключи могли затаиться где угодно.

Пока мы перебирали мясо, Артур принимал труп. Чтобы

нас никто не заметил, он запер нас в холодильнике.

Мы сидели там, в холоде и темноте. С по локоть перемазанными свернувшейся кровью руками. Стоял запах сырого мяса, мертвечины, медикаментов и хлорки. В полной темноте мы сидели там минут десять, и периодически каждому из нас хотелось чихнуть от холода. Зажать нос рукой нельзя, потому что рука испачкана. Чихать тоже нельзя, потому что мы прятались. И мы изощрялись, подставляя каждый свой рукав другому – держали руки в стороне, вскидывали их, как мертвые птички вскидывают лапки, и слепо тыкались друг в друга, как новорожденные котятa.

Артур открыл нас через десять минут. Когда мы встали с пола, оказалось, что у нас онемели ноги. А еще мы от души начихались, когда поняли, что угроза позади.

Ключи на тот момент мы все еще не нашли, а время близилось к ночи. Удивительно, как быстро идут часы, когда ищешь то, чего попросту нигде нет.

Но об этом мы пока не знали.

Сагир снова пришел. На этот раз – чтобы отработать свою ночь, и удивился, что мы все еще там.

И тогда Артур сказал ему:

– Ты тут побудь пока за главного, мы скоро вернемся, – а потом добавил кое-что такое, от чего у нас с Ярославом глаза на лоб полезли: – с ключами.

Сагир не возражал. Артур взял нас за шкурки и выволок на улицу, потом запихнул в машину и сел за руль. Мы с Яро-

славом послушно повиновались, потому что он делал все так уверенно, что и не возразишь.

Только в машине, когда Артур завел мотор, а мы все еще не знали, для чего нас туда посадили, я спросил:

– Куда ты собрался? Скрыться с места преступления?

Как будто чтоб обстановку разрядить. Но вышло слишком натянуто.

– За ключами поедем, – невозмутимо ответил Артур.

– Куда ж мы за ними поедем, родной? – Ярослав просунул голову через проем сидений.

– На кладбище, – ответил тот.

Мы оба замолчали. Сперва – от шока.

– Какое еще кладбище? – опешил я минут через пять.

– Районное, какое еще. Где ту бабку закопали.

И тут я понял, что он имеет в виду. Сердце ушло в пятки, я спросил:

– С чего ты взял, что ключи именно там?

– А где им еще быть? Морг мы обыскали, пропали они сразу после того, как ее увезли. Если вдруг вы ключики за-ныкали – сейчас самое время сознаться и отдать их, если нет – дальше едем молча.

шутки с ним плохи, поэтому хотелось сохранить с ним хорошие дружеские отношения. К тому же, ответственность еще. Ключи ведь мы потеряли.

– А как мы нужную могилу найдем?

Артур ничего не ответил. Наверное, у него был какой-то

план.

Потом Ярослав – рискованный парень – спросил:

– А что будет, если мы их не найдем?

В этот момент я был готов проломить ему череп, как той кошке, и закопать на месте той бабки.

Артур спокойно ответил:

– Я не трудоустроен официально, потому что у меня бумаги не в норме. А им только на руку, потому что налогов меньше платится. Короче, захотят они на меня заявку накатать – с них спрос будет, что я вообще там делал. Максимум, что они мне могут сделать – это уволить. Весьма досадно, но не критично.

Такой вот он был, наш Артур: спокойный, как удав, здоровый, как медведь, и неуязвимый, как таракан во время ядерной войны. Он успокоил нас так, как будто мы заботились о его здоровье, и совершенно ничего не сказал о том, что грозит нам. Это весьма многообещающее для нас с Ярославом умолчание расставило все точки над «и».

Оказалось, что ночью на кладбище совсем не страшно. Очень тихо и спокойно. Если не думать о том, что под землей покойники – даже приятно.

Ночной воздух очень сильно отличается от дневного. Дневной – он как горячий чай, а ночной – холодная вода с сиропом. Такая холодная, что аж горло немеет. Ночной воздух обволакивает изнутри и снаружи, его чувствуешь, как мертвую кожу на живой.

Когда мы прошли за ворота кладбища, держа лопаты наперевес, нас окружили совсем заросшие могилы, заброшенные и никому ненужные, с мертвецами, имен которых никто не помнил. Да и все кладбище заросло деревьями, вышел настоящий лес. Наверно, их корни давно разбили гробы и включили останки в свой рацион, прям как мы.

Конечно, ходить по кладбищу ночью – это не бродить по улице при свете дня. Жутковато. Но вряд ли я сам чувствовал эту жуть. Скорее, боялся внутри меня маленький мальчик, которого когда-то напугали кладбищем и который верил, что мертвецы могут вставать из своих могил.

Сейчас-то я точно знаю, что те, кого мы покромсали, уже не встанут.

Артур знал номер участка, на котором похоронили ту старуху. Если б участки еще и пронумеровали, это было бы не бесполезно. А так – мы просто узнали, что нужная нам могила должна быть где-то в конце кладбища, то есть в новейшей его части. Узнали и пошли.

По мере того, как мы углублялись в кладбище, воздух портился. Становился затхлым и душным, как в склепе. Когда мы вышли из машины, мне показалось, что на улице прохладно и свежо – я помню это, потому что от этого мне похорошело. Может, это из-за того, что в морге дышалось хуже, а может, на кладбище стоял какой-то особенный воздух. В совокупности со звенящей тишиной и могильными плитами это казалось очевидным – особенный воздух. Казалось, что в

таком месте воздух должен быть особенным. Что могильные плиты источают какие-то специфические пары.

Я очень надеялся, что нам не придется раскапывать все могилы за день.

– Я читал отчет о вскрытии, – рассуждал вслух Артур, – а хоронили на третий день после смерти, умерла она четыре дня назад. Смотрите на даты. В один день не может умереть очень много бабушек.

– И я помню ее лицо, – вставил Ярослав. – Если там есть фотография, я ее точно узнаю.

Я поперхнулся.

– Так ты на ее лицо смотрел, пока резал?

Ярослав гоготнул.

– А что мне ее, полотенцем надо было прикрыть?

Я не видел в этом ничего смешного.

– Почему нет?

– Да я не суеверный, – отмахнулся Ярослав.

Не могу сказать, сколько шли поиски. Время текло без нашего участия. Кладбище – это вообще такое место, где следить за временем оскорбительно. Мemento мори. Пока мы с Артуром шли молча и заморочено, Ярослав радовался жизни: даже зачерпнул горсть поминальных конфет с чьей-то могилы. Когда он ткнул их мне под нос, я с отвращением отпихнул его руку.

За Артуром тянулся след дымка сигареты. Под светом луны дым казался сизым и вился вокруг его поблескивающей

лысины, как ореол могильного свечения.

Может, если бы я не думал о том, что нам предстоит, мне бы даже понравилась эта сцена. Я все-таки романтик.

Когда мы нашли нужную могилу, Ярослав сказал, посмотрев на надгробие:

– Приятно познакомиться, Тамара Витальевна. После всего, что между нами было, я даже рад узнать наконец ваше имя.

А на улице ещё и ночь, луна полная светит – обстановка очень романтическая и ни капельки не подobaющая.

На удачу, могила представляла собой только насыпь песка и деревянный крест. Ни оград, ни бортиков. Артур посветил на нее телефоном, иначе мы бы и этого не увидели. Никакого освещения на кладбищах не предусмотрено, поэтому если по кладбищу идешь ночью, то не видишь, в общем-то, ничего, даже своих ног.

Мы начали копать. Мы – это я и Ярослав. Я, конечно, взглянул на Артура с намёком, пока он вдохновенно смотрел на небо – там светились звезды, луна и все такое.

– Я знаю, что вы парни ровные и все по красоте сделаете. Чего мне дёргаться? – объяснил он, когда увидел, как я на него смотрю.

Свежие могилы копать очень легко. Земля рыхлая, утрамбована слабо. Я не думал об этом, пока мы шли по кладбищу: думал, копать придется долго и тяжело, как яму под яблоню на даче, когда ты вместе с травой и корнями растений

режешь первый слой, а потом уже начинаешь копать эту яму, а земля глинистая и каждый ее ком ты вырываешь из толщи почвы, как шахтер. Но свежую могилу откапывать легко.

Когда я вонзал лопату, земля под ней крошилась, как переваренная картошка. Я легко поддевал ее, как творог ложкой, и выбрасывал прочь.

Артур наблюдал за всем этим сверху, подсвечивая фонарем. Ночь стояла лунная и его силуэт очерчивался на фоне черного неба голубоватой каймой. Очень зловеще. Крест мы вытащили, чтоб не упал и не ударил никого из нас по макушке, и Артур держал его. Общая картина походила на обложку альбома какой-нибудь рок-группы.

На похоронах я бывал нечасто. Конечно, у меня, как и у любого другого ребенка, умирали бабки и прабабки, но я не смотрел, как их закапывают. Родители думали, что мне нельзя на такое смотреть. Может, кошмаров боялись. Или сами смотреть не больно-то и хотели.

Когда родители шли на похороны, я оставался дома. Не знал, что там происходит.

Всего один раз я видел, как гроб закапывают в землю. Мне было шестнадцать. К тому моменту почти всех моих пожилых родственников уже похоронили без моего участия, осталась всего одна тетка семидесяти пяти лет. До семидесяти шести она не дожила.

Я вспомнил об этом, когда лопата наткнулась на гроб. Это было не просто столкновение с чем-то твердым, это был

стук. Полый стук, потому что за деревянной крышкой оставался воздух. Как будто я стучал куда-то, в другое измерение: копал-копал и наткнулся на это. Постучал в чужую дверь.

Вроде, всего ничего, но по спине мурашки забегали.

Крышка треснула. Может, разбилась, когда закапывали, от веса земли. Может, ее сломали мы с Ярославом, топча в раскапываемой яме. Это не так важно – главное, что я понял: мы уже стоим на покойнице. Уже минут десять, пока копаем. Сверху на ней лежала земля и обломки крышки, а уже на всем этом – наши ноги, но я представлял это не так. Я думал, мы будем отдирать крышку гроба, а не давить мертвое мясо ступнями, как виноград для вина.

Я стоял со стороны ее головы.

Раньше я думал, что резать трупы – самая противная вещь на свете. Но после того, как увидел уже порезанный и закопанный труп, я понял, что предела отвратительности попросту не существует. Порезанное нами тело теперь еще и припорошилось свежей землей, остатки которой мы голыми руками вычерпывали из гроба.

Яма у нас получилась кривая, как кратер от метеорита или входное отверстие снаряда: лунка с углублением посередине. По бокам могилы оставалась толща земли, с которой к нам, в середину, периодически сходили лавины песка – мы вычерпывали и вычерпывали, а земли становилось все больше. По центру ямы мы уже видели платье, в котором зако-

пали бабу, а ее голова и ноги оставались в земле. Это мне нравилось: создавалось ощущение, что мы не до конца разворошили могилу, пока не видели лица покойницы. Не тревожили ее сон.

Сам я не собирался лезь руками в то, что лежало в гробу. Ярослав тоже. Над нами, опираясь на древко воткнутой в землю лопаты, Артур потягивал уже четвертую сигарету. А мы стояли в яме, и под ногами у нас лежал труп.

Если бы год назад вы сказали мне, что я разорю могилу, я бы... я бы вас послал куда подальше.

Я помнил, как закапывали мою тетку. Четыре мужика, которым заплатили, опускали в яму гроб. Они спускали неровно, и гроб дрожал – я думал, что так нельзя и кто-нибудь из родственников вокруг меня станет ругать этих рабочих, чтоб делали поровнее. Но ругаться никто не стал. Я тогда подумал, что, должно быть, единственный человек, которому до покойницы дело есть, лежит в гробу. И человек этот уже никому ничего не скажет.

На самом деле на мертвецов всем плевать.

Стоя в могиле я думал о том, что действительно нахожусь в другом мире. Когда ты стоишь на земле и знаешь, что под тобой покойники – это одно. Но когда ты находишься в яме и знаешь, что покойники повсюду... я понял: будь земля прозрачной – до ближайшего из соседей этой бабушки я смог бы дотянуться рукой. Они лежали совсем рядом. И я пришел к ним в гости. Я, человек, который крутил их мясо в фарш.

Ярослав об этом не думал, он уже копошился внизу. В останках той старухи.

Места в нашей яме было очень мало, поэтому для того, чтобы там покопаться, Ярослав сел на корточки и сунулся почти что мне между ног. Я отпрянул назад, обтерся об стенку могилы и вызвал целый оползень, который хлынул прямо на Ярослава.

– Ты что творишь?! – заорал Ярослав, закрывая лицо грязными руками. Я по-прежнему был только рад доставить ему какое-нибудь неудобство.

Помня о мертвецах кругом, теле старухи подо мной и мерзком Ярославе совсем близко, я полез прочь из могилы. Цеплялся за песок, который крошился и сходил вниз – на Ярослава, и упорно карабкался вверх. Артур продолжал наблюдать за нами, не говоря ни слова, я начинал паниковать из-за того, что выбраться никак не получалось, но тут из-под земли раздался голос:

– Нашел!

И тогда Артур дал мне руку.

После всего Артур безо всякой брезгливости сунул ключи в карман. Экий властелин ключей.

Закапывать яму обратно мы не хотели, но Артур нас вразумил:

– Вы же не хотите, чтобы родня мусарню на уши подняла? Они ж гроб проверят и увидят, что его содержимое с бумагами не сходится. Первые претензии ко мне будут, потому

что я тело им отдал, а я вас прикрывать не собираюсь.

Такой уж он разумный, наш Артур.

Так что следующие несколько часов мы с Ярославом кидали песок обратно в могилу. У песка, оказывается, есть свойство уменьшаться со временем: после наших раскопок могила как будто ужалась. Раньше над ней высился холмик, а теперь она вроде даже немного просела под уровень почвы.

Но, в конце концов, и содержимого в могиле стало поменьше аж на одну связку ключей.

Мы с Ярославом снова вернулись к Лаврентию в квартиру под утро, испачканные и уставшие. Артур довез нас до самого подъезда, и за это я его благодарил еще минут десять. Про себя.

Не снимая одежды, на которую налипло несколько килограмм земли с кладбища, я упал на диван и закрыл глаза. Сознание навязчиво покидало меня, я проваливался в сон, тело отказывалось слушаться – я устал до боли, а целебный сон наконец готов был на меня снизойти.

И вдруг из моего кармана зазвонил телефон.

Как я ослеп

Конечно, я взял трубку. Даже глаз не открывал, вслепую ткнул на кнопку. Мало ли. Вдруг у Артура проблемы. Вдруг ключи не те или он хочет предупредить меня, что к нашему подъезду уже подъехала милиция. Мало ли.

Через динамик я услышал голос Румани.

Я знал, где живет Артур. Уже через полчаса я шел к нему – сперва принял душ, переоделся и взглянул в зеркало: спросил у самого себя, что я за человек такой.

Конечно, мой визит Артура обрадовать не должен, но ведь это Артур. Он не рассердится.

В последний раз, когда я видел Румани, она рыдала. Ее вой все еще стоял в моих ушах и воспоминания о том дне вгоняли меня в ужас. С тех пор мы с ней еще не разговаривали.

Почему я согласился во второй раз? Из-за кошки. Я никогда не хотел причинять зло животным. Сердце разрывалось каждый раз, как на улице мимо пробежала собака с подбитой лапой, а тут такое. Румани никак не могла узнать обо всем, что мы сделали с тельцем бедной кошки, но я все равно хотел искупить свою вину перед ней. И её кошкой.

К тому же мне хотелось отвлечься. Хотелось увидеть реальных, настоящих, живых людей. Услышать их слова, понять, о чем они думают. Создать видимость того, что я один

из них. Влиться в общество живых и убедить самого себя в том, что моя душа не осталась навеки заключенной в той раскопанной могиле.

К тому же битва с Ярославом подняла мой моральный дух. Мне было очень приятно унижить Ярослава при даме. Наверно, мое отношение к Раде можно оправдать именно так: она ассоциировалась у меня с моментом, когда я поступал хорошо. Это поощрение моей личной морали.

А после той ночи я очень нуждался в личной морали.

Поэтому когда Румани позвонила и попросила довести ее до вокзала, я просто встал и пошел за машиной. Она спросила, есть ли у меня машина – я подумал и ответил: да, есть. У меня ведь есть Артур, а у него – машина.

Артур жил не очень далеко. Я шел примерно столько же, сколько до «дальней» пивной когда-то. Больше я не ходил так далеко, потому что не боялся Румани. Отныне и навеки веков.

Боялся только ее плача, который все еще иногда звенел у меня в ушах. Как будто в черепной коробке эхо ходило.

Где живет Артур я узнал, потому что он в первый же день знакомства предложил мне выпить у него пива. Артур мне сразу понравился.

И вот я позвонил в его дверь. Дверь открылась через полминуты, а за ней стоял чистый и свежий Артур в пижамных штанах и халате.

По сравнению с этим невозмутимым Аполлоном во всей

красе я был похож на бродячего пса.

– Их только не потеряй, – подмигнул мне Артур с доброй улыбкой, протягивая ключи от своей машины.

Даже уговаривать не пришлось.

Я всегда знал: человек, который зовет выпить пива в первый же день знакомства – это хороший человек.

Запах в машине стоял ужасный. Не знаю, почему не замечал этого ночью – от стресса или принюхался. Может, я отнесся к этому критически только потому, что ехал за девушкой. Не знаю. Так или иначе, времени на проветривание салона или покупку елочки-ароматизатора у меня не осталось: нужно как можно скорее забрать Румани, довезти до вокзала, поощрить свою личную мораль и лечь спать. Таков был мой план.

И план был отличный.

Но уже у дома Румани план опасно накренился, угрожая рухнуть в бездонную пропасть. Румани ехала не одна. С котом.

Я сразу понял, почему она не вызвала такси.

А еще я вспомнил про мертвую кошку.

Даже если бы Румани везла с собой целого слона, я во что бы то ни стало ее довез. Вместе со слонем. На тойоте Артура.

– Воняет тут, – сказала Румани, как только села.

– Наверно, мышь под сиденьем сдохла. – Я не улыбался, но она хихикнула.

Я очень давно не садился за руль. Мама с папой отдали ме-

ня в автошколу еще в семнадцать, когда я учился в одиннадцатом классе. Пока научился водить, уже стукнуло восемнадцать. Почему-то мои родители надеялись, что мне понадобится своя машина в будущем. Они даже хотели мне ее подарить. А потом я пошел в университет и они поняли, что мне ничего дарить не нужно.

Я начал терять их задолго до того, как стал безработным нищим без перспектив. А может, это они начали терять меня.

Румани выглядела очень помятой. Наверно, тоже не спала ночь. Тихо сидела рядом и гладила кота у себя на коленках. Ее взгляд отсутствовал на лице и безразлично присутствовал где-то в другом месте. Зато на лице присутствовали сухие губы, а само лицо было бледное и припухшее. И на ней не было ни грамма косметики! Я впервые видел ее лицо без боевого раскраса.

– Всегда так: уходишь ото всех, а потом возвращаешься и оказывается, что тебя уже никто и не ждёт, – вдруг хрипло сказала она. – Лучше бы и не уходить вовсе.

Прозвучало очень драматично, а я, как и всегда, не знал, что на это ответить. Я понял, что драма с Ярославом еще не исчерпана, но больше Румани не хотела плакать.

– Нет, почему же. Если никто не ждёт, значит, уйти надо навсегда, – неожиданно даже для самого себя ответил я. Мне вдруг захотелось поддержать ее в нынешней суровой манере.

Сдержанность всегда меня впечатляла. Неважно, по пово-

ду или без.

На этом наш с ней диалог закончился. Она ушла в свои мысли, а я пытался не уснуть, вцепившись в руль обеими руками.

Кот на коленях Румани ни мыслительным процессом, ни усталостью не страдал. А самое главное, не паниковал и не бегал по машине, что меня крайне обрадовало. На тот момент. Ехали молча, кот вел носом, Румани смотрела в окно, я – на пустую дорогу.

– Я уезжаю отсюда. Насовсем.

Сначала я даже не понял. Не хотел терять из виду дорогу, потому что после бессонных ночей реакция у меня всегда замедляется – я не смотрел в сторону Румани. Переспросил:

– Насовсем?

– Да. Сегодня мы с тобой в последний раз видимся.

И тогда я понял.

Конечно, мы с ней не слишком близки. Слишком – это я о том, как они сблизилась с Ярославом. Но я не знаю, почему нельзя привязаться к той, с которой ни разу не спал. Я привязался.

– Куда поедешь? – спросил я, как ни в чем не бывало. Не хотел, чтобы она знала, как мне тяжело ее отпускать.

– Поступать буду.

– С чего вдруг?

– Вспомнила, о чем мечтала.

Это хорошо. Мечтать хорошо. Не знаю насчет исполнения

мечт, потому что мои не сбывались ни разу, но мечтать приятно.

– Умница, – выдохнул я. При мысли о том, что она продолжит жить где-то далеко и я ее больше не увижу, мне стало обидно. Я бы хотел, чтобы она про меня не забывала.

– Я тебе позвоню, когда приеду.

Как будто мысли мои прочитала.

– Зачем?

Я даже не нервничал, правда хотел знать ответ. Хотел услышать что-то вроде:

«Я буду по тебе скучать».

Но она сказала:

– Ладно, как хочешь.

А ведь я мог сказать ей, что позвоню сам. Но не стал.

Кот пролез назад. Я очень надеялся, что он не насыт, но Румани убедила меня в его добропорядочности. Кот действительно не ссал, он начал шуршать. Мне было до лампочки, чем он там шуршит, а Румани, видимо, следила за рационом своей животинки – полезла смотреть, чем же он там шуршит. Полезла между сидениями, изрядно меня зажав, и напрасно я говорил ей:

– Давай ты сейчас просто возьми его на руки, а посмотрим, когда остановимся? – Потому что она отвечала:

– Да я быстро, только гляну и все.

А потом Румани завизжала и навалилась на меня.

В этом нет ничего плохого, в том, что Румани на меня

навалилась. По ряду причин это даже приятно, потому что Румани красивая. Я бы обрадовался соприкосновению с ее телом, если бы не держал в это время руль. Как раз на ту руку, которой я его держал, Румани и упала – упала и руль дернулся, а вместе с ним дернулась и вся машина.

Пока я тщетно пытался выровнять тойоту Артура, кот, как ошпаренный, носился по салону. У кота сработал прекрасный инстинкт – инстинкт самосохранения, и кот пытался выбраться из смертельно опасного положения. Я бы хотел, что мой инстинкт самосохранения работал так же хорошо и не позволил мне, к примеру, садиться в тот день за руль.

В какой-то момент кот нашел себе надежное пристанище в лице моего лица. Просто прыгнул на голову и вцепился своими когтями в череп.

Сказать, что мне было больно – это не сказать ничего. Творилась какая-то адская вакханалия: в хаотично вертящейся по асфальту машине истерично орала девушка и плакал парень с котом на голове. Да, я рыдал, как ребенок, но не мог отпустить руль и скинуть животное. Вернее, не мог до тех пор, пока волчком закрученную машину не унесло в кювет, но, когда ее полет пришел к логическому завершению, кот сам спрыгнул с меня и улизнул в разбившееся окно. Больше я его никогда не видел.

Больше я вообще ничего не видел.

Я очень рад, что мы тогда не перевернулись. За это я благодарю Господа.

По ощущениям весь я остался цел, если не считать широких кровоточащих полос, оставленных когтями кота. Они горели огнем. Кровь, которая текла из них бесконечным потоком, залила мне глаза.

Я ничего не говорил, поэтому стояла тишина. Где находилась Румани я не знал – знал только, что она молчала.

Все случилось в небольшом лесу, и вот это хорошо. Хорошо потому, что без свидетелей. В то же время плохо, потому что никто не шел к нам на помощь.

Толково протереть глаза я не мог. Давил пальцами на веки и втирал кровавые катышки между век, отчего глаза щипало. В общем, делал только хуже. Чтобы не ослепнуть окончательно, я решил попросить помощи у кого-то из своих и достал телефон из кармана. Осталось только вслепую натывать в нем чей-нибудь номер – Артура, Сагира, Ярослава – да хоть Лаврентия! Или даже Румани. Пускай промоет мне глаза своей рукой. Пусть положит мою голову на колени и погладит по щеке. Пусть скажет, что все будет хорошо.

Страх – это нормально, я разрешаю себе бояться.

Дорога пустовала, потому что я поехал в объезд основной – по такой хорошо, если хоть одна машина за утро проедет. И эта одна-единственная машина была в то утро нашей.

Так я думал, пока не услышал вдалеке шелест шин по асфальту.

Когда я понял, что кто-то едет в нашу сторону, я сперва обрадовался. Наверно, это естественно для людей, которые

попали в беду: радоваться, если рядом появляется кто-то человеческий и разумный. Но потом я пожалел и о том, что обрадовался, и о том, что кто-то едет в нашу сторону: захотел, чтобы этот кто-то свернул или проехал мимо. Мне не нужно внимание со стороны скорой и полиции, мне не нужно, чтобы машину Артура кто-то трогал без его ведома – я еще не знал, в каком она состоянии, но все еще должен был отдать ее в руки владельцу. Как минимум я знал, что окна мы не открывали, а кот и Кира несмотря на это покинули машину – не по своей воле и не через дверь. Значит, какое-нибудь из окон наверняка разбилось. Как и почему – кто знает.

В общем, я не мог определиться, рад я или все же не рад гостям, пока неизвестная машина неумолимо приближалась. Чем ближе она подъезжала, тем больше я волновался. У меня холодели руки и ноги. Я не знал, что увидят люди, когда подойдут ко мне: катастрофу или просто машину, съехавшую на обочину. Я не знал даже, рискнут ли они подойти, будет ли им до меня дело.

Им не должно быть дела: помогать кому-то – себе дороже. Они наверняка спешат или боятся опоздать, у них должна быть тысяча и одна причина, чтобы не помогать нам. Мне. И я бы не осудил ни одну из этих причин: я всегда могу понять, когда человек делает выбор в свою пользу, я сам такой же. Если бы мы с Румани проезжали мимо разбитой машины и страдающих среди ее обломков людей, я бы даже не посмотрел в их сторону.

А те, кто проезжал мимо, посмотрели.

Когда чужая машина остановилась, я возненавидел и водителя в ней, и себя, и Румани, из-за которой сидел в машине с залитыми кровью глазами, а не спал. Хотя она, конечно, ни в чем не виновата. Я сам захотел ей помочь.

Как всегда.

Чьи-то торопливые шаги прошуршали у меня под ухом.

– О боже, вы в порядке? – спрашивал никто из ниоткуда.

– Не знаю, – честно ответил я. – Я ничего не вижу.

– О боже... – запричитали снаружи.

– Если хотите мне помочь, можете промыть мне глаза, – деловито предложил я. – Если у вас есть, чем.

Ответом мне была тишина. Шуршали опавшие листья – похоже, голос меня покинул.

– Минералка пойдет? – появился он снова.

– Не знаю. Попробуйте.

Моим глазам хуже не будет. Слепну – черт с ним, я уже учусь жить без картинок.

Листья пошуршали в обход – и вот кто-то, открыв мою дверь, задышал у меня под ухом.

– Будет лучше, если вы подвинетесь сюда, – смущенно, как будто попросив меня снять штаны, сообщил голос.

Я подвинулся.

На мое лицо полилась вода. Оказалось, минералка и глаза – штуки несовместимые, особенно если глаза уставшие и залитые кровью. Я шипел, но держал их открытыми, потом

начал тереть руками.

Стало темно. Вода перестала литься, голос исчез.

Перед глазами все еще было темно, как будто я ослеп. Я решил, что паниковать из-за потери зрения не нужно, а нужно подождать на случай, если слепота временная. Хотя, если она не временная, то ожидание, может, лишит меня зрения навсегда.

Когда у тебя нет медицинского образования, последствия увечий тела – это что-то вроде лотереи.

Но в моем случае – скорее русская рулетка.

– Ну как? – спросил меня мой новый друг, который, оказывается, все еще стоял рядом. Я ответил:

– Не знаю.

Голос вздохнул. Как сентиментально! Вдруг мне пришла в голову хорошая мысль. Я поднял свой телефон и протянул, как мне казалось, в сторону моего помощника.

– Найдите в контактах Артура и позвоните ему, – сказал я, и телефон вытащили из моих пальцев.

Артур был самым надежным и спокойным человеком из всех, кому я только мог позвонить в такой ситуации. К тому же, машина принадлежала ему. Я не знал, как он отреагирует на то, что его машина пережила аварию, но скрывать это от него я не собирался. Да и не смог бы.

– Алло, Артур? – раздался голос совсем рядом, и я воскликнул:

– Мне трубку, мне!

Телефон поспешно воткнули обратно в мою протянутую ладонь.

– Артур? – взволнованно уточнил я в динамик, приложив к уху микрофон.

– Да кто еще, – ответил Артур мне в рот, и я перевернул телефон. – Ключи не потерял?

– Нет.

– Это хорошо. Машина у тебя?

– Да.

– Это хорошо. А что тогда?

– Я не знаю, – честно сказал я. – Ты можешь подъехать на дорогу за городом? Ту, что у железной?

– На чем?

– Такси, маршрутка, велосипед – не знаю я! – отчаянно воскликнул я.

– Ярослав знает? – спросил вдруг Артур.

– А он тут причем?

– Значит, сначала за ним заеду.

– На чем?

– Пока не знаю.

Я вздохнул.

– Ладно, только побыстрее, я тебя умоляю.

В трубке послышались гудки. Я снова остался один.

Но теперь я по крайней мере знал, чего ждать.

Глаза держал закрытыми, чтоб они хоть немного отдохнули. Что я буду делать, если останусь слепым? У меня будет

палка или собака-поводырь? А может, все сразу? Я буду носить очки или пугать всех своим невидящим взглядом?

Может, Лаврентий и Ярослав сдадут меня в дом инвалидов, а довезет меня Артур на этой самой машине. Если от нее еще хоть что-то осталось, конечно.

Не знаю, сколько времени я провел так, в тишине и темноте, пока снова не услышал шелест шин по асфальту. Он прервался совсем близко, и я различил знакомые голоса.

– Вот он, орел, ты посмотри! – с издевкой сказал Ярослав.

Наверно, он был недоволен тем, что его разбудили. В этом я его понимал.

– Да не кипятись ты, – осадил его как всегда невозмутимый Артур. – Посмотрим сначала, что с ним.

По крайней мере, они не попадали в обмороки от вида машины. Уже этому я радовался, как новогоднему подарку под елкой. Глаза открыть еще боялся. Не шевелился и вообще не подавал никаких признаков жизни – я устал, оставьте меня. Спасибо, что приехали, теперь я чувствую себя лучше. Но оставьте.

– Эй! – воскликнул Ярослав совсем близко. – Он там сдох, что ли?

– Ты зазря не наговаривай, – снова осадил его Артур.

– А это кто? – вдруг спросил Ярослав, и я мигом открыл глаза.

Оказалось, я уже могу видеть. Почему-то от внезапного вопроса Ярослава я напрочь забыл, что ослеп.

И я узнал, что мой новый друг все это время стоял рядом.

Не очень высокий и не очень низкий, среднего, как говорится, роста. Лицо круглое, стрижка, рубашка-поло и отглаженные штаны – такой весь из себя обычный и... хороший.

– Я Миша, – представился он, когда понял, что я на него смотрю. И глуповато улыбнулся.

– Миша мне жизнь спас, – объявил я.

– Спас от чего? – уточнил Ярослав, скептически смотря на меня.

Я вдруг понял, что все это не выглядит трагедией. Машина просто завязла в грязи, а наше кручение оставило разве что стертые шины и полосы на асфальте. Царапины от кошачьих когтей на моей голове скрыли волосы, крови на моем лице осталось немного после того, как я умылся.

Навряд ли кто-то поверил бы, что я ослеп. Навряд ли кто-то смог бы прочувствовать все, что я пережил в неизвестности.

– Найдите Румани, – просто сказал я откинувшись на сидении.

Ярослав нервно рассмеялся.

И вдруг я вскочил, как ошпаренный.

Я вспомнил.

Рывком открыв дверь машины я высыпался наружу, как картошка из мешка. Чуть не упал лицом в грязь, которая была везде, куда только мог дотянуться глаз – вся обочина вдоль дороги состояла из грязи едва не до горизонта. Вылез

из машины и снова чуть не упал, поскользываясь на жидкой грязи, цепляясь за машину и снова поскользываясь. Быстро перебирал ногами, как будто не шел по жиже, а плыл по ней, лихорадочно стуча открытыми ладонями по серебристому борту.

Ярослав даже никак не комментировал увиденное – просто смотрел, как я барахтаюсь в грязи. Артур занялся делом и все-таки пошел искать Румани. В Артуре я никогда не сомневался, Артура я уважаю.

Когда я добрался до пассажирской двери, я открыл ее и ввалился в салон. Я не думал о том, чтобы сесть как положено – я плыл точно так же, как плыл по грязи – я ввалился обратно в машину и полз на локтях, пачкая обивку обмазанными грязью штанами. Я остервенело вкапывался вглубь салона, пока не нашел то, что искал. Пакет под сиденьем.

Все, что меня занимало на тот момент – это вопрос: почему? Из-за чего? Что послужило катализатором?

Пакет был большой и непрозрачный, набитый доверху. Когда я дотронулся до него, оказалось, что он еще и холодный.

Я примерно догадывался, что там может быть.

Там и вправду лежал кусочек человеческой кожи с живота, с пупком. А еще вырезанный и немного подвялый человеческий орган. Поджелудочная, наверное.

Вечером мы перетаскали все пакеты в холодильник, но этот остался. Закатился под сидение и его никто не заметил.

После того, как я нашел разгадку на свой вопрос, меня охватила эйфория и экстаз. Я выпал из машины прямо в грязь, раскинул руки и ноги в стороны и блаженно заулыбался.

Вдруг надо мной возник Артур, держа на руках Румани.

– У нее нога то ли сломана, то ли вывихнута. Еще поцарапана немного, но жить будет.

– Конечно, буду, – возмущенно ответила Румани, казавшаяся до того момента спящей. – Тут и гадать нечего.

Потом я вдруг понял, что окна в машине целы.

– Так тебя не через окно выбросило? – спросил я у Румани.

– Нет, конечно, – ответила она. – Я сама вышла, после того как увидела...

И она замолчала. То ли от страха, то ли от отвращения. А может, решила, что будет лучше не говорить том, что она знает. Я всегда верил, что Румани умная.

– Нам надо машину из грязи вытолкнуть, – сказал Артур ей, – а ты пока посиди.

Он опустил Румани на траву и подошел ко мне. Я с подозрением посмотрел на него, все еще лежа в грязи.

– Что?

– Нам надо машину из грязи вытолкнуть, – повторил Артур.

– Так и толкайте.

– Вдвоем?

– Миш, поможешь? – окликнул я и привстал.

Наконец-то у меня появился хоть один знакомый, не опороченный знакомством с Ярославом. Настоящий друг, который спас мне жизнь и проявил участие в трудный момент.

Но когда я осмотрелся, оказалось, что Миши уже нет. Очевидно, мы ему не понравились.

Я понял, что толкать машину придется нам втроем.

Сказать, что после ночи на кладбище это было самым неподходящим занятием – это... а, впрочем, ладно. Машину мы вытолкали, но потом выяснили, что Румани еще и ехать в ней не хочет – мол, после того, в пакете. Пришлось вызвать такси.

Вот так у нас появилась очередная проблема.

Румани кое-что увидела. Конечно, мы не могли ее просто отпустить.

Я было подумал, что Артур сможет помочь с ее сломанной ногой, но он ответил:

– Я только с покойниками умею работать, а она еще жива.

Ситуация, казалось бы, безвыходная. Ярослав знал, что нужно сделать: я читал это по его глазам. Я и сам знал, что это нужно сделать. И я знал, что он сделает это, если у него появится такая возможность.

Но пока я рядом, такой возможности у него не будет.

Мы внесли Румани в ту комнату, где жил я. Румани не возражала. В смысле, она вообще ни слова не сказала и не поднимала на нас глаз. Я знаю: она была умная, она знала,

что к чему.

Как же хорошо, что она на меня не смотрела. Я бы не выдержал ее взгляда.

Только потом, когда мы все вышли и оставили ее одну, я понял, что весь с ног головы перемазан грязью, а вся моя одежда осталась в той комнате, и сама по себе проблема смешная, но моя психика, похоже, истоцилась начисто, так что эта смешная проблема заняла все мои мысли. Конечно, она была смешной, но она была насущной и существенной, и я не знал, что делать.

Я не знал, что делать. Я не думал о том, где бы достать одежду – я просто завис посреди коридора и паниковал. В голове образовался сосущий вакуум и все мое тело тряслось в панике. Я не знал, что мне делать.

Я не знал, что мне делать минут пять или час. Принялся беспорядочно ходить взад-вперед по коридору и озирался вокруг, как будто хотел увидеть решение всех своих проблем и узнать наконец, что делать.

Но проблем у меня не было. Проблема была всего одна.

Найти штаны.

Я понял это и остановился на месте. Замер. Паника вдруг куда-то улетучилась! Я почувствовал, что тело стало легче, когда эта тяжесть наконец свалила с моих плеч. Тело расслабилось и жизнь кругом заиграла красками.

Найти штаны. Всего-то.

Ночью я раскопал могилу, пару часов назад чуть не ослеп

и теперь в моей комнате сидит девушка, которую я не могу отпустить, а еще у нее сломана нога. Но мне нужно просто найти штаны.

Ванная. Там на полу лежат спортивные штаны Ярослава. Вот так легко я решил свою проблему.

Пока я снимал с себя свою грязную, окровавленную одежду, я не думал ни о чем, а дойдя до трусов решил, что уж их-то можно оставить, ведь за новыми точно придется идти в спальню, черт, а можно обойтись и вовсе без них – ладно, сегодня на мне не будет трусов, хотя нет, можно ведь остаться в тех, что на мне...

Я посмотрел в зеркало и увидел на своих щеках слезы.

Вдруг в дверь позвонили. Звонили долго. Я все ждал, пока кто-нибудь кроме меня ее откроет – с меня хватит, правда, я устал, я так чертовски устал.

Звонок трещал уже несколько минут. Наверно, открывать кроме меня некому – так я подумал и открыл прям как был, в трусах. Штаны надеть не успел.

На пороге стояла соседка снизу. Та, которую мы затопили. А я, если честно, все еще чертовски хотел спать.

– Мне казалось, вы уехали, – сказала соседка.

– Да? – я приподнял брови в тоне светской беседы. – С чего вдруг?

Соседка улыбнулась.

– Давно вас не видела.

Я отметил, что она само очарование, когда не хочет меня

убить за течь в потолке.

– Вы правы, я уезжал. Вернулся уже.

Она закивала.

– Я с вашим соседом говорила, – это она, должно быть, про Лаврентия. – Он обещал заплатить за ремонт. Мне неловко с вами об этом говорить, но он не отвечает на звонки, а срок уже давно вышел.

Конечно, вышел. Уже почти полгода прошло.

– Я понимаю, – поспешно заверил я. – Сколько мы вам должны?

Милая соседка с заметным облегчением выдохнула.

– Пятнадцать тысяч, – сказала она самым милым тоном на свете. Я ожидал другой суммы – она заметила, как вытянулось мое лицо, и добавила: – я мастера нанимала, пришлось проводку перекладывать.

Я кивнул.

Полгода назад, когда все это произошло, такая сумма прозвучала бы для меня смертным приговором. Для человека, который не получает зарплаты и живет на пособие, пятнадцать тысяч – это миллион. Но за полгода я стал платежеспособным. Я мог выплатить эти деньги. Не сразу, но мог.

– Хорошо, я вам заплачу, – спокойно сказал я. Просто сказал и все.

Я, черт возьми, согласился заплатить. Мне это было раз плюнуть.

Соседка обомлела.

– Да?

– Не прямо сейчас, – поспешно уточнил я, и она немного угасла. – Но заплачу.

Я чувствовал себя очень хорошо. Я взял на себя ответственность, решал проблему. Я был настоящим мужиком.

– Спасибо, – улыбнулась соседка, и я улыбнулся ей в ответ.

– Всего доброго, – сказал я, и она развернулась.

Прежде, чем я закрыл дверь, прежде, чем соседка дошла до лестницы и прежде, чем я понял, что происходит, из закрытой комнаты раздался вопль:

– Помогите!

И я с силой захлопнул дверь.

Черт возьми. Черт.

Закат

Я всегда знал, что не создан для нищенской жизни, но все же как-то слишком быстро привык к деньгам. Но богатым я и не стал. Просто теперь у меня появилась возможность хорошо питаться и покупать себе новую одежду.

Как выяснилось, существует много безработных людей, которые умеют готовить. Нелегалы, как и наши санитары, соглашались почти на любую работу. Собственно, именно санитары свели нас с рабочей силой. Проверенные люди, не с улицы. Квартира превратилась в проходной двор, только дверь к Румани оставалась запертой – наемные рабочие приходили и уходили, двери мы не запирали, чтоб не выдавать каждому по ключу, а домофон на двери в подъезд пришлось сломать.

Такие вещи как защита частной собственности вредят малому бизнесу.

Артур стал нашим основным транспортом. Это Ярослав спланировал уже давно. Но помимо этого Ярослав планировал, что нам больше ничего не придется делать – только контролировать рабочий процесс. В расчете он ошибся: мы и готовили вместе с нашими поварами и разгружали машину Артура вчетвером. Я, Ярослав, Лаврентий и сам Артур.

Ну, с математикой у Ярослава никогда не складывалось.

Лаврентий заделался бухгалтером. Он вообще был парень

умный, а еще очень хорошо ладил с техникой. Вел учет нашего «ИПЭ» и даже платил налоги.

В общем, не при делах в квартире осталась только Румани. Она очень грустила по этому поводу. Ох, так грустила!

Она больше не кричала, потому что Ярослав заклеил ей рот. Она стучала по батарее – чтобы не стучала, надо было перенести ее на другое место, а никто из нас этого делать не хотел. Поэтому нам приходилось терпеть этот стук, хотя звук, скажу я вам, не из приятных.

Нам все-таки очень повезло, что Румани женщина: мужчину удержать мы бы не смогли. Как хорошо, что женщины слабее мужчин! Плохо, что их словам верят, но это плохо для Румани, не для нас. Всего каких-нибудь двести лет назад ее бы посчитали душевнобольной, расскажи она кому-то о том, что видела – тогда нам бы не пришлось держать ее взаперти и ее нога, может, была бы в порядке.

Мы так и не нашли никого, кто мог бы вправить ей перелом, поэтому нога неестественно вывернулась и почернела. От нее дурно пахло.

Я никогда не думал о том, как Румани себя чувствовала. Но в один прекрасный день я сел и снова написал предсмертную записку. Я не делал этого уже полгода, а тут сел и стал писать.

Когда-то я писал ее для родителей, теперь – для Ярослава, Лаврентия и санитаров. Еще вспомнил про соседку снизу. С Румани было сложно: я не знал, завещать ей или ее.

А все потому, что одному из родственников трупа, который мы покромсали, приспичило заглянуть в гроб.

Этот родственник прямо на похоронах обнаружил, что вместо бабушки или дедушки, мамы или папы, брата или сестры в гробу ниже головы лежит только скелет, да и то не весь.

После совсем уж короткого расследования Сагира арестовали, потому что именно он отдавал то тело. Нам пришлось прикрыть лавочку.

Мы больше не могли получать мясо из своего главного источника, поэтому для одной партии его пришлось купить на свои деньги, в магазине. Мы просто не знали, где еще. Мы скупили все мясо, что лежало на прилавках, точно так же перемололи в фарш и не меняли рецептуру.

Потом, правда, Лаврентий все-таки вспомнил про родственников в деревне и слезно попросил их прислать пару туш, но покупное мясо все равно ощутимо ударило по нашему бюджету.

Наше предприятие по утилизации медицинских отходов стало почти бесполезным. В других моргах нам давали жалкие крупички и за ними приходилось ходить пешком. Даже тачка пропала вместе с Сагиром.

Помимо прочего после того, как в наших пирожках изменилось мясо, их перестали брать. Первое время клиенты шли на прикормленное место, но уже совсем скоро целые лотки оставались тухнуть на прилавках.

– Я спокоен! Я счастлив! Я на позитиве! Я просто фея добра и радости! – орал Ярослав.

А я вспоминал, как папа заваливал чайный пакетик по четыре раза. Для этого пакетик нужно вовремя вынимать и оставлять на блюде. Мама жалела денег на новые колготки и без конца зашивала старые. Ей было жалко покупать что-то готовое в магазине, она все готовила сама.

Потому что мы по-настоящему разорились. Наверное, это происходит именно так.

Хотя предприятие оформили на меня, так что это я разорился и все потерял. Негласно я был самым несчастным из нашей тройки. Конечно, глупо приписывать всю беду себе, это только символический жест. На самом деле мы все сидели в одной лодке. А лодка – да, неумолимо шла ко дну.

Но если честно, хуже всего пришлось Лаврентию. Он узнал об этом, когда привезли мясо. Та самая бабушка, благодаря которой мы не умерли голодной смертью в самые тяжелые времена, скончалась.

Да, беда не приходит одна.

Сложно скорбеть по человеку, о существовании которого ты узнал только после смерти. Для меня она была не живеёй, чем мясо для пирожков. И это странно! Чертовски странно, что я в глаза не видел человека, который, можно сказать, мне жизнь спас. Я и имени ее не знал. Но решил, что узнавать имя человека только после смерти – это дурной тон. Поэтому до сих пор не знаю.

Одно могло послужить утешением: на тот момент мы уже не работали в моргах, а значит, бабушка Лаврентия точно не попала бы в наши руки.

По счастью Лаврентий, хоть и писал стихи, сентиментальным не был, поэтому не стал размусоливать в нашем дружеском кругу свою потерю. Он вообще никак не показывал, что у него есть больше прав на скорбь, чем у нас. Когда я только узнал о смерти его бабушки, я вознамерился выразить ему соболезнования, а он сказал – даже прежде, чем я открыл рот:

– Ты ничем не сможешь мне помочь.

– Я постараюсь не мешать, – смиренно ответил я.

– Я сказал это для того, чтобы ты не чувствовал вину за бездействие. Это не значит, что мне неприятно твоё присутствие.

– Вот это неожиданно, – признался я.

Мы с ним оба умолкли, а потом он вдруг серьезно сказал мне:

– Я общаюсь только с теми, за чье присутствие я благодарен.

Так серьезно сказал, как будто сообщил самую главную истину своей жизни. Открыл мне ее изнанку.

– Значит, у нас с тобой все не так уж и плохо?

Лаврентий улыбнулся.

– Конечно. Ты всегда давал мне понять, что существует не только мой мир – еще и твой.

Я сразу забыл про его измену. Ну, дружескую. С Ярославом.

На этом мои домашние обязанности подошли к концу. А когда на улице лето, сложно удержаться от соблазна выйти на прогулку. Солнце, птицы, зелень. В общем, хорошо летом на улице.

И я оставил их: Лаврентия – в его скорби, Ярослава – в его суете. Я вспомнил, что в городе есть много всего интересно-го, и пошел на набережную. Румани сидела на привязи, вот и получилось, что я пошел один.

Красная вода плескалась о берег, над ней висел такой же красный закат. Я уже давно не обращал внимания на красоты природы, а теперь мне стало на них гораздо более, чем похрен. Похрен в кубической степени.

Я потерял деньги. Я потерял столько денег, сколько у меня не было ни разу за всю мою жизнь.

Это чувство переполняло меня. Чувство счастья.

Если я их потерял, значит, я их заработал. Я имел право потерять такие деньги.

Воспитание

Когда я шел домой, закат уже иссяк; я выпил его до дна, впитал все оттенки окончания того ужасного дня и чувствовал себя победителем. Я жив, день – нет. У меня будет завтра, у сегодня не осталось ничего, кроме жалкого вчера.

Мне казалось, я в порядке ровно до тех пор, пока жив. Раньше со мной такого не было: ни когда я лежал в больнице с поломанными и расщепленными костями, ни когда я лежал без денег на том диване, где теперь спала Румани, и думал только о том, как бы найти пиво. Ни даже тогда, когда я перемалывал покойников в фарш, хотя, казалось бы, созерцание чужой смерти должно отсрочить предчувствие собственной – они мертвы, а я нет. Это ли не везение?

Конечно, эта палка о двух концах: можно вспомнить о том, что в тебе находится точно такое же мясо, которое можно перемолоть в фарш. Как посмотреть.

Лично я с недавнего времени решил не смотреть никак. Я приучал свою голову не думать о том, что нам с ней неприятно или, того хуже, печально; после заката я твердо решил не грустить вообще, немного раньше – понял, что грустить мне нежелательно. Мало того, что настроение ухудшается, так еще и работоспособность падает. Ничего положительного, кругом и рядом один мрак. Так всегда бывает, если вдруг получается, что кто-то или что-то (а может, даже я сам) меня

расстроит.

Решение нелегкое, да и жить без грусти я не привык. Всегда прощал себе эту слабость: периодически впадать в меланхолию и предаваться размышлениям о неприятных составляющих жизни. Но решение бросить грустить – единственное полезное решение за всю мою осознанную жизнь. Всем рекомендую!

Я шел домой по людной улице. В теплое время года и позднее время суток на широких бульварах всегда так. Людно. Но я не думал о неприятных составляющих жизни. Как оказалось, если я не думаю о них, то я не думаю вовсе, и вот это уже нелегко: прервать внутренний монолог и погрузиться в тишину, не заполняя ее воплями своего мерзопакостного нутра, которое только и ждет повода пожалеть себя.

Так вот, пока я шел по улице, погода стояла не холодная. Теплая. А воздух – густой и душный, и все вокруг голубовато из-за спустившихся сумерек, а небо – зеленовато на западе и темно-синее к востоку.

В такое время на теле города особенно темными пятнами густятся дворы. Окошки домов светятся самыми разными цветами под цвет штор, если они задернуты, и люстр, если нет. Я чувствовал себя уютно.

Я чувствовал себя уютно до тех пор, пока не увидел силуэт возле нашего подъезда.

Дело в том, что я узнал этот силуэт.

– Мой брат из-за тебя в ментовке, – дрожащим голосом

проблеяла Кадира, когда я еще даже не поравнялся с ней. – Из-за вас всех. И ваших пирожков.

– Да не из-за нас он, его как мигранта повязали, – попытался соскочить я.

Глаза Кадиры расширились настолько, что чуть не выпали из глазни, а массивный нос сморщился. Она заревела:

– Ты мудака!

А я никак не мог с этим согласиться.

– Ну почему же?

– Да потому, что мы оба тут родились! Мало того, что ма-
няк, так еще и врун!

Представители моего поколения всегда оценивают боевую готовность противника, когда есть повод ему нахамить. Прикидывают вес и шансы.

Конечно, не мне учить ее манерам. Но что я мог поделывать, если ее старший брат в тюрьме? Я должен был как минимум провести воспитательную беседу. Как еще поступить с ребенком, который не умеет себя вести!

И я схватил ее за волосы – за толстый хвост блестящих черных волос, – и дернул к себе.

Она закричала.

– Тебя никто не учил за базаром следить? – прошипел я.

К сожалению, она не оценила мои старания ее воспитать. Слишком была занята своими воплями.

А я, в свою очередь, не стал оценивать ее вопли. Чтоб по-честному.

Теперь она уже не казалась такой свирепой, как встретивший меня злой подросток. На лице один страх, тушь потекла, ноги неуклюже расставлены в стороны.

Я шлепнул ее по щеке ладонью наотмашь. Я сделал это просто потому, что мне захотелось – только потом понял, что это была пощечина, но определение дела не изменило. После этого она перестала вопить и тихо заскулила.

Поначалу я опасался, что кто-то всполошится шумом и, чего доброго, вызовет милицию, но окна пустовали. Ни одна штора не двигалась, ни одно лицо не выглянуло наружу. Это прибавило мне уверенности.

После третьего или четвертого удара она отчаянно заплакала. Я видел, как слезы стекают по ее щекам в свете уличных фонарей.

И я вспомнил про свою мать.

О, моя мать.

Когда я в детстве делал что-то не так, моя мамочка не ругалась: она плакала. Но из-за этого я не принимался делать все хорошо, лишь бы не расстраивать мамочку. Просто став взрослым я чувствую себя, как дома, когда при мне плачет женщина.

И вот передо мной рыдает Кадира. Что она пытается этим доказать? Неужто думает, что я сжалюсь, увидев ее боль – думает, я делаю все только для того, чтобы ей стало больно. Разумеется! Не для того же, чтобы научить ее вести себя со старшими!

Но что она вообще знает о боли. Моя боль непрерывна уже много лет.

Дома меня ждали Ярослав и Лаврентий. По крайней мере они не причиняли мне боль чаще одного раза в неделю. За это их можно считать моими друзьями.

Я вспомнил наш разговор с Румани. Она тогда спросила что-то про друзей – ну что ж, Ярослав и Лаврентий мне друзья, это я знаю точно. Может быть, Румани тоже со мной дружит. Она ведь попросила подвезти ее тогда, правда? Чужих людей о таком не просят.

Я решил, что надо будет на днях зайти к ней и спросить, считает ли она меня своим другом. Я давно к ней не заходил. Мало того, что она смердела и выглядела, как бомжиха – с ней стало совершенно не о чем разговаривать! Она постоянно просила то воды, то отвязать ее. С водой, конечно, дела обстояли нормально – мы же не сволочи, мы ее поили. Но вот со свободой все обстояло гораздо сложнее.

Мне казалось, она сошла с ума. Но я никому об этом не говорил.

Больше всего дома меня раздражал стук. Кроме него меня почти ничего не раздражало, но стук был почти невыносим. Стучала Румани по батарее, стучал Лаврентий по клавиатуре. Мало того, что он вел бухгалтерию: он все еще оставался поэтом. Писал стихи. Комната Лаврентия приняла на себя бухгалтерские обязанности, включавшие ноутбук, принтер и целые коробки с папками. Не знаю, откуда появились папки,

мы ведь только открылись!

Но когда я пришел после встречи с Кадирой, она было тихо. Если считать дееспособных, в квартире находились только мы с Лаврентием. Ярослав с Артуром искали новое мясо. Лаврентия я снова считал своим другом, поэтому он мне улыбнулся и даже предложил зачем-то зайти к нему, в комнату и кабинет. Я зашел.

Лаврентий протянул мне лист с печатным текстом. Его рукописи я никогда не мог разобрать – такой у него был почерк, смесь шедевра абстракционизма и врачебной записки, – и он перепечатывал свои сочинения на компьютере, если хотел, чтобы я их прочитал. Теперь он их даже распечатать мог, потому что притащил в дом принтер для бухгалтерии, а раньше я читал прямо с монитора. Но Лаврентий никогда не сочинял стихи на компьютере, писал он только от руки. В компьютер печатал уже готовое.

На листе, строго по центру, лежали строфы. Лаврентий написал новую поэму и хотел, чтобы я ее прочитал первым. Как трогательно! Он точно мой друг.

Я начал читать.

Там было всего два слова: ты, я. Они разрастались и заполняли всю страницу, между ними попадались ещё какие-то слова, но эхо «ты и я» все ещё раздавалось в них, оно резонировало в пространстве между строками, оно отдавалось в каждой букве – как будто два атома, положившие начало всему в мире, кружились в вальсе по бумаге. Они существо-

вали всегда, они останутся навек.

А еще был третий. Будто бы снаружи, но в то же время везде. Как туман.

«И скажи наконец – почему со мной ты, а не с кем-то

Кроме меня, кто любил тебя несомненно пуще многих,

Кто, пожалуй, и плечи тебе укрывал, когда гибла

Ты, от холода моего ежась. Обнимал в тебе мир, рукой

Разводил твои, мной любимые, тучи. Брал нахрапом

Тебя в эти руки, по причинам предельно ясным. Я

Отдам тебя смело в эти – добрые, шире моих, объятия.

Только знать бы, где они водятся; эти гады умеют прятать-
ся,

Где он, родненький, только скажи мне:

Я найду, нареку тебе, чтоб была с ним —

Солнцем ясным, оставляй у меня лишь

Свои, мной любимые, тучи.

Пусть лежат на балконе с хламом,

Заслоняют собой мне солнце – то, которое ты, несомненно.

Он же будет тебе чем-то очень хорошим и светлым;

Но не солнцем, конечно,

Ибо имя ему – ты.

Все же надо с тобой нам его отыскать, чтобы он, долгожданный,

От меня тебя спас непременно».

Когда я выдохнул, Лаврентий оказался рядом. Он даже не смотрел на меня, а я сказал:

– Это сильно.

Он чуть приподнял уголки губ. Улыбка Джоконды.

Лаврентий не верил во вдохновение: он говорил, что вдохновение – отмазка для ленивых. Что есть только продуктивность. Состояние, в котором ты способен работать. Если работать ты не способен, то это, значит, не продуктивность. Еще от нее можно отдохнуть и набраться сил. Отдыхать, ра-

зумеется, нужно с умом, то есть и к этому прикладывать усилия. А те, кто ждет, пока к ним придет вдохновение – они дураки, и все тут.

Видели ли вы кого-то, кто отрицал бы муз сильнее, чем человек, которого они убили?

Лаврентий не верил во вдохновение и всегда отрицал существование муз.

Потому что его музой была она.

Конечно, стихи Лаврентий писал про нее. Про ту, которую мы оба любили когда-то, а он – так до сих пор. Может, я тоже ее люблю до сих пор. Я не уверен. Но я точно знаю, что тот стих Лаврентий написал про нее. И чувства в том стихе были от нас обоих.

Потом настало время кормить Румани. Я заварил ей лапшу быстрого приготовления в железной миске – ее она не могла разбить – и понес в комнату.

Она спала. Тишина мне понравилась. Обычно она начинает донимать тупыми вопросами, когда я снимаю кляп. Вроде «почему» и «за что».

Я поставил миску на пол и решил включить свет, чтобы она увидела еду, когда проснется.

При свете я увидел ее широко открытые глаза. Она правда лежала так, как будто спит.

Пороки цивилизации

Я впервые обрадовался тому, что мы умели измываться над трупами. Ну, вернее, Ярослав умел, а я почти не испытывал отвращения, наблюдая, как он резал кожу и вынимал внутренности из тел. Да и Лаврентий, как ни крути, мог ловко рубить туши топором.

И вот у него появится шанс показать себя в деле.

Кое-что не давало мне покоя. Ярослав давно говорил, что нам следует пустить Румани на фарш, а мы с Лавром стояли против. В итоге она все равно пошла на фарш, но перед этим успела сойти с ума и пережить самое страшное время в своей жизни. Сидела привязанная к батарее в моей комнате с загноившейся ногой.

Как это называется, гангрена?

Наверно, Румани хотела умереть гораздо раньше. Еще когда этого захотел Ярослав.

Но когда это случилось, Ярослава в квартире не было. Наш идейный вдохновитель, который бредил идеей разделить Румани, не застал момент.

Он вернулся домой поздно ночью. Мы с Лаврентием не спали: ждали его и размышляли о жизни. Вернее, об одной конкретной жизни, жизни Румани. И о том, как она оборвалась.

Конечно, относиться к Румани можно по-разному, но вот

обычной ее не назовешь. Это я могу заявить, положив руку на сердце. Она никогда не была для меня обычной. Даже когда я еще не знал ее имени. Она была моей болью, моим стыдом, моим искуплением. Она была для меня слишком многим.

Я понял, что надо рассказать все Кире. Она же подруга. Надо сказать, что Румани ей уже не позвонит. Почему только я знаю об этом – черт с ним, плевать, узнает ли она правду. Может, меня арестуют. Я решил, что мне плевать.

Но когда пришел Ярослав, мы с Лаврентием стояли в уголке, как нашкодившие дети. А он будто принял нашу игру – строго посмотрел на нас, как вернувшийся с работы отец.

Ярослав снял рюкзак и привалил его к стене. Я знал, что в рюкзаке мясо, и не собирался спрашивать, откуда оно. В вопросе мяса я достиг полного безразличия. Есть – хорошо, нет – еще лучше.

Ярослав, все еще в образе строгого отца, спросил:

– Ну?

А Лаврентий пояснил:

– Она скончалась.

– Кто?

– Дед Пихто, блин! – вспыхнул я. – Сам как думаешь?

Лицо Ярослава вдруг просияло, он поднял руки к потолку и затряс ими, восклицая:

– Наконец-то!

Эдакий восторг. Я как будто пса с цепи спустил.

Лаврентий захихикал. В его обращенном на Ярослава

взгляде явно читалось умиление. Я на них обоих смотрел, как на идиотов.

– Это не случайность, – вдруг серьезно сказал Ярослав, – это мясо даруется нам в тяжелые времена.

Уж не знаю, свыше или снизу этот знак, но времена действительно настали трудные. Мяса катастрофически не хватало, его приходилось покупать за деньги и развозить готовую продукцию на общественном транспорте.

Помимо прочего, Ярославу очень не вовремя пришла идея нанять рабочих: им всем приходилось платить деньги, которых у нас и так осталось слишком мало.

Как будто бы мы всплыли на поверхность безденежья только для того, чтобы глотнуть воздуха, и снова пошли ко дну.

Ярослав пошел в комнату к Румани. Я закрыл за ним дверь.

При всем своем опыте я еще ни разу не видел, как режут кого-то знакомого. Я даже представить себе не мог, каково это. Но такой опыт получить наверняка неприятно, поэтому я решил даже не пробовать.

Мы с Лаврентием остались вдвоем. Он спросил меня:

– Как думаешь, она нас простит?

Я опешил. О таком я еще не думал. Точнее, я думал о чем-то похожем когда-то давно, в прошлой жизни.

– О чем ты?

О чем ты, Лавр? Прощала ли она меня когда-нибудь?

– Ну, за все, что мы с ней сделали. За то, как она умерла, – пояснил Лаврентий.

Черт возьми, да она никак больше умереть и не могла! Как мог я не умертвить свою вину. Не замучить ее до смерти, заперев в своей комнате на замок. Подкармливать и не слышать зова о помощи. Не слышать ничего.

– Да у нее все было не так уж плохо, – медленно проговорил я. – Мы к ней даже Ярика по ночам не пускали.

Лаврентий нервно усмехнулся.

– Ты правда думаешь, что мы перед ней не виноваты?

Я сжал зубы.

– Слушай, скажи прямо, какие у тебя ко мне претензии.

Лаврентий ссориться не хотел, как и всегда.

– Да никаких! – фыркнул он. – Я понимаю, почему все случилось так, как случилось. Но нельзя отрицать, что ей пришлось пережить страшное.

Конечно, вине человека, который упорно не желает ее признавать, приходится переживать страшные вещи.

– Ты имеешь в виду, что тебе было бы плохо, если бы ты оказался на ее месте? – уточнил я.

Лаврентий не совсем понимал, что случилось – на самом деле я победил, но он не знал об этом. Кто-то из нас двоих должен был умереть. Либо я, либо она. Умер не я.

– Можно и так сказать, – Лаврентий вздохнул. – Мы же обращались с ней, как с собакой. А может, и хуже.

Я облегченно рассмеялся.

– Нет-нет-нет, – замотал головой я. – Друг мой, ты всегда переоцениваешь чувства других людей. Ты ведь поэт у нас, вот и надумываешь всякого. Она вообще ничего не чувствовала, пока там сидела.

Лаврентий не сдвинулся с места, но я понял, что какая-то перемена в нем произошла.

– В смысле? – тихо спросил он.

– В том смысле, что ей требовалось только пожрать и поссать, – начал объяснять я. – Она не умела распоряжаться своей жизнью, поэтому мы ей помогли. Она только думала, что хочет свободы, но на самом деле ей этого не хотелось.

Мы освободили человека от жизни. Когда человек не знает, как ею распорядиться, его можно освободить от этой обязанности. И больше моей вины не существовало.

Лаврентий мне ничего не ответил. Дальше мы стояли около двери, за которой происходили страшные вещи, молча.

Я думал, не обидел ли Лаврентия тем, что наговорил. С другой стороны – отчего ему нужно обижаться на мое мнение? И отчего бы мне чувствовать себя виноватым из-за своего собственного мировоззрения? Так не должно быть. Моя вина мертва. Я ведь дал себе обещание больше не думать о плохом, вот и не буду. Мы помогли заблудшей душе провести последние дни благопристойно. Что в этом плохого? Мысль в духе отца Ярослава, отца Отца.

Что делал сам Ярослав с телом Румани я не знал. Я не мог перестать думать о том, что они переспали. Что чувствовал

Ярослав рядом с телом женщины, в которую он совал свой член? Я надеялся, что он хотя бы не захочет сделать это снова.

Я уже видел, как Сагир резал труп, с которого недавно слез. Нежно, как будто продолжал заниматься любовью. И с огоньком. А как это делал Ярослав?

Вдруг раздался звонок в дверь.

– Кого черти принесли? – буркнул Лаврентий, хозяин квартиры. Если кого принесли, то официально к нему.

Похоже, я нехило подпортил ему настроение.

– Милиция, откройте!

Мы с Лаврентием переглянулись. Оба сердца пропустили по удару. Почему бы не претвориться, что никого нет дома?

– Я знаю, что вы там, – ответил голос из-за двери, словно прочитав мои мысли, и начал колотить кулаком в дверь.

Пока я думал, что делать, Лаврентий пискнул:

– Что вам надо? – и разрушил сразу все мои планы. Конечно, я намеривался до последнего игнорировать вторжение закона в нашу частную жизнь.

Хотя бы потому, что за моей спиной резали труп.

– Откройте, поговорим.

– А вы так скажите, и мы подумаем, стоит ли вам открывать, – нашелся я.

– Не откроете – приду завтра с ордером, – парировали из-за двери.

– Я все еще тут, – деловито напомнили из подъезда.

– Ладно, черт с ним, – прошипел я и отпер ему дверь.

За дверью нарисовался мужчина средних лет.

– Вам знакома Кадира Марвитян? – спросил он, глядя почему-то на Лаврентия.

– О боже... – застонал я и сдал себя.

Милиционер припер меня к стенке взглядом в упор.

– Знакома, значит, – удовлетворенно крикнул он. – Ее вчера избili в вашем дворе. Соседи говорят, молодой человек из этой квартиры.

Вот же черт, а ведь ни одна занавеска не дрогнула!

Милиционер оценивающе посмотрел сначала на Лаврентия, потом на меня, и добавил, не сводя с меня глаз:

– Что-то мне подсказывает, что это были вы, молодой человек.

Я думал, как никогда не думал прежде. Нейронные связи в моем мозгу напряглись и принялись пыжиться, как бурлаки на Волге. За долю секунды я придумал кучу встречных претензий: и не представился он, и доказательств нет никаких, и дома я вчера был (Лаврентий, кивни!), и не знаю я никаких Кадир и Марвитянов, а сам ты хоть знаешь, кто мой отец?

Все это я был готов выдать пулеметной очередью в лицо незваному гостю, но не успел.

Потому что за моей спиной протяжно скрипнула дверная петля. Дверь в мою комнату была старая и я всегда ленился смазывать петли, поэтому открывалась она с ужасным скрипом, как в фильмах ужасов.

И вот раздался этот ужасный скрип. Все три пары глаз метнулись в его сторону.

В дверном проеме показалась задница Ярослава. Он враскорячку тащил что-то вперед задом, как рак.

Все мы – я, Лаврентий и милиционер, наблюдали это молча. Смотрели, как Ярослав тащит большой мусорный пакет за край, как скатерть. Он проворно вытащил его в коридор и поволок дальше, на кухню.

Сверху на пакете лежали части человеческого тела.

Смешные отрезанные ноги, казавшиеся слишком короткими. Одна из них гнилая. Глядя на два бедра сходу можно было указать то, от которого отрезали вывихнутую голень: по нему шли темные пятна, сильно выделялся узор сосудов. А еще оно выглядело будто мягче, чем здоровое, лежало на пакете мягким шматом сырого теста. Мне показалось, из него вытекает гной.

Все остальное лежало на пакете сплошной массой. Я не вглядывался.

Пока Ярослав пыхтел, мы с Лаврентием, как и милиционер, молча слушали его и созерцали попытки впихнуть необъятную кровоточащую массу в коридор, ведущий на кухню.

– Стоять, не двигаться! – вдруг заорал милиционер, опомнившись от шока, и полез к кобуре.

– Ой! – ответил Ярослав и, от неожиданности потеряв равновесие, упал лицом прямо в сырое мясо.

Хорошо, что мы с Лаврентием стояли по обе стороны от милиционера – смогли оперативно схватить его за руки и не дали даже выхватить пистолет.

– Помогите! – заорал он, – на помощь!

А мы даже не могли заткнуть ему рот.

Ярослав, поднявшись на ноги, мигом захлопнул дверь, и только потом начал с отвращением вытирать свое лицо.

– Не облизывайся только, – посоветовал ему Лаврентий.

Вот так высшие силы наградили нас сразу двумя свежими телами в то время, когда мы больше всего в них нуждались.

Но если от Румани у нас ничего не осталось, если не считать одежды, которую мы могли просто выбросить или сжечь, то милиционер прибыл к нам в полной экипировке с серийными номерами. Что делать со всем этим добром, мы не знали.

Мы решили, что посоветуемся с Ильей. Тем самым другом Лаврентия, который помог нам раздобыть форму.

(Через пару часов после того, как мы расправились с телом, он приехал. Когда мы объяснили ему суть проблемы, он сказал:

– Номер мой удалите.

И мы поняли, что он нам не поможет.)

В моргах с одеждой на мертвецах расправлялись легче. Конечно, они ведь все там профессионалы. Но своих санитаров мы растеряли, так что нам приходилось соображать на ходу.

Как славно, что с Румани разобрался Ярослав! Но у нас с Лаврентием не нашлось аргументов против того, чтобы занять телом милиционера, так что дальнейшие события мы разыгрывали втроем. И мы втроем точно знали, что одежду надо резать, а не снимать. Что Ярослав делал с одеждой Румани, он не говорил. Многозначительно молчал. Но одежда осталась цела, точно не резал.

Лаврентий приволок из своей комнаты огромные портняжные ножницы. Я понятия не имею, откуда они у него.

Пока ножницы лежали между нами, как яблоко раздора, я выжидающе смотрел на Ярослава, а он ничего не собирался делать.

– Твоя очередь, – сказал он спустя минуту ожидания.

Он сказал это мне.

– С чего бы это?

Ярослав молча, но выразительно посмотрел в сторону мяса, которое когда-то было Румани, и я понял, что он прав.

– Разделать я смогу, – вдруг подал голос Лаврентий. – А вы двое отдохните. Женщину не смог бы, а его разделаю.

Да, не зря Лаврентию присылали туши.

Я глубоко вдохнул, задержал дыхание и отвел взгляд. На ощупь нашел край штанины. Поддев его ножницами, начал резать. Понял, что это гораздо легче, чем мне казалось – просто режешь, в этом ведь нет ничего сложного – порезать ткань и все, какая разница, на чем она, на столе или на покойнике. Я бы даже не смог представить, что каких-то пят-

надцать минут назад эти штаны болтались на ногах вполне себе живого человека, который пытался скинуть нас с Лаврентием со своих рук.

Как только дверь захлопнулась, милиционер начал метаться, как загнанный в угол зверь. От такого яркого человеческого отчаяния мне стало не по себе. Ярослав заткнул ему рот половой тряпкой, и он заплакал. Прямо захныкал, как маленький ребенок. Неужели их в милиции не учат, как нужно себя вести в таких ситуациях? Неужели нам просто попался плохой милиционер? Наверное, он прогуливал учения.

В какой-то момент милиционер перестал даже сопротивляться, мы с Лаврентием вообще могли его не держать. Фокус в том, что дверь никто не запирает – она осталось открытой, просто захлопнулась.

Я не мог понять, почему милиционер вел себя так. Я искал оправдания. Шок от увиденного? Шок от того, что прежде ничего подобного он не видел? Ни одно из оправданий не было достаточно убедительным. Я подозревал, что засвидетельствовал уникальное проявление человеческой природы. Какой-то психологический феномен. Зверь ведь бился бы до последнего – почему не бился человек?

Я вспомнил, как Ярослав говорил о пороках цивилизации, и решил, что это – один из них.

Милиционер хныкал все время, пока Ярослав не проломил ему череп молотком.

После той ночи я хотел только одного: выпить. Разумеет-

ся, я не пошел к Румани, я пошел в другую лавку. Мою любимую в то время, когда я обходил Румани за километр.

Почему-то спать мне совсем не хотелось. Наверно, это из-за выброса адреналина – как-никак, я впервые убил человека. Точнее, поучаствовал в убийстве. Обычно после бессонных ночей я до смерти хотел поспать, но после той чувствовал себя таким бодрым, что пробежал бы марафон.

А дома лежало мясо Румани. Все пораженное мы выбросили сразу, но по поводу остального еще сомневались. Раньше нас не парило, насколько болен человек, который становился нашими пирожками, но теперь-то мы знали. Теперь мы видели, как болел этот человек. Это не простое мясо.

Оно лежало в большой морозильной камере, которую Ярослав приволок в квартиру, когда дела еще шли хорошо. Должно быть, он где-то ее украл. Такие морозильные камеры обычно стоят в магазинах: большие комоды с откидной крышкой.

Там же лежал и милиционер, тело которого разрубил Лаврентий. Оказалось, что с людьми ему справляться даже легче, чем со свиньями.

Я все еще слышал, как милиционер хныкал перед тем, как Ярослав добил его, когда пришел в пивную лавку.

Но когда я подошел к окошку кассы, я забыл про убийство. Я забыл вообще про все: я встал, как вкопанный, и разинул рот.

Девушка в окошке смотрела на меня выжидающе. А я

только и смог промямлить:

– Вы простите, что я на вас так пялюсь, вы мне просто кое-кого напоминаете.

Те же волосы, тот же взгляд. Напоминает – это мягко сказано. Это была она. С другой жизнью, в другом теле, но она.

Конечно, эта жизнь принадлежала не ей. Она бы ни за что не стала сидеть на месте целыми днями и продавать выпивку таким идиотам, как я. Она бы ни за что не стала Румани.

Так ничего и не купив я выбежал из лавки. Я просто не мог заставить себя сказать ей хоть слово – это ведь была она.

Рыжая. Такая рыжая.

– Ты не скучаешь по ней, – мягко говорила Румани, когда я лежал у нее на коленях, не в силах сдержать все пережитое за жизнь, – тебе просто нечем заняться.

Знала бы она, как много у меня дел! Я тогда чуть не выпалил ей в лицо, что мы по ночам из морга мясо возим.

Но я не смог ей этого сказать. Разозлился и ушел домой.

В итоге я купил пиво в другой лавке. Вообще в другой стороне. Так далеко от дома я еще ни разу пиво не покупал, домой шел минут сорок. Купил пиво и водку.

Откуда я мог знать, что я встречу ее призрак именно в тот день! В день, что пришел после того, как Ярослав распилил кости единственному человеку, который мог меня утешить. А я еще давал себе обещание не грустить, подумать только! И даже принятые попытки возненавидеть ее хотя бы на пять минут не работали. Я напоминал себе о том, как жестока она

была при нашей последней встрече, я проговаривал ее слова, вспомнил об ужасном вкусе в музыке и литературе – все без толку: мое чувство к ней не могло изничтожиться такими жалкими мелочами.

Что я могу сделать? Написать ей письмо? «Прости, я был не прав, я обращался с тобой хуже, чем ты заслуживаешь».

Да, ты заслуживаешь большего. Большого, чем я когда-либо мог дать.

И Лаврентий, кстати, считает так же.

Что за чушь! Я бы скорее убил ее или себя – а лучше, сначала ее, а потом себя, – чем стал писать душещипательные рассказы, обливаясь слезами сожаления. Нет, ее не жаль, никого не жаль.

Мне не жаль. По крайней мере, я очень хочу в это верить.

Пока я шел от лавки до дома, я вспоминал, как полгода назад специально проделывал такой долгий путь, чтобы мне не припоминали долги. Только благодаря тем долгам я узнал про все пивные в округе и мог свободно ориентироваться в них. Кто бы мог подумать, что я еще вспомню те времена с ностальгией!

До дома я не дошел. Даже лавку найти не удалось. Я рухнул задницей прямо на асфальт, потому что понял: идти дальше не смогу. На меня снизошла величайшая, всепоглощающая усталость. Должно быть, стресс отступил и теперь все пережитое разом навалилось на меня. Придавило каменной плитой.

Черт возьми. На меня было, чему навалиться.

Я сидел на дороге и не понимал, зачем мне может понадобиться куда-то пойти. У меня в руках литр пива, да и погода отличная. Даже люди, идущие по своим важным делам по обе стороны от меня, совершенно не мешали. Я сидел в самом центре рая. Если сравнить с тем адом, что творился у меня на душе.

Наверно, я просто рожден со своеобразным браком, неспособностью ладить с женщинами. Она меня бросила, Румани считала недотепой, мать не пускает на порог родного дома – а об остальных и говорить нечего.

Но это меня не волновало. Даже никак не заботило, ведь в мире существует множество прекрасных вещей! Например, пиво. Нет, меня это не волновало, я просто злился на себя и всех вокруг. Из-за чего? Ну, поводов предостаточно. Например, я до сих пор никак не мог ее возненавидеть, хотя старался изо всех сил. Любой повод для ненависти пробуждал во мне только более отчаянную любовь.

Разве мы не чувствуем потребность любить еще сильнее, когда узнаем, что кому-то это не нравится?

Надо мной пели птицы и мелькали головы людей. Мне это было безразлично, и они все платили мне взаимностью. Страшно, до чего равнодушны люди к чужой боли!

Я сидел так, пока не стемнело и не закончилось пиво. Нет, это случилось не в один момент: просто я заметил, что уже стемнело, только когда пиво закончилось. И тогда я пошел

домой.

Дома стояла тишина, если не считать возни Лаврентия: он рыл тоннели в своих бумагах, как крот, и шуршал ими, как собака в осенних листьях.

На кухне жевал Ярослав. Я протянул ему еще закрытую бутылку водки, но тут заметил что-то странное в том, что он ел.

Это не было бутербродом или шаурмой. Я вообще не мог понять, что это.

И я нахмурился.

– Что это у тебя там?

– Не знаю, – Ярослав пожал плечами и продолжил жевать.

– И тебе все равно? – на всякий случай уточнил я.

– Ну да, – откусил он снова.

– Ты лучше всех знаешь, чем мы кормим людей и тебе все равно, что ты сам ешь?

Я и сам не заметил, как повысил голос.

– Если ты думаешь, что мы первые, кто кормит людей говном, то ты ошибаешься. До того, как наша продукция появилась на рынке, все уже было так, как есть сейчас. Я считаю, что нам следует относиться к еде так же, как прежде. Мы ведь жрем то же самое, что и раньше.

Я весь обзавидовался его жизненной позиции. Какой же он все-таки был умный! А я, отстающий от него как минимум на пару ступеней эволюции, не мог понять, как он может так философски относиться к жизни.

– Твоя подруга это, если действительно хочешь знать, – пожал плечами Ярослав и откусил снова.

Мое сердце ухнуло куда-то в подвал нашего дома и еще на метр вниз. Я повнимательнее присмотрелся к тому, что жевал Ярослав.

Приглядевшись получше, я понял, что по большей части оно состоит из мяса. Мясо было хорошо прожарено и, вроде, выглядело неплохо. Между двух тонких кусков Ярослав сунул кусок огурца, а держал все это за согнутый ломоть белого хлеба.

Мясо Румани. Той девушки, которая гладила меня по волосам, пока я лил слезы ей на колени.

– Еще есть? – спросил я.

Так я впервые попробовал человечину.

***

Люди умирают, мы работаем с последствиями, помогаем им вернуться в пищевую цепочку – не в качестве потребителя, а в качестве продукта. В каком-то смысле мы делали хорошее дело: «воскрешали мертвых». Мы не были причастны к смерти. Напрямую – нет.

Конечно, пока вы живы, вам наверняка не хочется делать после смерти хорошее дело. Но вы только представьте, что вы умерли и попали в небытие, а тело ваше неподвижно лежит на ковре в спальне уже два дня кряду. Уверен, вам бы захотелось, чтобы с ним произошло хоть что-то.

А мы вам с этим поможем.

Мы были добровольцами от мира живых в помощи миру мертвых.

Но теперь мы вдруг стали посредниками смерти. Перешли со стороны живых на противоположную сторону.

Передо мной лежал голый мужчина. Мертвый. Я срезал с него одежду, он остался лежать на полу. Неподвижно, как и все трупы.

Я думал о том, что все это не будет иметь значения уже завтра, но легче мне не становилось. Я думал о том, что на бумагах Лаврентия все это выглядит гораздо целомудреннее. Наверно, там вообще не написано ничего, кроме какой-нибудь там стоимости продуктов и времени производства. А может, не написано ничего вовсе – Ярослав знал, а я нет, хоть предприятие и мое. Интересно, кто у нас был Ярослав. Наверное, исполнительный директор.

Кожу точно придется снять, на ней слишком много волос. Волосы в фарш попасть не должны. Кроме этого я ничего не мог придумать и надеялся, что все остальное Ярослав сделает сам.

Мне бы поспать, только-то и всего. Больше мне ничего не надо: положите меня хоть на пол и отстаньте, позвольте оставить вас в этой убогой реальности и уйти в мир снов.

– А чего он хотел-то?

– У него и спроси, – посоветовал мне Ярослав. – И прикройся хоть.

Оказывается, я все еще был в трусах. Забавно, ведь всего

пару недель назад я точно то же самое говорил Ярославу. Кто бы мог подумать, что я перестану обращать на это внимание.

Потом мне в руки вложили нож, я сказал:

– И что мне с этим делать?

Мне ответили:

– В жопе ковырять. Как сам думаешь, дебил?

А я уже никак не думал, я хотел спать. Ну ладно, пришлось для вида пару раз ткнуть ножом нашего гостя, пока Ярослав пилил ноги, а Лаврентий... Лаврентия поблизости вообще не было, наверное, он не смог выдержать увиденного и ушел плакать в свою комнату. Так или иначе, разделявал труп снова один Ярослав, и мне все-таки очень нравилось, как у меня всегда получается спихивать всю грязную работу на него.

Водя ножом по неопределенной части трупа, я замороженно наблюдал, как Ярослав отпиливал его голову. Когда он это сделал, голова чуток откатилась в сторону – за этим я тоже пронаблюдал, а потом Ярослав сказал:

– А с головой что делать?

Я смотрел на него и моргал глазами, он смотрел на меня и делал то же самое.

– Это ты у меня спрашиваешь? – переспросил я.

Потом мы оба посмотрели на Лаврентия, который очень вовремя вошел в комнату со своим любимым топором.

– А с головой что делать? – спросил у него Ярослав.

– Холодец сварите, – предложил Лаврентий.

– Ты у нас холодец любишь?

– Да не особо.

Ярослав посмотрел на меня.

– А мама твоя любит?

Ох, не надо про мою мать.

– Как же, конечно любит, – скривился я.

– Вот ей и свари. Возьми голову и свари.

– Так это ж вы у нас кулинары.

– Кто тебе такое сказал?

– А разве нет?

– Холодцами мы не торгуем, вот что я тебе скажу. И головами тоже.

Что делать с головой никто из нас не знал. Кожа горела, кости мололись, а голова – она состоит из всего вместе.

И тогда Ярослав придумал восхитительный план.

Лифта в нашем доме не было, только лестничная площадка. Потому что жили мы в пятиэтажке. Но в нашем дворе стояла еще и девятиэтажка.

Мы сунули голову в пакет, взяли с собой ведро и пошли. Мы – это я, Ярослав и Лаврентий.

У подъезда девятиэтажки мы столкнулись с новым препятствием: домофон. Ждать, пока кто-нибудь будет выходить или входить – не вариант, когда у тебя в пакете отрезанная голова.

Вдруг Ярослав просто набрал случайную комбинацию цифр. Прозвон прошел, никто не ответил. Он сбросил и ввел

другой номер. Трубку сняли.

– Милиция, откройте дверь, – басисто и четко сказал он в домофон, и домофон трескуче ответил:

– Идите нахер!

Попытку удачной не назовешь.

Попытку нельзя назвать удачной.

С минуту Ярослав просто пялился на домофон и отходил от культурного шока. Потом отошел: куда-то во двор, а мы с Лаврентием не стали его останавливать. Вскоре Ярослав вернулся, и не один: он тащил за собой человека в оранжевой спецовке. Издалека можно было сказать только, что это человек – не больше. Когда его подтащили ближе, оказалось, что он трясется и по виду напоминает дворника.

– Открывай! – Невежливо рявкнул ему Ярослав и подтолкнул к двери, а он и открыл.

Мы молча зашли, а уже в подъезде Лаврентий сказал:

– Ну и методы у тебя, Ярик.

– Работаем, – пожал плечами тот.

У меня в руках было ведро, Ярослав повернулся ко мне и спросил:

– А ты нахрена зашел? Выходи на улицу, ловить будешь.

Ярослав нес голову, а Лаврентий вообще шел сам по себе. Поэтому я вышел. Взял ведро и вышел. Слишком поздно я подумал о том, что надо бы договориться о каком-нибудь условном знаке – чтоб я подготовился, когда надо, а не просто был готовым всегда. Я подумал об этом слишком поздно,

а перед этим просто стоял, задрал голову, и ждал. С ведром в руках.

Что-то вроде баскетбола на большом расстоянии.

Я напрягся в тот самый момент, как вышел из подъезда – на мне лежала слишком большая ответственность. Даже Ярослав представлял это только в теории, а от того, как я это сделаю, зависел успех всей операции. От этого вообще зависело все – страшно представить, что будет, если я не смогу.

Они появились на самом верхнем этаже, я увидел их головы, торчащие из окна подъезда. Ярослав помахал мне рукой, и после этого я увидел третью голову – она начала быстро расти и приближаться ко мне.

Первые секунды я растерялся. Я смотрел, сжимая ведро в руках, ноги меня не слушались, чужая голова приближалась. В момент, когда она оказалась совсем близко, я инстинктивно закрылся от нее.

Ведром.

Так получилось, что я справился. По чистой случайности.

Голова упала в ведро с треском и мокрым плеском, я не хотел заглядывать в ведро, но порадовался, что мы предварительно слили из головы всю кровь.

Иначе забрызгало бы.

Меня трясло, но я заметил это только когда поставил ведро на землю – оно ходило ходуном вместе с моими руками. Я поставил ведро на землю и сел рядом, прямо на асфальт.

Они стояли рядом, Лаврентий закурил и мне в лицо уда-

рил дым от его сигареты. Я вдохнул, закашлялся и понял, что у меня адски болит грудь, а руки ободраны в кровь. Летящая голова ударила меня с невиданной силой.

Ярослав хотел, чтобы обезображенную, не поддающуюся идентификации голову, которая при падении превратилась в кашу, вшили в какой-нибудь труп вместо внутренностей, которые мы забираем. У Артура с этим не было проблем, но он спросил:

– А не проще ли это отдать утилизаторам отходов?

– Кому?

– До вас мы все, что вы сейчас забираете, отдавали утилизаторам медицинских отходов. Мусорщикам, короче говоря.

После того, как мы оставили злополучное ведро Артуру, я задышал свободнее. Пока мы шли домой, Ярослав все жужжал о том, что нам надо найти рабочих, что мы не справляемся, что надо расширяться, что дело следует поставить на поток – Артур привозит, наемные рабочие готовят, Артур развозит по точкам, мы ничего не делаем. План был отличный, хоть я его и не слушал – просто шел, очень хотел добраться до дома.

Последним, что я услышал, было:

– Нам нужно зарегистрировать предприятие по утилизации отходов!

Я кивнул и лег спать.

***

Стоило моей голове упасть на подушку, как кто-то начал

трясти меня за плечо. Ни минуты покоя!

Меньше суток назад я стал свидетелем убийства и участвовал в процессе избавления от тела, после этого встретил призрак девушки, забыть которую не могу до сих пор, не говоря уже о том, что я отведал мяса единственного человека, которому мог открыть свою душу! Я, черт возьми, заслужил отдых.

А когда я открыл глаза, передо мной возникла рожа Ярослава. Не самое приятное пробуждение.

– Мне в голову пришла потрясающая мысль, – сказал он.

Про себя простонал: «о боже» и закрыл лицо обеими руками, потому как не мог дальше смотреть на рожу, довольно ухмыляющуюся надо мной.

Через ладони я прохрипел:

– Просто позвони в прокуратуру и скажи, что я убил того мента. А потом дай трубку мне, и я все подтверждаю.

– Вставай уже, фантазер, – почти что с нежностью ответил мне Ярослав.

И я встал. Но сделал это безо всякого желания.

Моя жизнь напоминала забег с препятствиями, причем каждое из препятствий было либо кровавым, либо душераздирающим. Ни одно, ни другое не доставляло мне удовольствия, но все, что я мог – продолжать бежать и преодолевать их. Разве мне не полагалось хотя бы спать между ними?

Это странно, но я не чувствовал ничего, совсем. Полное опустошение, как я вдруг понял, длилось уже давно – даже

то, что я испытал при встрече с ее призраком, не заполнило меня ни на каплю. Я просто разозлился из-за того, что оно могло это сделать. Могло нарушить пустоту внутри меня.

Ведь я мог бы заплакать, когда умерла Румани. Хотя бы погрустить.

Вдруг у меня незаметно едет крыша? Я испугался, а Ярослав сообщил мне, что мы с ним куда-то поедем. И я спросил:

– Куда?

А он ответил:

– Ты знаешь то место.

И я сразу все понял.

– Мы там уже бывали?

– Ага.

– С Артуром?

– Какой ты догадливый! – всплеснул руками Ярослав. –

Только на этот раз нас повезет Бабаджан.

– Кто?

– Бабаджан!

– Какой, нахрен, Бабаджан?

– Он у нас работает, – осуждающе посмотрел на меня Ярослав.

Я почувствовал себя никудышным владельцем фирмы и растерянно поднял брови.

– О.

А Ярослав добавил:

– Со вчерашнего дня.

Меня только радовало, что у нас появился еще один человек, у которого есть машина. Неважно, что это за человек и как давно работает. Пускай будет хоть маньяком.

А разве сами мы не маньяки?

Но то, чем владел Бабаджан, нельзя назвать машиной. Я понял это, когда узрел это корыто во плоти. Я не понимал, как оно ездит, но, так или иначе, оно это делало, а большего мы и не просили. У машины не закрывалось одно из окон, насквозь проржавело днище и заводилась она по собственному желанию, но ведь был шанс, что она все-таки поедет! И она поехала.

Я отметил еще одну перемену в себе: мне становилось на все наплевать. Если Ярослав сказал, что нам нужно съездить на кладбище – что ж, мы с Бабаджаном едем на кладбище.

В дороге я понял, почему машина в таком ужасном состоянии. Бабаджан водил так, как Лаврентий рубил туши свиной: отчаянно. Если Лаврентий сражался на смерть с тушей, то Бабаджан, похоже, сражался с самой смертью или машиной: если со смертью, то, похоже, выигрывал, а если с машиной – наверно, выигрывала все же она, потому что невзирая на упорные попытки ее убить упорно продолжала работать и скакать по ямам, как резвая кобыла.

Когда мы приехали, Ярослав достал из багажника лопаты, и я заподозрил что-то неладное.

– Только не это, – запричитал я, – только не опять.

– Не опять, – согласился Ярослав, – а снова. Держи.

Он протянул мне лопату, а я опасливо смотрел на нее.

– Сначала скажи, что мы будем делать.

– Не волнуйся, ключи доставать нам не нужно, – успокоил меня Ярослав, но я не успокоился.

Я не успокоился и сглотнул.

– Мы ведь не сирень выкапывать будем, – вздохнул я, чувствуя себя маленьким мальчиком.

– С чего ты взял? – удивился Ярослав и, не дождавшись, пока я возьму лопату, бросил ее к моим ногам.

Конечно, я ее подобрал, но Ярослав уже не видел этого, так как повернулся ко мне спиной и бодро зашагал вглубь кладбища. Я пошел за ним, а Бабаджан даже не выходил из машины. Мы приближались к тому месту, где вели раскопки в прошлый раз, и меня обдало недобрыми воспоминаниями; закралось предчувствие.

Я так и не спросил у него, зачем мы здесь – вдруг он огреет меня лопатой по голове и закопает в свежей могиле?

– Вроде бы, пришли, – раздолбайски сказал Ярослав и остановился. Я остановился рядом с ним.

Мы стояли около участка, сплошь заваленного венками.

– Значит, мы снова будем расхищать могилы?

– Можно и так сказать, – кивнул Ярослав. – Если мясо от нас увозят, то мы поедем за ним.

– Так вдохновляет, – фыркнул я.

– Эта могила самая свежая. Выкопаем – все тело будет

нашим.

Я глубоко вдохнул. Кончики пальцев похолодели.

– Как ты меня обрадовал! – выдохнул я, почувствовав себя так, будто кто-то ударил меня под дых.

Ярослав посмотрел на меня осуждающе.

– Если б ты думал о нашем деле, эта новость действительно бы тебя обрадовала!

Я не хотел с ним спорить.

– Ладно, чем раньше начнем – тем раньше закончим, – вздохнул я.

И мы принялись копать.

Когда мы раскидывали в стороны венки, я думал о том, что после они сослужат нам хорошую службу. Не будет видно неряшливо закинутую на место землю.

По правде говоря, я никогда не мог назвать свою физическую форму хорошей. Да что уж там, даже удовлетворительной не назвал бы. И я, черт возьми, регулярно раскапывал могилы, а это, скажу я вам, задача не из легких! Я думал, что, если после такого труда не обросту рельефными мышцами, как еж иголками, то буду разочарован.

Но я так и не оброс. Сейчас, после всего, я такой же тощий, каким был тогда.

И почему мы всегда делали это ночью? Ах, да, чтобы избежать внимания. Но рыть землю в темноте все равно неудобно. Особенно если делаешь это несколько часов кряду. А когда ты уже стоишь в могиле, сложно понять, куда ты вообще

копаешь: вверх, вниз, влево или вправо. Кругом темнота, и ты просто выбрасываешь комья земли – куда? А куда придется. Пару раз мы бросали землю друг на друга и отбивались отборными ругательствами. Ох и приятно же было мне материть Ярослава! Мы не сразу поняли, что копаем уже не землю. Только когда Ярославу в лицо прилетел цветок из тех, что остались в гробу. Гвоздика.

Я осветил фонарем нам под ноги. Доски от сломавшейся крышки гроба, как в прошлый раз. Через землю местами виднелся черный костюм, в котором похоронили покойника.

Тогда мы опустились на колени и начали разгребать землю голыми руками – сколько работали, но так и не научились делать это в перчатках – и у нас в ладонях закопошились белые юркие черви.

Запах стоял ужасный. Прежде он был законсервирован черным костюмом, но стоило нарушить герметичность и вонь распространилась на всю округу. Не просто вонь тухлого мяса. Мерзкий, тошнотворный трупный запах. Запах смерти.

Зажав рот рукавом, я осветил фонарем в сторону креста, который мы прислонили к соседней ограде. Мои глаза слезились, но я смог разглядеть дату.

«Твою мать!» – попытался крикнуть я, но из-за рукава получилось только что-то промычать.

Ярослав перепутал могилы. Эту закопали неделю назад. Он ужаса меня затрясло. Позже я часто задавался вопро-

сом, почему я так испугался. Ведь нет разницы, какую могилу ты раскапываешь. Будь ей хоть сто лет. Раскапывать могилы нельзя вне зависимости от того, сколько в них лежат трупы. Но раньше меня это не ужасало, а как влез в могилу недельной давности, так чуть не поседел!

Со временем я признался себе в том, насколько постыден мой тогдашний ужас. Я испугался трупной вони, копошащихся червей и присутствия разложения. Как какой-то ребенок. Я испугался того, чем становятся все люди после смерти, я испугался самой смерти. Столько времени имел дело с мертвецами – и на те.

Но в тот момент я вдруг начал чувствовать. Этот ужас стал моим первым чувством, казалось, за целую жизнь, хотя я и не смог оценить значимость момента.

Мы с Ярославом в панике принялись карабкаться вверх, прочь от зловонного трупа у нас под ногами, но из-за резких и хаотичных движений земля осыпалась. Мы падали вниз. Наши попытки увенчались падением: мы оба упали на дно могилы, прямиком в логово разворошенных червей.

В тот момент я поражался, что меня до сих пор не вырвало, а Ярослава трясло.

Под моей спиной вились черви. Я лежал на руке покойного и чувствовал кость. От отвращения у меня дрожали губы, но после этого я смог выбраться без проблем. Я уже никуда не торопился и спокойно вылез на поверхность. Могила вдруг оказалась не такой уж и глубокой, а вылезать из нее –

проще простого.

Потому что после того, как я полежал в опарышах верхом на полуразложившемся трупе, я уже ничего не боялся.

Когда выкарабкался Ярослав, я ждал от него извинений. Забыл о том, какая он бессовестная скотина – впрочем, об этом Ярослав мне сразу же напомнил своей рожей. Закапывать червей обратно мы не стали. Просто не смогли. Оставив все, как есть, в полусне брели по кладбищенской дороге, пока на горизонте занимался рассвет.

Мы уходили все дальше, но запах оставался таким же сильным. Мы провоняли смертью и тащили ее за собой.

Когда мы вышли с кладбища, оказалось, что Бабаджан уехал.

Бижутерия

Я никогда не покупал газеты, они меня просто не интересовали.

Что я могу прочитать в газетах такого важного, чего не смогу узнать сам?

Я не читал газеты, в заголовках которых стояли фразы в духе «Невиданная удача!», «Гастрономический джек-пот», «Сокровище на продуктовой прилавке».

А Даня читал. Тот самый юрист, которого Ярослав когда-то приволок в наш дом.

– Я сразу понял, что это имеет отношение к вам, – возбужденно рассказывал Даня, тыкая Ярославу в нос газетой. – И по телевизору об этом говорили.

Кто-то где-то нашел золотое кольцо. Из настоящего золота.

Кем-то, кто нашел золотое кольцо, была жительница нашего города по имени Надежда Константиновна. Золото у себя во рту она нашла после того, как откусила пирожок. Наш пирожок.

Как такое могло произойти, я не знал. Но кто мог сомневаться в том, что это произошло?

Мы с Ярославом побелели, когда узнали. У меня – и, я уверен, у него тоже, – душа ушла в пятки. Мы смотрели на Даню, восторженно скачущего перед нами, как на сумасшед-

шего. Он считал нас знаменитостями.

– Я спокоен! Я счастлив! Я на позитиве! Я, блин, фея добра и радости! – снова кричал Ярослав, а я медленно сел на стул, уцепившись за его спинку обеими руками, как будто она стала единственной веточкой, за которую можно ухватиться в бурлящем водопаде жизни, и если я этого не сделаю, то непременно упаду в пропасть небытия.

Только вот веточки в реальности не существовало: я неумолимо падал. Взаправду. Пока Ярослав метался, а Дания стоял, вжавшись в стену, и по-прежнему не понимал, что происходит на самом деле, я пытался убедить себя в том, что мы выкарабкаемся.

Лаврентию повезло, Лаврентий уехал на похороны бабушки. А мы с Ярославом остались наедине друг с другом, двумя разделанными трупами в морозилке и ничего непонимающим Даней, который просто улетел на седьмое небо от того, что смог сложить два и два.

Последнее условие оказалось самым невыносимым.

До чего дико быть обреченными, когда человек рядом не осознает, что вы обречены!

Как будто среди нас вдруг появился неразумный ребенок, который знает слишком много для своего возраста. Он прекрасно помнил нашу встречу и ту речь, с которой выступил Ярослав. И он был в восторге от того, что у нас это получилось. Получилось кое-что, из-за чего он посчитал нас сумасшедшими.

У меня все еще не шло из головы, как такое могло произойти, поэтому я спросил вслух:

– Как?

Ярослав, решивший, что я обращаюсь к нему, ответил:

– Не знаю.

– Мы ведь всегда проверяли мясо, так? – с надеждой спросил я.

Он горестно усмехнулся.

– С чего ты взял, что мы его вообще проверяли?

– Но мы же не запекали ничьи пальцы!

– Не уверен, – обреченно сглотнул Ярослав и воскликнул: – почему в этом затрёпанном городке газетчики не могут найти тему поинтереснее!

– И телевизионщики, – вставил Даня.

– И телевизионщики, – эхом согласился Ярослав.

В дальнейшем все развивалось по очевидному с самого начала сценарию: на кольце нашлась памятная гравировка, ее опознали как уникальную, а само кольцо – обручальное. Мы только и ждали, когда объявятся родственники умершего владельца кольца. Следили за новостной сводкой по ящику.

– Да что там такого на этом кольце уникального! – вслух сокрушался Ярослав. – Неужели какое-нибудь пожелание вечной любви или дата не могут быть одинаковыми на разных кольцах?

Меня утешало только то, что все репортажи пока оста-

вались шутивно-восторженными, а настораживало – то, что они до сих пор не озаботились самими пирожками.

Антисанитария.

Нарушения права потребителя не находить ювелирные украшения в своей еде.

Еще какая-нибудь хрень.

– А они могут провести какую-то экспертизу, которая покажет, что там за мясо?

Все умолкли, а я уже знал ответ на свой вопрос.

– Но им пока, вроде, незачем проверять, – неуверенно сказал Даня. – Такое ведь специально не придумаешь.

Даня остался с нами. Так естественно, как будто и не уходил тогда, полгода назад.

– Вот и не придумывай, – резко оборвал его Ярослав. – Закрыли тему.

И тему мы закрыли.

Вместо этого открылось вот что: мы все ходили по чересчур тонкому льду. Наше предприятие законно только наполовину, а незаконная часть – основной движущий механизм всего, что только может двигаться. Вот, что открылось. Мы зависели от своей незаконной деятельности, которая обнажалась перед лицом жизненных невзгод. К примеру, закона. Я точно не знал, за что нас могли посадить, но посадить нас могли точно.

В компетентности Дани я сомневался: мы так и не видели его диплом, а жил он с мамой, так что я начинал сомневаться

даже в том, что он совершеннолетний. К счастью для него, к юриспруденции я относился параллельно. Иными словами – не пересекался.

И в довесок я с ужасом обнаружил, что больше не могу позволить себе стать бедным. Я отвык от нищеты. Одна только мысль о том, что есть будет не на что, наполняла мои глаза слезами. А пиво! Разве мог я в здравом уме отказаться от пива?

Если раньше я с теплотой вспоминал былые деньки, когда я бессовестно занимал в долг и воровал, вел скучную, однообразную жизнь, то теперь, когда на горизонте появился риск к ним вернуться, я запаниковал.

Неужели все, что мы успели создать, все наши старания и преодоления – все это могло аннулироваться в один миг, причем даже не из-за нашей ошибки? Погубить все своими же собственными руками не так смертельно, как потерять все из-за вмешательства извне. Я хотел сохранить свое право на добропорядочное благосостояние, право на ошибку, право на распоряжение тем, что принадлежало мне. Свои естественные права.

Возможно, я мог подать в мировой суд за их ущемление.

Последующие дни слились в один нескончаемый день, в ожидание смертного приговора. Я бы пережил этот день в неотложных делах, не замечая ожидания, но наша гонка, как назло, остановилась. Ни к чему ехать на кладбище, некого спасать, дверь морга оставалась закрытой – ни у кого не оста-

лось никаких дел. Случилось то, о чем я мечтал пару дней назад, но исполнение этой мечты заставило меня страдать. Всегда так.

Дни томительного ожидания текли сквозь пальцы. На следующий после известия день вернулся Лаврентий, и ждали мы уже вчетвером. Даня стойчески продолжал приходить каждый день и, единственный из нас, умудрялся чем-то себя занять.

Я говорил себе: «это было ужасно».

Я думал: может, если я буду говорить о проблемах в прошедшем времени, они решатся быстрее.

А Даня тем временем перебирал бумаги Лаврентия. Порядок наводил.

Болезненнее всех этот период переживал Ярослав: я ждал, что он убьет кого-нибудь или как минимум ударит, поэтому держался от него подальше. Он метался, как дикий зверь по клетке. Я начинал понимать, что для него провал – участь куда страшнее, чем для меня. Пока Даня шарил по нашей морозилке и сдерживал рвотные позывы, я думал о том, как ково Ярославу потерять свою мечту.

Потерять мечту и дать ей расправиться с самим собой.

Ярослав прошел долгий путь от безумного замысла до его реализации. Он делал страшные, действительно страшные вещи, и ему все сходило с рук. Он, черт возьми, рисковал жизнью и свободой во имя нашего предприятия, а теперь это предприятие висело на тонком волоске и могло полететь в

пропасть в любую секунду. Может, оно уже летело, только мы об этом не знали.

Мы все были на грани. Как нам удалось обойтись без крови – ума не приложу.

Но мы пережили эти четыре дня. На пятый Даня принес газету с репортажем о том, что кольцо принадлежало почившей супруге деда, который несказанно рад снова получить его.

Дед решил, что жена потеряла его незадолго до смерти.

Нахрен такие пирожки

Внезапно Ярослав решил, что пищевой промышленности с нас хватит.

Обычные люди думают:

– Вот ещё хоть раз – и точно брошу!

А в следующий раз наступает еще один «хоть раз». Здорово, что Ярослав был не таким. Ярослав вообще не думал, он просто говорил в какой-то момент:

– Да ну нахрен!

И момент, как правило, выбирал самый неподходящий.

Так произошло и с пирожками. Он сказал:

– Да ну нахрен! – в тот самый момент, когда у нас появился жалкий шанс на спасение: в наш коллектив вернулся Артур.

В прямом смысле. Артур стоял в дверях, когда Ярослав делал свое заявление.

Мы все вчетвером подсчитывали оставшиеся нервные клетки, когда раздался звонок в дверь. Открывать пошел я. Просто потому, что больше не пошел никто. После того случая с золотым кольцом у нас всех пошаливали нервишки.

Словами не передать, как я обрадовался, когда увидел в проеме сияющую лысину и сто килограмм безмятежности под ней.

И вот когда я ввел Артура в комнату, чтобы все обрадова-

лись так же, как я, пришло время фирменной реплики Ярослава.

– Да ну нахрен! – воскликнул он и вскочил с дивана в моей комнате, на котором не так давно умерла Румани. – Нахрен такие пирожки!

– И что же ты предлагаешь взамен? – с готовностью конвертировать любую его идею в юридический адрес спросил Даня.

– Да, что ты предлагаешь взамен? – деловито включился в обсуждение Артур, и все взглянули на него, как на призрак. Лаврентий так вообще на месте подпрыгнул и мне стало его жаль, а Даня удивился просто за компанию – он Артура в лицо не знал.

Повисло молчание. Мне стало неловко из-за того, что никто не стал радоваться Артуру, но сам я уже порадовался ему в дверях и не хотел переусердствовать. Вместо того, чтобы порадоваться еще раз, я стоял и в упор не понимал, почему Ярослав пялится на Артура со своей кровожадной улыбкой.

– Ты еще за рулем? – спросил Ярослав, а Артур ответил:
– Естественно.

И вот тогда Ярослав аж подпрыгнул на месте – прям как Лаврентий, но от радости – а потом заявил:

– Мы откроем похоронное бюро!

Гроб на колесиках

– У смерти лицо пережитка прошлого. Все эти обряды и обычаи, пластмассовые цветы и обитые красным гробы – так хоронили лет пятьдесят назад. Время идет вперед, а смерть идет с ним рука об руку. Люди умирают сейчас, умирали тысячу лет назад. Но сейчас они умирают иначе.

Все мы – Артур, Лаврентий, Даня и я – слушали молча. Переваривали информацию.

Чем дальше идёт прогресс, тем страшнее становится смерть. Пятьсот лет назад никто не мог представить, что будут случаться авиакатастрофы. Тысячу лет назад никто не мог представить, что люди будут по неосторожности затягивать себя в станки на работе.

– Разве наши сверстники хотят хоронить родителей так же, как те хоронили своих? Нет. Нам нужно что-то новое. Мы не станем изгонять смерть из смерти, напротив: наполним ее новым значением, новым смыслом. Это Новая Смерть, и мы ее адепты.

Слова лились бесконечной рекой. Ума не приложу, когда все они успевали рождаться в голове Ярослава.

– Не нужно отделять мир живых от мира мертвых, пускай смерть будет похожа на жизнь, пускай станет ее частью. Это не должно пугать, это должно быть закономерно. Ведь в смерти нет ничего плохого.

Ярослав ненадолго умолк, как будто бы закончил поминальную речь. К сожалению, выпить под нее не налили.

Но то был еще не конец. Никто не успел своего слова вставить, как Ярослав заговорил опять – после небольшого антракта приступил к основной части. Он встал боком, упер одну руку в бок, а другую выставил вперед, как будто сдерживал ей невидимую волну восторга от своей новой задумки.

– Современное похоронное бюро. Возможность записи без звонков. Вам не нужно никуда приезжать, мы все сделаем сами – только напишите, как зовут ваш труп. Мы похороним его с вашими любимыми цветами, возьмем все хлопоты на себя. Можете смотреть прямую трансляцию с кладбища из любой точки мира. Онлайн. Для юных усопших мы представим уникальное предложение: маленькие саркофаги для любимых гаджетов.

Ярослав хлопнул в ладоши и пояснил:

– Как для органов в древнем Египте.

Идеи уже сыпались из него, как из рога изобилия, а до меня только-только стало доходить, что он хочет свернуть нашу лавочку.

– В честь открытия – акция! – не унимался Ярослав. – Хоронишь одного – второго закопаем бесплатно!

Я не понял одного: чем это предприятие отличается от того, что мы называли Утилизацией медицинских отходов?

Ярослав ответил, что различие всего одно, и оно суще-

ственное: мы будем работать с потребителем.

– Как ты не понимаешь! – сокрушался он. – Раньше мы работали в строго отведенной для нас позиции – принимали то, что дают, и не больше. А теперь мы сможем управлять аудиторией и привлекать ее! Больше клиентов – больше денег, разве это не очевидно?

Я сомневался, что он сможет привлечь больше клиентов в похоронное бюро. Разве что сам убивать начнет.

– погоди, – вдруг поддержал меня Лаврентий, – в похоронных бюро работает много профессионалов. Там занимаются такими вещами, на которые нужно учиться несколько лет! Это ведь не просто положить в гроб покойника, надо его подготовить и обработать.

Ярослав на пару минут задумался, а потом отрезал:

– У нашей компании будет другая политика.

– О боже... – простонал я.

– Мы же новаторы, забыл? – подмигнул мне Ярослав. – Долой привычные глазу убранства, долой покойников, которых нельзя отличить от живых! Зачем нам разрисованные куклы? Мы дадим вам реальную смерть!

Мне начало казаться, что он сам верит в ту чушь, о которой говорит.

Ну, как тогда. С пищевой промышленностью.

– Может, ты еще и отца своего привлечешь? Чтобы он их отпевал, не отходя от кассы?

Ярослав снова задумался, и я с удовольствием обнаружил,

как в его глазах угас прежний запал.

– Неплохая идея, – улыбнулся Ярослав уже без энтузиазма. – Только он не согласится. Можем Лаврентия в семинарию отдать.

Я вздохнул.

– Пока он отучится, нас всех уже повяжут.

– А? – встрепенулся Даня, а я повторил, с вызовом смотря в его глаза:

– Нас всех повяжут, – и с достоинством, на тон ниже, добавил: – рано или поздно.

Повисло молчание. Тишину нарушал только звон в моих ушах. Даня поспешил снова выпасть из разговора.

– Да с чего бы, – вдруг подал голос Артур. – У меня вообще, чтоб вы знали, второе дыхание открылось.

– А чем ты занимался все это время? – заинтересовался Ярослав.

Артур, вроде, только и ждал, пока кто-нибудь задаст ему такой вопрос. Он сел на стул, который при этом выразительно скрипнул, и протянул:

– Ну, значит, так...

В дальнейшем мы узнали ужасающие подробности его скитаний по анналам правосудия.

Оказалось, их с Сагиром взяли вместе, потому что оба они работали неофициально. Кого-то из руководства больницы после этого уволили. Но вскоре выяснилось, что у правоохранительных органов ничего на Артура нет, поэтому

его отпустили. Продержали пятнадцать суток, как положено, оштрафовали больницу и пустили на все четыре стороны.

Был в его истории момент воистину удивительный. После ареста, пятнадцати суток, штрафа и увольнения руководства сам Артур все еще работал в морге, так как никто не удосужился озаботиться его увольнением.

Претензии остались только у миграционной службы.

Артур, как ответственный человек, отстоял там в очереди два дня кряду. Но, увы, этого недостаточно. Артура так никто и не принял: он попросту устал ждать своего шанса попасть на прием.

– Наверно, очередь до меня до сих пор не дошла, – хмыкнул он, когда закончил свой рассказ.

– Выходит, ты даже ничего не потерял? – подвел итог Ярослав. – Ни место в морге, ни машину? И тебя даже не депортировали?

– Не-а, – лучась радостью мотнул головой Артур. – Я в порядке.

Он действительно был в порядке, наш Артур.

– Значит, – Ярослав хлопнул в ладоши и потер их друг о друга, – можем начинать.

Я спросил у него, с чего мы начнем, а он ответил:

– Точно так же, как в прошлый раз: с маркетинга. Но! – он поднял в воздух указательный палец. – На этот раз мы будем печатать только визитки. Сэкономим.

– На кой черт нам визитки? – проворчал я. – Ходить по до-

мам и спрашивать, не хотят ли они похоронить кого-нибудь в самом ближайшем времени, а потом совать им визитку?

Ярослав замер.

– Нет, я думал, Артур будет раздавать их родственникам умерших. Но идея хорошая.

– Так пылесосы продают, – попытался я вразумить его.

– Пылесосы? Лавруша, у тебя ведь есть пылесос?

Лаврентий принял вид оскорбленного хомяка: он не любил раздаривать богатства своей норы.

– Есть, но я его продавать не собираюсь, – угрожающе буркнул он.

– Конечно, я тебя об этом и не прошу, – мягко, как одуванчик, заверил Ярослав. Почуял, видно, что хомячок готов кусаться. – Просто одолжу его, когда у нас будут визитки.

Тогда никто из нас даже предположить не мог, что он действительно пойдет продавать этот долбаный пылесос. Ну не дурак ли?

План Ярослава был прост до глупости: проникать в подъезды и рыскать по квартирам, выдавая старый пылесос Лаврентия за новейшую разработку в мире техники.

Конечно, он не смог его никому продать.

– Ты что творишь? – закричал я на него после того, как он вышел из первой квартиры.

Да, он взял меня с собой, чтобы я переносил пылесос от двери до двери, как его личный раб.

– Я? С нетерпением жду, когда народ ополчится против

реального зла, – терпеливо сообщил Ярослав, закуривая.

Сам не заметил, как он начал курить. Живя с Лаврентием сложно удержаться. Я и сам, должно быть, вдыхал по пачке курева в день – просто из воздуха в квартире.

Мы с Ярославом стояли на лестничной клетке, он готовился к следующей квартире.

Я спросил:

– То есть, против политиков?

Ярослав фыркнул.

– Говоришь, как Сагир. Реальное зло нашего времени – это само время. У нас его слишком много, мы не умеем его тратить. Игры на телефонах, новости, соцсети – это все только для того, чтобы убить время. Информация, продажи, покупки – все для того, чтобы человек не чувствовал себя одиноким. И знаешь, что?

Я выжидающе смотрел на него.

– Не работает! – подытожил он и развел руки в стороны. – Они все впускают меня, потому что они несчастны.

Иногда Ярослав становился серьезным до ужаса.

– И наше похоронное бюро – это то же самое, – поддакнул я.

Но он вдруг глянул на меня сурово, по-волчьи.

– Нет. Смерть – это совсем другое.

За один день мы успели обойти шесть домов. Раз десять нас послали, пять угрожали и один раз действительно вознамерились причинить телесный вред. Мы были изнурены,

пылесос – местами побит, как и мы сами.

Я не понимал, зачем Ярославу понадобилось все это.

Не понимал, пока он не сообщил, что при каждом визите подсовывал людям визитки. Он давал их в руки, засовывал в почтовые ящики, разбрасывал по квартирам. Втыкал под дверные косяки и ручки. Оставлял след.

Напоминал о смерти.

Еще когда мы заказывали визитки, Даня спросил:

– Что насчет названия?

Ярослав пафосно вознес руки к небу, выделяя взмахами каждое слово, и медленно проговорил:

– Гроб. На. Колесиках.

День, когда это случилось

Я стоял у окна и смотрел в него.

Я смотрел в окно, потому что у меня есть некоторые ежедневные привычки, как и у всех людей. Люблю, например, просыпаться не по будильнику, а когда мне хочется, долго валяться в кровати – час или два, пока не надоест. Потом вставать и идти на кухню, чтобы постоять там у открытого окна и поглядеть на улицу: как люди живут. А они живут все очень интересно, и вот я смотрю, смотрю...

В тот день за окном я видел дорогу с машинами и грязный снег, людей, которые шли в разные стороны, деревья, собак и фонари. Соседка с огромной лохматой овчаркой на поводке орала на мужика, что, мол, такие, как он, живодеры, только и знают собакам мясо с гвоздями подкидывать, а его самого впопору этим мясом накормить. Жаль, мол, собаки его не покусали в детстве, тогда он бы от них бежал, как от огня. За окном было все это, а перед ним был я.

Денёк задавался хороший.

В нашем классе учился один мальчик. Его звали Костя. В детстве Косте часто говорили, если он не понимал шутку: вырастишь – поймёшь. И он очень обстоятельно ждал, пока вырастет. А потом вырос, так и не поняв шутку. Зато он понял, что кругом один обман и разочарование, и понёс этот тяжкий груз на своём горбу.

Костя – это, кстати, я. Приятно познакомиться.

Я могу сказать: когда я вечером вышел за пивом, я сразу обратил внимание на машину с потушенными фарами чуть дальше по дороге. Но тогда я, наверно, совру. Или нет.

По правде, я плохо помню все, что было до этого – до того, как та машина подъехала ко мне и меня в нее запихнули. А тогда парализующий страх разлился по моим венам и затвердел, как цемент, превратив все тело в шашлык, нанизанный на шпажки. По мне бегали волны прохладного оцепенения, ударяющиеся о ступни, которые я вообще чувствовать перестал.

Я лежал лицом в заднее сидение с заломленными руками.

Я вдруг подумал, что зря написал столько предсмертных записок. Сглазил.

Если вокруг тебя есть люди, они работают, как подушка безопасности. А если ты один, любой удар приходится на больное место.

В тот день остался один-единственный во всем мире. И меня привезли в отделение милиции. Нет, никто не сообщил мне свою должность или фамилию. Я не видел никакого удостоверения. Никто мне ничего не сказал. Я не знал, кто меня схватил и почему – лишь смутно догадывался. Их было двое, хоть я никого не видел. Но один точно заломил мне руки и впихнул в машину, а второй ее вел. Третий если и был, то ничем не занимался. А если он ничего мне не сделал, то его и считать ни к чему.

Когда меня схватили, я не издал ни звука. Я знал, что это бесполезно. Меня пихнули в засаленное сиденье мордой, накрыли сверху какой-то тряпкой и мы тронулись. Я слышал только, как хлопнула дверь в машину и как рыкнул мотор, который даже не глушили.

Тряпку с меня сняли, когда мы приехали. Почему-то только после того, как меня выволокли из машины, на запястьях щелкнули браслеты наручников. Я не говорил ни слова. Со мной тоже никто не заговаривал – протащили через проходную, как собаку, и сунули в пустую камеру.

Нет, я правда думал, что все пройдет как-то иначе. Даже разочаровался.

Когда меня сунули в камеру, я наконец разглядел тех, кто меня туда волок. Один, моложе второго, остался у двери в клетку. У него было сухое лицо, на котором росли борода с усами и очень внимательный взгляд. Вид имел добропорядочный, как будто из другого времени пришел. Из прошлого. Я смотрел на него и стыдился самого себя, такой он был добропорядочный.

И вот такой замечательный человек меня арестовал. Не знаю, радоваться этому или нет.

Второй сел рядом со мной. Точнее, я полулежал на полу, потому что в клетку меня просто кинули, как тряпку, а он сел на скамеечку. Этот был постарше и вид имел довольно свирепый. Наверно, сыт уже такими, как я, по горло. Он вдруг спросил:

– Твой друг что, сумасшедший?

Он спросил это с какой-то доверительной жалостью. Иронично. Печально. Не знаю, как описать – он просто спросил это, как родной отец. Даже с сочувствием.

– Я тоже так думаю, – честно ответил я.

А милиционер передо мной вздохнул. Я решил, что он, наверное, следователь.

– То в морги влезает, то по квартирам ходит и визитки непонятные людям сует.

Я усмехнулся.

– Это вы еще мало о нем знаете.

А следователь вдруг посмотрел мне в глаза. Взгляд у него стал совсем не отеческий.

– Ты нам можешь много всего рассказать. А мы послушаем.

Я все понял. Понял и засмеялся.

Но следователь понял меня неправильно. Он начал меня уговаривать, вальяжно развалившись на своей этой скамеечке.

– Ну, смотри: у нас есть заявление на тебя от гражданочки, которую ты избил. К нему приложен фоторобот, который опознали несколько свидетелей, которые видели тебя в морге в неурочное время. Также гражданочка, которую ты избил, подтверждает, что ты вел дружбу с ее братом – а он как раз-таки в морге и работал. Ну, чего молчим?

Все время, пока он говорил, я насилу сдерживал смех,

чтоб не отхватить леща от сотрудника при исполнении. Я молчал, потому что едва не задыхался от смеха, рвущегося из самого моего нутра – а когда он задал мне тот каверзный вопрос, я уже не мог удержаться. Я вздохнул полной грудью и, не переставая широко улыбаться, заговорил, прерывисто дыша:

– Да забирайте его. Он живет там же, где вы меня взяли. Каждый день там появляется, но в разное время. Я вас могу в квартиру пустить, чай попьете, пока ожидаете. Только уж возьмите его наверняка, он меня достал. Если возьмете его, можете и меня посадить на месяц-другой, я не обижусь. Главное, чтоб когда я вышел, его рядом не было.

Я еще немного похотал, когда договорил. Щеки болели.

Следователь смотрел на меня смущенно и немного растерянно. Держу пари, такой реакции он не ожидал. Он, может, вообще ни разу такого не видел.

С минуту в камере все молчали, кроме меня. Я хохотал. А потом следователь кашлянул и решил, видимо, произнести заранее заготовленное:

– Понимаешь, у нас лично к тебе никаких вопросов нет. Мы все сами знаем. Нам нужен только Ярослав, а ты в этом можешь нам помочь.

Мне почему-то захотелось заплакать. Только что ржал, как конь, а тут рыдать потянуло.

Такое недостойное действие опозорило бы не только меня, его совершившего, но и всех присутствующих. Разумеет-

ся, я это сделал. Разрыдался, как дитя новорожденное у акушерки в руках.

Как же повезло людям, которые ничего обо мне не знают! Я бы тоже хотел ничего о себе не знать, а если вдруг случайно узнаю – встряхнуться, как пес после купания, и сказать: "бррр!".

После моего первого всхлипа следователь напротив вздохнул. Умиленно.

– Знаешь, сынок, мы же на вас совершенно случайно вышли, – начал он пересказывать мне мой некролог.

Оказалось, они шли по следу еще от того наркомана, который первым безвозмездно вложил в развитие нашего малого бизнеса. Своей исколотой рукой он написал заявление о том, что Ярослав украл у него деньги.

Оказалось, сотрудникам милиции хватило одного этого заявления. Уже потом к нему потянулось все. Вся наша жизнь.

Моя жизнь.

Я неоднократно замечал у Ярослава задатки каких-то экстрасенсорных способностей. Он мог, к примеру, сделать деньги на совершенно идиотской идее или предсказать дождь.

Ладно, про дождь я соврал. Но зато он почувствовал, что ему срочно понадобится адвокат.

Когда я пришел домой, я с порога услышал верещащий голос Дани:

– Если ты снова заговоришь со мной об этом, я сам тебя сдам.

В ответ Ярослав незамедлительно злорадно рассмеялся.

– Так ты соучастник, сука!

Это был первый раз, когда я, придя домой, застал не Лаврентия. Лаврентия я вообще нигде не видел – наверно, испугался накала атмосферы и забился куда-то в темный угол, дрожа от каждого громкого слова.

Я смотрел в честные, наивные глаза нашего адвоката и понимал, что более охреневшей сволочи ещё в жизни не видел. Удивительно, как мало Даня участвовал в нашем деле и какой занозой он вдруг оказался.

– Я не знал, чем вы тут занимаетесь! – отчаянно выл Даня.

Даня отчаянно не хотел приносить никакой пользы обществу. Отчасти я его понимал.

– Не знал он, как же! – распалялся Ярослав, подключая откровенное актерство к своей речи. – А то, что у нас зарегистрировано два предприятия: утилизация медицинских отходов и мясные изделия – это тебе ни о чем не говорило? Да мы при тебе тела резали!

Даня промямлил:

– Совпадения случаются.

– Совпадений не существует, – мрачно резанул Ярослав.

Даня отошел в сторону. Его шатало.

– Я тебе ничем не помогу. Я не адвокат.

На Ярослава в такие моменты смотреть было страшно. Он

злился. Его глаза угрожали вывалиться из орбит, и в то же время они метали молнии. Воистину завораживающее зрелище, почти как северное сияние.

За Ярослава я никогда не переживал. За что я действительно переживал, так это за сохранность своей задницы. На тот момент она находилось в опасности. Она уже томилась на медленном огне, хоть еще и не жарилась.

Я думал. Думал о том, что от того мертвого участкового у нас остался пистолет.

Конец света

Говорят, деньги портят людей, но я не могу с этим согласиться. Может, кого-то они все-таки не портят. Хотя среди моих знакомых таких претендентов нет.

Ума не приложу, зачем ему понадобилось убивать Лаврентия. Мне показалось, Даня его раздражал больше.

Следователь был, в сущности, человеком чудесным. Если бы чудесность эта не вставала поперёк моего жизненного пути, я бы ей непременно восхитился.

Леонид Виссарионович. Так звали следователя. Он мне представился.

– Важно не что происходит, а с кем это происходит. Если что-то плохое происходит с незнакомым человеком, из общего у вас только видовая принадлежность. Мы представляем себя на месте этого человека, чувствуем его боль – это эмпатия, не больше. Но если мы знали этого человека, то начинают болеть воспоминания. Чем их больше, тем сильнее болит. Как множество мелких порезов, на которых попала соль. Один ещё можно потерпеть, но десять – проблематично. Что ж говорить о таких случаях, когда порезов сотни... крепитесь.

И мне поведали ужасную новость:

Лаврентий мертв.

Я видел его тело. Сердце сжалось от того, какой он лежал

бледный и тощий, с перекинутой через тело поджатой лапкой. Он выглядел, как нерождённое дитя – лежал там в позе эмбриона с закрытыми глазами.

Это был Лаврентий. Боже мой.

Вот она, реальность. Самая настоящая, прозаичная, честная мокруха. Без всякой романтики.

Я вдруг понял: все, что со мной происходило и происходит – это моя жизнь. Одна большая жизнь. Она не делится на промежутки. Все её составляющие, по сути, представляют собой одно и то же. Все мерзкое и высокое слилось воедино, скука и веселье, смысл и его отсутствие, все одно. Всю свою жизнь я шел к этому моменту. А потом пойду дальше.

Мне стало дурно.

Я вспомнил про физику, молекулы, атомы, химию и биологию. Вспомнил о том, как все мы устроены. Ведь не может же все это сложное и величественное устройство в один миг перестать работать. Чего стоит атомам как-то перестроиться и залатать прореху? Это же невысказано, чтоб из-за нелепости, совершенной человеком, в другом мире – их сложном, умном мире, который не подчиняется нашей человеческой глупости – случилась перемена. Они же и дальше работают, эти атомы. Они даже не обращают на это внимания. Им и невдомек, что тело, которое они составляют, мертво. А если б они вдруг узнали – что тогда? Появилась бы в частицах хоть частичка сострадания?

Я думал об этом, чтобы не думать о самой смерти. Смот-

реть в глубокую суть вещей куда проще, чем ориентироваться в человеческих координатах. Если б у этой смерти еще и появилось имя, тогда я бы точно расплакался, на том же самом месте. А плакать мне не хотелось. Прекрасная все-таки штука наш мозг: как просто обманывает он сам себя, не думая даже, что это обман! Как будто приснилось.

Лаврентия вывезли в лес. Тот самый лес, где Румани подвернула ногу и где, должно быть, до сих пор рыскает ее кот. Я понял, что это сделал Артур, и от этого стало особенно противно.

Вот так, значит. Похоронное бюро.

Леонид Виссарионович отнесся ко мне с пониманием. После известия о смерти Лаврентия он меня ждал.

Я тоже ждал. Самого себя.

Ждали мы молча. Как будто каждый боялся скovyрнуть, как корку на ране, чужое молчание, и открыть в другом то, о чем слышать не хочет. Подобные сближения всегда порождают неловкость. Как будто ты случайно тронул лучшего друга за член.

Я точно знал, что я испытывал. Обиду, боль и ярость.

А следователь вдруг заговорил:

– Когда окружающие думают о нас, они могут предсказать наши действия или мысли. Если мы с ними, конечно, честны. Это своего рода портрет: вечный и живой. Значит, любое решение, которое вы примите честно и без влияния извне, будет верным для вас, потому как верным вашему портрету.

Это штангельциркуль, которым мы измеряем личность. Любое отклонение неверно, потому что оно неверно лично для вас, а не в общем смысле. Оно может быть признаком либо патологии, либо преступления.

Вместо того, чтоб и дальше молчать, он решил не давать мне и слова ввернуть. Взял только небольшую передышку, чтоб податься вперед и сурово взглянуть на меня. Для драматического эффекта.

– В данном случае мы должны определить, является оно самостоятельным преступлением или патологическим – то есть преступлением против самого себя и только, – закончил он.

– Нет, – тут же возразил я, – я знаю, почему он это сделал.

Леонид Виссарионович промолчал. Не потому, что сказать ничего не мог, а, как я вскоре понял, снова для драматического эффекта: он промолчал и сказал тихим, твердым голосом:

– Тогда ты знаешь, что он сделал после этого.

И я посмотрел следователю в глаза.

– Конечно знаю.

Я вспомнил, как мы залили соседку. Как она пришла и трезвонила в дверь. Я открыл, выслушал ее и пошел к Лаврентию, а Лаврентий мне не сразу ответил.

Тогда я за него испугался.

Дело в том, что мне это кое-что напомнило.

***

Мы с Радой разошлись в конце сентября. Я хорошо помню тот день. Солнце светило по-осеннему холодно, небо отчаянно голубело за голыми ветками с ошметками листьев на них, а Лаврентий резал вены. Но я об этом еще не знал.

В те времена я был еще не нищим, просто бедным. Я не мог позволить себе отвести Раду в ресторан, но кофе в парке выпить мы могли. Она беспрекословно ходила пить со мной кофе в парке и даже виду не подавала, что что-то не так. Я ее за это обожал.

Она училась на менеджера и всегда одевалась в деловые костюмы с кошачьей шерстью на коленках. Кошачья шерсть, конечно, не шла в комплекте с брюками. Просто Рада очень любила брать на руки уличных кошек, а своих не держала.

Я ждал ее на скамейке у озера. Холодало в тот год стремительно и неотвратимо, так что мои руки покраснели, пока я сидел там, глядя на уток, которые, судя по всему, не мерзли.

Или, может, им было некуда идти.

Ее я увидел издалека: волосы вьются шапкой, походка виляет, на голове все ходит из стороны в сторону. В ее манере вести себя было что-то такое, как будто она говорила: а плевать мне, кто на меня смотрит, я вообще здесь находиться не хочу. Это я обожал.

Поэтому я увидел ее издалека и смотрел, как она на меня движется, размахивая волосами и бедрами. Прекрасное зрелище.

Я смотрел на нее и не мог нарадоваться тому, что она идет

ко мне. А она подошла и сказала, что у нее есть другой.

Этого следовало ожидать. В конце концов, я появился у нее на месте Лаврентия, который об этом даже не подозревал. И все же я надулся. Она, надо отдать ей должное, не ушла сразу – села рядом, дала мне время.

Мы сидели молча. Ее волосы и бедра причиняли мне невыносимую боль, потому что после этой встречи понесли себя к кому-то другому. Я спросил:

– И как он тебя ко мне отпустил?

А она ответила:

– Мне не нужно спрашивать у него разрешения.

– То есть, он не знает?

На горизонте замаячила тень интрижки.

– Знает.

– Значит, он волнуется.

– Не волнуется!

– Тогда не любит! – подвел я итог жирной чертой, крайне довольный собой.

Она вздохнула.

– Вот в этом твоя проблема. И не только твоя – все мужики такие.

– А все бабы говорят, что все мужики такие.

– Но ведь так и есть! Все, кроме него.

– Ага, вот значит, как. Ага. Понятно. Ясно все. Спасибо, что разъяснила.

– Я не собираюсь перед тобой оправдываться!

– Этого я и не ждал, что ты. Такая милость – куда мне!

Перед ним потом будешь оправдываться.

– Слушай, я пришла сюда, чтобы ты знал: я не имею к тебе претензий.

– О.

– И я не хочу причинять тебе боль.

– Значит, ты делаешь это против воли. Теперь я об этом знаю, хоть легче и не становится. Но все в порядке – по сравнению с той болью, которую ты мне причинила, когда ушла от меня, эта ничего не значит.

Она возмущенно разинула рот.

– Это ты меня бросил!

– Ничего подобного!

– Ты сделал все для того, чтобы я тебя возненавидела!

– Я просто слишком сильно тебя любил.

И она поняла. За это я её обожал: она всегда понимала. Понимала, молча делала выводы и находила тебе замену.

Она посмотрела мне в глаза. А потом тихо заговорила:

– Любовь, любовь, любовь – ты постоянно говоришь только о ней! То, что произошло между нами, не имеет никакого отношения к любви.

– А что же тогда между нами произошло?

– Секс.

И я засмеялся.

Потом я пошел домой и совсем о ней не думал. Я думал о чем угодно, но не о ней. О всякой чуши. О том, что ско-

ро мне писать диплом, о том, что денег, которые присылают родители, мне критически не хватает и надо бы устроиться на работу. Думал о том, что вечером можно выпить пива, а на меня в это время дул холодный и чистый ветер.

Я зашел в квартиру и сходу наступил в лужу. Ботинки у меня тогда были хорошие, не промокали. Сейчас расклеились совсем. Но несмотря на то, что я не промочил ноги, выругаться в таком случае все равно надо обязательно. Потому что это чертовски неправильно, когда у тебя в квартире на полу вода.

Лужа выдалась добротная, на весь коридор. Ее исток находился где-то за дверью ванной, и чтоб понять, почему, не требовалось сильно напрягать мозг.

Конечно, я направился в ванную. Еще на подходе заметил, что вода мутноватая. С кирпичным оттенком, как после креветок.

Лаврентий лежал в воде одетый, в рубашке и брюках. Его распоротая рука сжимала сигарету. Он курил.

Я оглядел его, оглядел переполненную ванну с опущенным в нее душем, из которого, судя по всему, продолжала пребывать вода. Лаврентий смотрел на меня. Вода в ванной вся покраснела, только со стороны открытого душа вились светлые водовороты.

Я сказал:

– Вода, Лавр. Она заблудилась и ищет путь домой.

Лаврентию потребовалась пара минут, чтобы вернуться в

реальность. Он похлопал на меня глазами, а я спокойно его подождал, стоя в своих отличных непромокаемых ботинках в луже воды и крови.

– А, так мне нужно, чтобы уровень не понижался, а сама вода сохраняла температуру и циркулировала. Другого способа помимо того, чтобы не выключать душ, я не вижу, – объяснил он, жеманно откинув руку с сигаретой, и рассеянно, будто соображая на ходу, добавил: – вернее, не видел, пока ты не пришел. Теперь-то ты можешь мне помочь, помешать воду и, например, слить лишнее, чтобы добавить воды погорячее, когда она остынет. Теперь, разумеется, в потоке никакой надобности нет.

Я подошел, присел и посмотрел на порез Лаврентия. Кровь из него текла непрерывным ручейком. Я подумал, что начал он, видно, не так давно, раз так бодро говорит, да и вода еще не такого уж насыщенного оттенка.

Одним словом, я понял, что жизни Лаврентия еще ничего не угрожает.

Кроме меня.

– Да ты балда! – заорал я на него.

Самоубийство – не выход, я это знаю. И вы знайте.

Лаврентий беспомощно пожал плечами.

Я вздохнул и сказал то, что не хотел бы говорить никогда в жизни. Я планировал обманывать Лаврентия до победного и регулярно выдумывать для него все новые романтические истории о наших свиданиях, чтоб он на стенку лез от ревно-

сти.

Но вот я дома и Лаврентий стал первым, кому я сказал:
– Она и меня бросила.

Тогда я вытащил Лаврентия из ванной и забинтовал его бледные скользкие руки. А теперь он лежит мертвый. Тот самый человек, которому я тогда заматывал запястья, чтоб не окочурился.

Я притащил Ярослава в наш с Лаврентием маленький мир, и вот к чему это привело. К тотальному уничтожению всего сущего. Но теперь-то, наконец, все закончилось. Закончилось, как я и предполагал.

Как-то раз я говорил с Ярославом по поводу той ночи в поезде. По поводу первой ночи, когда я ехал в поезде и боялся не того, что еду в поезде, а всего происходящего внутри вагона. Та ночь открыла мне глаза на многое. Она, можно сказать, на меня повлияла. После нее я, как говорится, уже не был прежним.

Я поделился всем этим с Ярославом. Сразу заметил, что он как-то стушевался, но даже не успел ничего предположить – Ярослав сам пояснил, мгновенно:

– Понимаешь, – вздохнул он, – я тебе ничего не давал.

Ни-че-го. Совершенно.

– Это было слабительное.

Я вспомнил, как засел в туалете после того, как распрощался с проводницей. Просидел там вплоть до остановки, вою от недовольных пассажиров было на весь состав.

– Я только одну таблетку взял, себе. А для тебя просто подобрал такую же из домашней аптечки.

Пожалуй, мы опустились на самое дно не потому, что для нас в мире не нашлось подходящих условий. Просто мы остались детьми, которые так и не поняли, как работает мир взрослых. Забавно, что и разбогатели мы именно поэтому: когда не знаешь правил, можно играть только против них, а это – верный путь к успеху.

Тело Лаврентия ехало в морг. Я был за него спокоен: знал, что резать его некому.

И я поехал в деревню к родственникам Лаврентия. За своими вещами.

Конец света: после

Почему я не выбрал ничего попроще, чем убийство? Потому что это самый надёжный метод.

Когда-то мы договорились прятать пистолет на антресоли в прихожей. И будь я проклят, если Ярослав не понял, что у него есть повод его перепрятать – с этой установкой я зашел в квартиру и сунул руку на антресоль.

Пистолет лежал там.

На самоубийство у него бы не поднялась рука. Но об этом знал, пожалуй, только я: его лучший друг.

Сейчас кто-то, должно быть, решил, что все это неправда и я не мог убить человека – да что там человека, лучшего друга! Пожалуй, войдя в положение этого кого-то я могу отыскать причины, почему вы мне не верите. И с позиции вошедшего в ваше положение смело могу заявить: должно быть, вы ни разу не оказывались в моем, поэтому и отказываетесь верить в его правдивость.

Я, голодавший и насытившийся, не готов расстаться с собой нынешним ни под каким предлогом. И готов заплатить любую цену.

Для того, чтобы реально кого-то убить, нужно реально поехать башкой. Когда-то я думал так.

Но вот я сказал следователю, Леониду Виссарионовичу:
– Я знаю, где он.

И назвал деревню, в которой жили родственники Лаврентия. Кроме названия я ничего о ней и не знал, в глаза ни разу не видел. Мы поехали. Меня взяли то ли как понятого, то ли свидетелем, то ли подозреваемым.

Меня взяли. И я единственный знал, за чем мы едем на самом деле.

Конечно, Леонид Виссарионович сильно удивился, когда Ярослава не оказалось дома. Да там о нем вообще впервые слышали. Зато я смог забрать коробку со своими вещами, которая все это время пылилась у них в гараже.

Почти год.

Все очень сильно расстроились, когда узнали, что Ярослав там нет. Даже я расстроился.

Обратно поехал один.

Этим утром часы остановились. Я сижу на кухне Лаврентия и смотрю на остановившиеся часы.

Одна часть меня говорит: каждую секунду в мире кто-то делает что-то плохое, просто сейчас этим кем-то являешься ты. Другая моя часть возражала: но ведь если бы ты не делал этого зла, зла бы и не происходило вовсе! Хотя бы в эту секунду.

Простить – это признать в себе прощаемого. Я себя упорно не прощаю.

Я умываюсь холодной водой. Прижимаю лицо к ладоням с ледяной водой и держу их, пока все лицо не расслабится и не станет новым, пока не уйдет плачущее лицо. Я снимаю

свое плачущее лицо, как слой кожи – из-под него появляется мое настоящее лицо, оно спокойно и невозмутимо.

Я смотрю в зеркало. Глаза все еще красные. Промываю их холодной водой еще несколько раз. Теперь они мокрые и немного припухшие. Это от воды. Я не плакал. Вытираю лицо, смотрю на себя – я молодец, я справился. Чтобы убедиться в этом, еще раз говорю себе: тебя предали, в этом нет ничего страшного. Это обычная вещь, это не плохо и не хорошо. Это просто случилось.

Никакой реакции на моем лице. Я продолжаю: она не выбрала тебя, она любила его сильнее, чем тебя. Тебя она вообще не любила – ну и что, никто же не обязан отвечать взаимностью. Ну и что, что ты любишь ее больше всего на свете. Ну и что.

Я чувствую ком в горле.

Все насмарку.

Я стараюсь не думать о том, что у меня больше никого не осталось.

Сперва, конечно, меня тяготила вера в правосудие. Я твёрдо знал, что моё преступление раскроется и меня настигнет наказание. А потом преступление произошло, как будто само по себе.

Конечно, в процессе у меня дрожали руки. Но постепенно дрожь ушла, а на её место пришло ликующее воодушевление: я это сделал. Нельзя, а я сделал. И в этой завершенности было для меня огромное облегчение: она освободила

от терзаний и неуверенности. То, что сделано – сделано. И факт этот неотвратим. Как это славно! Как будто гора с плеч, как будто долго планируемый проект наконец реализовался. Как чисто и покойно стало у меня на душе! Мне было плевать, чем все это закончится: поймают или нет. Главное, что мне хорошо.

А время шло, и чем дальше, тем больше я был уверен в том, что меня не поймают. Ведь до сих пор не поймали! Моё преступление либо очевидно, либо неразрешимо, так мне казалось. Потом меня настигло даже разочарование: как же так, я ведь должен быть наказан!

Но потом я решил, что Леонид Виссарионович просто не захотел меня наказывать. А это тот еще удар по самолюбию.

Конечно, ему не нужно было ломать голову над этим делом. Оно, что называется, шито белыми нитками. Мы с Артуром даже отвезли его в тот же лес, где нашли Лаврентия. Артур не был против.

Артур – он всегда ровный. Ему доверять можно.

Они умерли в один день. В морге оба лежали, можно сказать, плечом к плечу. Я не видел, но воображение у меня хорошее.

Лаврентий и Ярослав. Когда-то Румани сказала мне, что они похожи.

Самое главное, что я не опускаю руки. Я знаю, чем мне заняться. Для этого мне понадобится всего лишь две кастрюли, пластиковая бутылка, марля, термометр, дуршлаг и воронка.

Хмель, солод, дрожжи, сахар и вода.

А еще шланг, немного йода и гидрозатвор. Ну, это уже мелочи.

Не знаю, получится у меня или нет. Попробую. Пиво сварить не сложно, было бы сложно – его бы не варили в таких масштабах.

Я никогда не забуду взгляд Ярослава в тот момент, когда он понял, зачем я пришёл. Тогда я вдруг подумал: что я наделал?

И выстрелил.

У меня не сразу получилось, я же вообще в первый раз стрелял. Забыл снять с предохранителя. Но со второго раза раздался гром, и Ярослава не стало. Вот что я сделал.